

Содержание

История

<i>Денисова Т. С.</i> Всеобщие выборы 2016 г. в Гане: смена руководства	5
<i>Спиридонова Е. В., Мильто А. В.</i> «Каждая птица кричит по-своему» (животный мир в восточноафриканском фольклоре)	10
<i>Добрынин Д. А.</i> Правозащитная деятельность Amnesty International в Венгерской народной республике	19
<i>Смирнова Ю. Б.</i> Алексей Грязнов и модернизация производства на Ярославской Большой мануфактуре в конце XIX – начале XX в.	24
<i>Данилов Е. С.</i> О несостоявшейся публикации С. И. Радцига в «Сборнике Ярославского Государственного Университета»	30
<i>Уткин Д. Е.</i> Делопроизводственные материалы Ярославского наместнического правления как исторический источник для изучения местного управления в эпоху Екатерины II	35
<i>Мазалецкая Е. Н.</i> Деятельность Ярославского отделения ВООПИиК по популяризации охраны культурного наследия в 1960–1980-е гг.	39
<i>Аграшин А. В.</i> Дебютное выступление сборной Российской империи по футболу на Олимпийских играх 1912 г. в Стокгольме	43

Право

<i>Лушников А. М., Кириллова Л. С.</i> Нетипичные трудовые договоры: гибкость и стабильность юридической конструкции	46
<i>Смирнов Д. А.</i> Проблема фикций в трудовом праве: реальная или надуманная?	51
<i>Тарусина Н. Н.</i> 1917–2017: «революции» и «контрреволюции» в российском семейном законодательстве	56
<i>Исаева Е. А.</i> Готовность некоммерческих организаций Ярославской области к получению статуса исполнителей общественно полезных услуг	60

Иванчин А. В. Постановление Конституционного суда РФ от 10 февраля 2017 г. № 2-П о ст. 212.1 УК РФ: анализ, значение для уголовного правотворчества и правоприменения	65
Степанов А. А. Правовая природа конфискации имущества (ст. 104.1, 104.2 УК РФ)	72

Психология

Карнов А. В., Разина Т. В. Закономерности метасистемной детерминации продуктивности научной деятельности	77
Толочек В. А. Стили делового общения: парадоксы изучения феномена	84
Кашанов М. М., Иванова Ю. О. Взаимосвязь психологического благополучия и копинг-поведения в процессе профессионализации педагогов	89
Конева Е. В., Солондаев В. К., Пелевина А. А. «Неуставные отношения» в учебных коллективах	95
Владимиров И. Ю., Штыхина А. В. Динамический аспект влияния эмоционального состояния решателя на процесс решения инсайтных задач	100
Морозова Е. Н., Коровкин С. Ю. Влияние категориальной структуры задачи на процесс решения	106
Кайтукова З. Х. Структура и факторы развития творческого потенциала студентов педагогического вуза	110
Вильчес-Ногерол (Белик) В. В., Рютина О. В. Корпоративная культура и организация труда в детерминации стилей делового общения субъектов (на примере деятельности менеджеров и сотрудников уголовно-исполнительной системы)	114
Дополнительные сведения об авторах	119

Contents

History

<i>Denisova T. S.</i> Ghana's 2016 General Election: the Change in Leadership	5
<i>Spiridonova E. V., Milto A. V.</i> «Every Bird Cries in One's Own Way» (On the Animal World in the East African folklore)	10
<i>Dobrynin D. A.</i> Human Rights Activities of Amnesty International in the Hungarian People's Republic	19
<i>Smirnova Y. B.</i> Alexey Gryaznov and Modernisation of Production at the Yaroslavl Big Manufactory in the Late 19 th and Early 20 th Centuries	24
<i>Danilov E. S.</i> On Cancelled S. Radzig's Publication in «Sbornik Yaroslavskogo Gosudarstvennogo Universiteta»	30
<i>Utkin D. E.</i> Clerical Materials of Yaroslavl Vicegeral Board as a Historical Source of Study of Local Administration during Catherine the Great Rule	35
<i>Mazaletskaya E. N.</i> Practical activity of Yaroslavl office of VOOPIC to promote the protection of the heritage in 1960–1980-ies	39
<i>Agrashin A. V.</i> The Performance of the Russian Empire National Football Team during the 1912 Olympic Games in Stockholm	43

Law

<i>Lushnikov A. M., Kirillova L. S.</i> Atypical Employment Contracts: Flexibility and Stability of the Legal Construction	46
<i>Smirnov D. A.</i> Problem of Fictions in the Labour Law: Real or Assumed?	51
<i>Tarusina N. N.</i> 1917–2017: «Revolutions» and «Counterrevolutions» in the Russian Family Law	56
<i>Isaeva E. A.</i> Readiness of Non-Profit Organizations of the Yaroslavl Region to Obtain the Status of Performers of Socially Useful Services	60

<i>Ivanchin A. V.</i> The Russian Federation Constitutional Court Resolution Adopted February 10, 2017 № 2-P on art. 212.1 of the Russian Criminal Code: analysis, importance to the Criminal Legislation and Law Enforcement	65
<i>Stepanov A. A.</i> Legal Nature of Confiscation of Property (articles 104.1, 104.2 of the Criminal Code of the Russian Federation)	72

Psychology

<i>Karpov A. V., Razina T. V.</i> Principles of Metasystem Determination of Scientific Productivity	77
<i>Tolochek V. A.</i> Styles of Business Communication: Paradoxes of Studying the Phenomenon	84
<i>Kashapov M. M., Ivanova J. O.</i> Interrelation Between Psychological Well-being and Coping Behavior in the Process of Teachers' Professionalization	89
<i>Koneva E. V., Solondaev V. K., Pelevin A. A.</i> Harassment Relations in Student Groups	95
<i>Vladimirov I. Yu., Shtykina A. V.</i> The Dynamic Aspect of the Emotional State Influence on the Insight Problem Solving	100
<i>Morozova E. N., Korovkin S. Y.</i> The Influence of Categorical Structure of Problem on Problem Solving Process	106
<i>Kaytukova Z. H.</i> Structure and Factors of Students' of Pedagogic Institutes Creativity Potential Development	110
<i>Vilches-Nogerol (Belik) V. V., Ryutina O. V.</i> Corporate Culture and Organization of Labor in the Determination of Styles of Business Communication (by an example of managers and employees of penitentiary system)	114
Contributors	120

УДК 994

В статье рассматриваются результаты президентских выборов 2016 г. в одной из наиболее развитых в политическом и социально-экономическом отношениях стран Западной Африки – Гане, отмечающей в 2017 г. 60-летие со дня обретения национальной независимости.

Ключевые слова: Африка; Гана; политическое лидерство; электоральные процессы; политическое развитие; всеобщие выборы; демократия.

The article discusses the results of the 2016 presidential election in Ghana, one of the most developed countries in West Africa in terms of political and socio-economic relations. In 2017, Ghana is celebrating the 60th anniversary of national independence.

Keywords: Africa; Ghana; political leadership; electoral processes; political development; general election; democracy.

Т. С. Денисова

*Институт Африки РАН
E-mail: tsden@hotmail.com*

Всеобщие выборы 2016 г. в Гане: смена руководства

Научная статья

T. S. Denisova

Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences

Ghana's 2016 General Election: the Change in Leadership

Scientific article

7 декабря 2016 г. в Гане состоялись президентские и парламентские выборы. Президентом был избран кандидат от Новой патриотической партии (НПП) Нана Акуфо-Аддо (53,85 % голосов), одержавший победу над действовавшим главой государства Джоном Драмани Махамой (44,4 %), баллотировавшимся от партии Национальный демократический конгресс (НДК). За Акуфо-Аддо, вступившим в должность 7 января 2017 г., было отдано 5 716 026 голосов – более чем на 1 млн больше, чем за Махаму (4 713 277) [1].

Хотя в ходе предвыборной кампании наблюдались столкновения между сторонниками отдельных кандидатов и соперничавших партий, в целом выборы прошли в относительно стабильной обстановке и завершились мирной передачей власти. Уже в седьмой раз (1992, 1996, 2000, 2004, 2008, 2012 и 2016 гг.) ганцы проявили доверие к итогам голосования и доказали, что честные и справедливые выборы в Африке становятся политической реальностью. В третий раз власть

в Гане перешла к кандидату от оппозиции. Впрочем, проведение выборов в стране заметно отличается от аналогичных процессов во многих других государствах Тропической Африки, где избирательные кампании сопровождаются подъемом насилия (Кот-д'Ивуар), многочисленными нарушениями (Демократическая Республика Конго, Кения, Нигерия, Экваториальная Гвинея), обострением внутривнутриполитической ситуации в результате непризнания тем или иным кандидатом итогов голосования (Гамбия после выборов 2016 г.).

Ганская постколониальная история началась в марте 1957 г. с приходом к власти правительства Кваме Нкрумы, провозгласившего опору на либерально-демократические принципы. Однако уже вскоре режим стал приобретать черты квазидиктатуры. В результате в 1966 г. произошёл первый военный переворот. В следующие полтора десятилетия Гана пережила две попытки демократизации – в 1969–1972 (при прави-

тельстве К. Бусиа) и 1979–1981 гг., но оба «демократических» режима были свергнуты примерно через 27 месяцев существования. В 1979 г. Дж. Дж. Ролингс в результате военного переворота захватил власть на 112 дней, после чего передал ее гражданскому правительству во главе с Х. Лиманном и его Народной национальной партией (ННП). В декабре 1981 г. Ролингс совершил второй военный переворот и власть вновь перешла в руки военных – Временного совета национальной обороны (ВСНО). Несмотря на определение «временный», ВСНО управлял страной в течение 11 лет – до 7 января 1993 г., когда был вновь установлен гражданский режим и президентские и парламентские выборы начали проводиться на регулярной основе.

Мирный ход всех проходивших в Гане выборов укрепил ее репутацию «оплота демократии» на континенте. В этом смысле интересно то, что некоторые члены правившего до 7 декабря 2016 г. НДК голосовали за представителей оппозиции, претендовавших на избрание в парламент, то есть «демократия» в Гане вышла за рамки «партийной политики». Более того, можно было наблюдать, как сторонники Акуфо-Аддо танцевали под мелодию, сопровождавшую предвыборную кампанию Махамы, который признал поражение и поздравил Акуфо-Аддо с победой еще до объявления официальных результатов. В настоящее время Гана – одно из немногих африканских государств, негативную информацию о котором трудно найти даже в западных СМИ.

Новый президент Ганы родился 29 марта 1944 г. (сейчас ему 73 года) в аристократической семье (она дала стране нескольких выдающихся политиков). Отец нынешнего главы государства – Эдвард Акуфо-Аддо – был Верховным судьей независимой республики (1966–1970), председателем конституционной комиссии (1967–1968) и т. н. представительным президентом (1970–1972); дед по материнской линии Нана Офори Атта I (1881–1943) – правителем одного из самых крупных королевств (Ачем-Абуаква) на территории Золотого Берега (так до независимости называлась Гана) и членом консультационного комитета при губернаторе колонии. Один дядя – Кофи Асанте Офори-Атта – занимал пост спикера парламента Ганы в 1965–1966 гг., другой – Уильям Офори-Атта – в колониальный период стал основателем одной из крупнейших политических пар-

тий страны – Объединенного конвента Золотого Берега (ОКЗБ), штаб-квартира которого располагалась в доме отца нынешнего президента. Еще один выдающийся ганский политик – Джозеф Данква – был двоюродным дядей Акуфо-Аддо. То есть три его родственника (Эдвард Акуфо-Аддо, Уильям Офори-Атта и Дж. Данква) входили в т. н. Большую шестерку (в ее «составе» также были Кваме Нкрума и активные члены ОКЗБ Эбенезер Афо Эджей и Эммануэль Обетсеби-Лэмпти) отцов-основателей суверенной Ганы. Акуфо-Аддо всячески подчеркивает свое «славное» происхождение, впрочем не напоминая, что именно его «предки» были главными критиками кампании «позитивного действия» и лозунга Нкрумы «Независимость немедленно!» и занимали умеренные позиции в отношениях с колониальными властями. В значительной степени результатом их деятельности было свержение первого президента Ганы в 1966 г. В то же время Акуфо-Аддо не скрывает гордости, что стал лидером страны, которая первой в Тропической Африке обрела независимость.

Начальное и среднее образование Акуфо-Аддо получил в Гане. В 1962 г. отправился в Англию, где в колледже «Лэнсинг» (графство Суссекс) изучал философию, политику и экономику. После возвращения на родину преподавал в школе, учился в Университете Ганы (Легон), в 1967 г. получил диплом бакалавра по специальности «экономика». Затем изучал право в Великобритании, работал в парижском филиале американской юридической компании «Courdet Freres». В 1975 г. вернулся в Гану и в 1979 г. основал свою юридическую фирму «Prempeh and Co.». Новый президент известен приверженностью правам человека и предоставлением бесплатной юридической помощи малоимущим. Многие ганские юристы считают его «самым выдающимся адвокатом страны» [2].

Начало политической деятельности Акуфо-Аддо относится к концу 1970-х гг., когда он присоединился к Народному движению за свободу и справедливость – организации, оппозиционной военному правительству И. Ачемпонга (1972–1978).

В мае 1995 г. Акуфо-Аддо оказался одним из организаторов межпартийного Альянса за изменения, выступавшего против неолиберальной политики Дж. Дж. Ролингса (гражданский пре-

зидент с 1993 по 2000 г.), в том числе принятия закона о 15-процентном налоге на добавленную стоимость. Альянс распался из-за разногласий между его лидерами. В 1990-х же годах Акуфо-Аддо создал правозащитную ассоциацию Ганский комитет по правам человека и народов. В 2001–2003 гг. он занимал должность генерального прокурора, в 2003–2007 – министра иностранных дел, участвовал в переговорах по разрешению конфликтов в Сьерра-Леоне, Либерии, Кот-д’Ивуаре и Гвинее-Бисау, в 2003 г. возглавлял Совет по посредничеству и безопасности Экономического сообщества стран Западной Африки (ЭКОВАС). В бытность Акуфо-Аддо главой внешнеполитического ведомства Гана в 2006 г. вошла в состав Совета по правам человека ООН, при голосовании получив наибольшее в истории Совета число голосов – 183 из 191.

Акуфо-Аддо баллотировался на пост президента в 2008 г., затем в 2012 г., но был побежден в первый раз Джоном Аттой Миллсом, во второй – Джоном Драмани Махамой (оба раза с минимальным отрывом). В 2012 г. он опротестовал итоги голосования в суде. Однако результаты были признаны верными, и Акуфо-Аддо принял вердикт в интересах «экономической стабильности», чем завоевал много сторонников [3].

Таким образом, Акуфо-Аддо – опытный политик, представитель т. н. группы «данква-бусиасистов» (Кофи Бусиа – премьер-министр Ганы в 1969–1972 гг., соратник Данквы и других умеренных членов Большой шестерки), в течение нескольких десятилетий вынашивавших амбициозные планы присвоения власти. В правление Ролингса они предпринимали действия по расшатыванию его режима, используя давние связи в рядах «старой гвардии» политиков и традиционной знати. Впрочем, именно под их давлением в начале 1990-х Ролингс с неохотой согласился на трансформацию военного режима в гражданский [4].

Упрочение положения «данква-бусиасистов» произошло при не столь сильных, как Ролингс, лидерах – Дж. Куфуоре (2001–2009), Дж. Атта Миллсе (2009–2012) и Дж. Драмани Махаме (2012–2016). Неспособные захватить власть в 1957 г., быстро утратившие ее с падением правительства Бусиа, старые политики, наконец, добились успеха с приходом Акуфо-Аддо. Было бы несправедливым обвинять «данква-бу-

сиасистов» в каких-либо очевидных грехах, кроме перманентной, но невоинственной оппозиционности в отношении с действовавшими режимами; однако следует признать, что жажда власти (а не радикальные реформы) всегда была основным мотивом их деятельности. Они последовательно позиционировали себя как приверженцы демократии, защитники прав человека, борцы с коррупцией и другими злоупотреблениями, но кто из африканских политиков не представлял себя подобным образом?

Скорее всего, именно политика (а не экономика) окажется в центре внимания нового президента. Страна уже переживала это при «старых политиках» – Нкруме и Бусиа, которым было неинтересно заниматься «хозяйственными» проблемами: намного привлекательней выглядела деятельность по выстраиванию благоприятного имиджа Ганы на международной арене путем проведения многочисленных международных форумов. Именно игнорирование экономики и привело к падению их режимов. Между тем, уже завоевавшая авторитет в мире и переживающая долгий период политической стабильности, сегодня Гана в первую очередь нуждается в оздоровлении экономики.

В последние два с половиной десятилетия Гана, безусловно, – одно из наиболее экономически стабильных государств Тропической Африки; это второй (после Кот-д’Ивуара) мировой производитель какао-бобов и второй же (после ЮАР) производитель золота. До 2014 г. Гана считалась африканской страной с наиболее динамично развивавшейся экономикой. До прихода в 2012 г. к власти Дж. Махамы рост ВВП достигал 14 % (2011 г.), что прежде всего обуславливалось началом (в 2010 г. британской компанией «Tullow») добычи и экспорта нефти, но уже в 2014 г. темпы экономического роста снизились до 4 %. Хотя падение цен на нефть не было «просчетом» правительства, администрацию Махамы начали обвинять в неэффективном расходовании нефтедолларов и неспособности к управлению экономикой. В 2015 г., в связи со снижением цен на основные экспортные товары (золото, какао-бобы, нефть), ганским властям пришлось обратиться за помощью к МВФ [5].

Экономический спад, сопровождавшийся ростом дефицита бюджета, инфляцией, безработицей, сужением социальных программ, ослабле-

нием валюты, а также взлет коррупции, в Африке неизменно сопутствующей развитию нефтедобывающего сектора, привели к некоторой дестабилизации политической обстановки перед выборами 2016 г. и росту гражданского недовольства режимом Махамы.

Важной проблемой, с которой столкнулось бывшее правительство, оказался и энергетический кризис. Реализация специальной энергетической программы началась еще в 2007 г., но до сих пор она выполнена лишь на 35 %. Ситуация усугублялась тем, что именно в 2012 г., когда Махама пришел к власти, был случайно поврежден западноафриканский газопровод, по которому газ поступает в Гану из Нигерии [6]. Частые перебои с подачей электричества и сохраняющаяся необходимость в импорте топлива означают, что ганские энергетические предприятия не производят достаточного объема электроэнергии, главным источником которой остается ГЭС Акосомбо, из-за климатических изменений – выпадения меньшего объема осадков – работающая не на полную мощность. Энергетический кризис породил множество проблем: перерывы в работе промышленных предприятий, увольнения работников, банкротство и ликвидацию многих производств, даже определенное общественное размежевание (некоторые ганцы сваливали вину за перебои с подачей электричества на «богатых» владельцев холодильников, кондиционеров и иных электроприборов). Энергетическая инфраструктура Ганы нуждается в серьезном усовершенствовании, прежде всего в целях снижения объема электроэнергии, теряющейся во время подачи и распределения. Перебои с электроэнергией обходятся Гане от 320 до 924 млн долл. ежегодно в производственном эквиваленте [6].

Конечно же, оппозиция использовала недовольство кризисом, который 15 раз упоминался в предвыборном манифесте НПП и ни разу – в манифесте НДК. Именно обещание «решить энергетическую проблему» стало одним из столпов предвыборной кампании Акуфо-Аддо, хотя пока неясно, каким образом новое правительство изыщет необходимое финансирование: Государственная энергетическая компания проявила полную неспособность эффективно изымать и расходовать средства, получаемые от потребителей, в том числе от других госу-

дарственных предприятий. Реформа, безусловно, займет годы, и можно предположить, что новый президент не успеет этого сделать в течение первого четырехлетнего срока и что судьба новой администрации к выборам 2020 г. окажется под вопросом.

Вместе с тем существуют планы реализации нескольких энергетических проектов, которые при массивной внешней и внутренней поддержке могли бы быть осуществлены в относительно короткие сроки; но Акуфо-Аддо должен четко артикулировать свою программу оздоровления экономики и энергетической сферы. Пока же он сделал абсолютно нереальные предвыборные обещания – построить «плотину в каждой деревне на севере страны» и «новую фабрику – в каждом из 216 административных районов Ганы» [7]. К тому же правительству, видимо, придется увеличить плату за электричество, что не может не вызвать недовольства населения и производителей. Если энергетический кризис не будет разрешен, первый срок президентства Акуфо-Аддо, скорее всего, окажется и последним.

Правление Акуфо-Аддо начинается в год 60-летия независимости страны, и в инаугурационной речи президент, естественно, обыгрывал эту дату, отметив, в частности, разочарование ганцев достигнутым уровнем развития и пообещав упрочить демократию, побороть коррупцию, обеспечить экономический рост и принять меры по снижению налогов, улучшению инвестиционного климата, созданию новых рабочих мест, стабилизации валюты. Однако назначенный на пост министра финансов Кен Офори Атта успел заметить (в разрез с обещаниями президента), что прежде всего нужно провести тщательный анализ налоговой системы. Новое правительство уже объявило о снижении 17,5-процентного налога на добавленную стоимость, цен на авиабилеты (на внутренних рейсах) и налога на доходы корпораций (с 25 до 20 %) [8]. Предполагается, что эти действия приведут к упрощению ведения бизнеса: в настоящее время Гана находится на далеком 114-м месте по рейтингу деловой привлекательности [9].

Начиная с Дж.-Дж. Ролингса, Гане удивительно везло с президентами: и Дж. Куфуор, и Дж. Атта Миллс, и Дж. Махама отличались склонностью к компромиссам, стремлением к поддержанию политической стабильности, по мере возможно-

сти обеспечивали экономический рост, не были замешаны в коррупционных скандалах. Добиться превращения Ганы, пережившей в 1960–1980-е гг. целый ряд политических катаклизмов (военные перевороты, покушения на убийство государственных деятелей, попытки дестабилизировать режим извне путем организации баз боевиков-оппозиционеров на территориях соседних Того и Кот-д’Ивуара и т. д.), в стабильное и активно развивающееся государство им в значительной степени удалось благодаря харизме, неподкупности (ни один из них не был замешан в коррупционных скандалах) и целеустремленности. Есть основания предполагать, что в политической сфере Акуфо-Аддо станет их достойным преемником. Успехи в экономике будут зависеть от готовности нового президента опираться на лучшие «экономические» умы страны и от его способности привлекать, благодаря авторитету Ганы на международной арене, крупные иностранные инвестиции.

Ссылки

1. The Ghanaian elections: 2016. URL: <https://www.brookings.edu/blog/africa-in-focus/2016/12/15/the-ghanaian-elections-2016/>
2. Profile of Nana Addo Dankwa Akufo-Addo, President-elect of Ghana. URL: <https://www.ghanabusinessnews.com/2016/12/09/profile-of-nana-addo-dankwa-akufo-addo-president-elect-of-ghana/>
3. Ellis R. Ghana elections: Incumbent concedes to Nana Akufo-Addo. URL: <http://edition.cnn.com/2016/12/09/africa/ghana-elections-nana-akufo-addo/>
4. Денисова Т. С. Политическое лидерство и электоральные процессы в Гане в период Четвертой Республики // Ученые записки института Африки РАН. 2015. № 2 (33). С. 35–56.
5. Ghana elections: Vote count begins in tight contest. URL: <http://www.aljazeera.com/news/2016/12/ghana-electons-vote-count-begins-tight-contest-161208052656560.html>
6. Oseidec K. O. The End for Ghana’s ‘Power-Cut’ President. URL: https://www.nytimes.com/2016/12/26/opinion/the-end-for-ghanas-power-cut-president.html?rref=collection%2Ftimestopic%2FGhana&action=click&contentCollection=world®ion=stream&module=stream_unit&version=latest&contentPlacement=2&pgtype=collection&r=0
7. Гана доказывает, что честные и мирные выборы в Африке – не выдумка. URL: <https://ru.globalvoices.org/2016/12/15/56066/>
8. Reducing taxes will require more time – Ken Ofori Atta. URL: <http://www.ghanaweb.com/GhanaHomePage/NewsArchive/Reducing-taxes-will-require-more-time-Ken-Ofori-Atta-501519>
9. Ghana to get Fiscal Stability and Responsibility Act. URL: <https://www.ghanabusinessnews.com/2017/01/18/ghana-to-get-fiscal-stability-and-responsibility-act/>

УДК 94(6)+ 398.21:59

Статья посвящена представлениям о животных в мифах и сказках народов Восточной Африки. Животные являются одними из главных героев мифов, а сказка о животных получила наибольшее развитие и распространение среди других фольклорных жанров Африки. Животная сказка повествует о приключениях и проделках героя – трикстера, который, благодаря своей хитрости и ловкости, выходит победителем из самых различных положений. Африканцы обожествляли животных, приписывали им волшебные свойства, связывали свое происхождение с каким-нибудь предком – животным.

Ключевые слова: Восточная Африка; африканская мифология; животные; фольклор; сказки; трикстер.

The article is devoted to the representations of animals in the myths and tales of the peoples of East Africa. Animals are one of the main characters of myths and African fairy-tales about animals are most distinguished and disseminated between other folklore genres in Africa. Animal tale is about the various adventures of the hero - the trickster, who thanks to his cunning and agility emerges victorious from a variety of positions. Africans also tended to deified animals, to attribute miraculous properties to them. They often considered to be descended from an animal – ancestor.

Keywords: East Africa; African mythology; animals; folklore; tales; trickster.

Е. В. Спиридонова

E-mail: selenavlad@gmail.com

А. В. Мильто

E-mail: amilto@mail.ru

Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова

**«Каждая птица кричит по-своему»
(животный мир в восточноафриканском фольклоре)***

Научная статья

E. V. Spiridonova

A. V. Milto

P. G. Demidov Yaroslavl State University

**«Every Bird Cries in One's Own Way»
(On the Animal World in the East African folklore)**

Scientific article

Мифы, легенды и сказки о животных составляют значительную часть мирового фольклора. Источниками животного эпоса были промысловые культы, тотемизм, аниматические представления, очеловечивающие окружающую людей действительность. Африканская сказка о животных предстает как универсальный жанр, достигший высокого развития у разных народов; она может быть названа классической

формой жанра в системе мирового фольклора. Восточная Африка – территория к востоку от Нила – не является исключением. Здесь проживают более 200 народностей, принадлежащих к четырем языковым группам. В их числе бантуязычные народы (кикуйю, акамба, джагга, сукума, хехе), представители капоидной расы {дахало, сандаве, и хадза, а также пигмеи (тва)} и другие.

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ в рамках научного проекта № 16-31-00025 «Современная история Тропической Африки (опыт классификации источников)».

Африканцы издавна обожествляли зверей, приписывали им сверхъестественные свойства, считали своими создателями или прародителями. Они возводили животных в ранг космических существ, образующих собой мироздание и занимающих в его системе одно из ключевых мест.

Герои мифов – не только реальные животные, пусть и наделенные человеческими свойствами, но и фантастические существа, олицетворяющие явления природы. Например, в мифологии нанди (Кения) действует гигантская птица-гром, которая летает, держа в когтях копьё со сверкающим наконечником-молнией [1, р. 17]. У занде (ДРК, Судан, ЦАР) гром – гигантский небесный пес [2, р. 36]. Каква (Судан, Уганда, ДРК) убеждены, что у грома – тело теленка, а морда и зубы льва [1, р. 176]. Масаи (Кения, Танзания) приписывают землетрясения движениям коровы, держащей землю [3, р. 171].

Радугу чаще всего олицетворяет змея. Занде верят, что радуга – болотный змей, во время дождя выбирающийся купаться [4, р. 35]; у пигмеев канго (экваториальная Африка) радужный змей олицетворяет создателя Мунгу, а грозовая молния – его хвост [5, р. 116]. Согласно мифам кикуйю (Кения), радуга – это отражение гигантской радужной змеи, которая по ночам выползает на сушу и пожирает животных, а подчас и людей [6, с. 461]. Банда (ЦАР, ДРК) считают, что радуга живет в источниках, дуплах деревьев, термитниках, откуда забирается к небу, а потревожившего ее высасывает как моллюска [7, р. 685].

Небесные светила нередко имеют зоологическую символику. В ряде мифов и обрядов обнаруживается скрытая связь между луной и леопардом. Африканцы отмечали их внешнее сходство: темные пятна на желтой шкуре леопарда напоминали пятна на луне [6, с. 461]. Символом ночи и смерти в африканской мифологии служила сова. Ее образ был связан с колдовством и олицетворял потустороннее пространство. У лунда (Ангола, Замбия) совы играли роль посредника между миром мертвых и живых [6, с. 461].

Наиболее часто в африканских сказках встречаются животные-трикстеры, плуты и обманщики, которые, благодаря хитрости и ловкости, выходят победителями из трудных положений. Почти все проделки трикстера сводятся к добычанию пищи. Сказки о них, как правило, являются составной частью цикла и не имеют ни зачинов,

ни концовок: каждая предстает как один из эпизодов «сериала». Любопытно, что для африканской сказки не свойственна мораль. Шутки трикстера не безобидны и нередко приводят к гибели жертвы. И если общий характер персонажей очерчен достаточно ясно, конкретные носители тех или иных атрибутов в фольклоре разных африканских народов могут быть различными. Так, животный персонаж, выступающий как трикстер у одного народа, становится его партнером-жертвой в фольклоре другого этноса.

Чаще всего в качестве трикстера у народов Восточной Африки выступают заяц (кролик) и лис. Жертвами, как правило, становятся животные куда большего размера, силы и явной важности: лев, слон, гиппопотам, носорог, леопард и гиена. Например, в сказках меэн (Эфиопия) есть сюжет о том, как кролик напугал льва, сказав, что своими длинными рогами (ушами) он может уничтожить все львиное племя [8, р. 415]. Похожая сказка есть у нубийцев (Судан). В ней заяц пугал «рогами»-ушами дикобраза [9, р. 70]. А вот у осла подобная шутка не проходит: в сказках сахо (Эфиопия, Эритрея) и билин (Эфиопия) он пытался напугать гиену и льва своими «рогами» (ушами), но, будучи разоблачен, поплатился жизнью [10, р. 199]. У нгинду (Танзания) заяц обманывает всех зверей и один пьет воду из колодца [11, с. 196–200]. Заяц так хитер, что может обмануть даже признанных хитрецов – лису и гиену. Иногда он сам выступает как хищник. Например, в сказках нзакара (ЦАР, Камерун, Габон, Судан) он съел детенышей гиены [12, р. 202–203].

Лис, как и заяц, нередко выступает в восточноафриканских сказках в качестве трикстера, но его плутовство более изощренное. Например, в сказке билин лис, увидев, как павианы погребают свою мать, предложил похоронить ее на небе. Обезьяны залезли друг на друга, упали, разбились, а лис наполнил их мозгами сосуд, сверху смазал его медом и обменял «небесный лисий мед» на быка и корову. Затем лис стал жить со львом, которому отдал быка. Когда корова, принадлежащая лису, отелилась, лев съел теленка, а послед засунул в зад быку, сказав, что родил бык. Потом лев задрал и корову, но лис поднял мясо на дерево, а в ответ на просьбу сбросить вниз кусочек завернул в мясо раскаленный камень, проглотив который, лев погиб [10, р. 202–208]. Похожий сюжет есть у тигре (Эритрея, Судан).

Лев, также засунув плаценту в зад быка, пытался убедить гиену в том, что теленка родил его бык, а не корова гиены. Лис пообещал помочь и попросил у льва молока, говоря, что если бык может родить, то и льва можно подоить. В итоге пристыженный лев вернул теленка гиене [13, р. 9–10].

Шакал также является героем-трикстером. В ряде случаев ему отведены те же роли, что лису и зайцу. Жертвы шакала – обычно лев и гиена. Например, в сказке у сомалийцев шакал обманывает слепую гиену, нанявшись пасти ее овец и съев их. Он втыкает хвосты овец в землю и убеждает родственников гиены, что все стадо поглотила земля [14, с. 30–31].

Лисой, зайцем и шакалом набор сказочных трикстеров не ограничивается. В подобной роли несколько реже могут выступать собака и маргышка – у амхара, ласка – у канури, белка – у тупури и т. д. У тсамако (Эфиопия) в этой роли выступает даже крот: лев оказывается братом его матери и, когда он умирает, на бедного крота сваливается обязанность похорон. Он приманивает гиену к логову, привязывает ее хвост к хвосту льва и кричит, что лев проснулся, – гиена в ужасе убегает и уволакивает тушу [8, р. 382].

Нередко трикстер побеждает противника изнутри в буквальном смысле слова. Мотив поглощения в восточноафриканских сказках – частое явление. В сказках нзакара паук, будучи проглоченным противником, выбирается наружу, прорезая выход изнутри [12, с. 231–233]. У сахо муравей также разделяется со львом: будучи проглоченным, он съедает его сердце [10, р. 196–197].

Ряд сказок несет в себе явные этиологические элементы, объясняющие внешний вид или поведение животных. У ачоли (Уганда) черепаха, выпросив у птиц по перу и сделав себе крылья, пробралась на пир к сыну небесного царя и съела все угощение, а потом, спрыгнув с неба, разбила панцирь. Его удалось склеить, но швы видны до сих пор [15, с. 413–414].

У мурле (Судан, Эфиопия) крокодил и варан договорились друг друга раскрасить, но если крокодил постарался, то варану это занятие быстро наскучило. С тех пор крокодилы грязно-зеленые и не любят варанов [16, с. 313–314]. В сказке нанди раскрасить друг друга решили два львенка. Один рисовал красивые

пятна, а другой бросил в товарища горшок с краской. В итоге первый стал леопардом, а второй – гиеной [17, р. 104]. В сказке хадза (Танзания) говорится, что козел попросил дамана одолжить ему рога, потом один рог у него попыталась выпросить антилопа. Они подрались, расщепили рога, и с тех пор у козла и антилопы по два рога, а у дамана их нет [18, с. 104–109].

Народ динка (Судан) рассказывает, что корова упала с небес на землю и сломала когда-то острые передние зубы и теперь она может ими только жвачку жевать. А собака, увидев это, так смеялась, что рот у нее стал до ушей [16, с. 138]. У ланго (Судан, Уганда) и шиллук (Судан) есть объяснения внешности зайца: шершень, орел или голубь подняли его на небо, затем он, упав, сломал бедро и разбил губу – с тех пор заяц может только прыгать, а губа у него раздвоена [19, р. 104].

Немало сказок посвящено неудачным попыткам животных подражать друг другу (как правило, речь идет о сверхъестественных способностях). Например, нзакара рассказывают, что однажды паук увидел, как летучая мышь, идя собирать термитов, поджигает факелы своих жен, извергая огонь из зада. Паук велит своим женам не брать в следующий раз огонь, но не может извергнуть ничего, кроме испражнений [12, р. 196–200]. У джолу (Кения, Судан) паук пытается повторить действия слона, своего зятя, пряча гостей во время дождя в собственном заду или опуская ногу в кипящий котел, чтобы вытопить жир. Обидевшись, что у него ничего не получилось, он залезает внутрь слона и пронзает его копьем [16, р. 217–220]. Примечательно, что в подобных сказках глупыми неудачниками вполне могут оказаться хитрецы-трикстеры – персонажи других историй.

Классический тотемизм у народов Африки сохранился лишь в виде пережитков. Тем не менее тотемические элементы встречаются в мифах почти всех народов. Например, в качестве символа племенной группы выступает животное. Наиболее типичными являются гиппопотам, слон, крокодил, леопард, горилла, рыбы и змеи.

У племени камаламба, живущего к северо-востоку от озера Виктория, тотемом является питон. Всякий раз, когда играется свадьба, в честь питона устраивается празднество, а молодая жена убирает и украшает хижину с особой

тщательностью. Говорят, что рептилия всегда появляется и бросает во двор желтые ягоды, которые считаются особым сокровищем. Потом змея вползает в хижину, где на земле сидит жена, проползает по ее вытянутым ногам и, полакомившись молоком и другой приготовленной для нее пищей, выползает в дверь и исчезает в зарослях [20].

Происхождение человека часто связывают с каким-либо животным, которое может оказаться тотемным предком или героем, который привел людей в этот мир. Например, пигмеи (Габон, Цар, ДРК, Конго, Руанда) верят, что когда-то хамелеон услышал шум в стволе дерева, срубил дерево топором. Оттуда хлынула вода и наполнила водоемы, а вместе с водой вышли мужчины и женщина. От них и произошли люди [21, р. 45]. Пигмеи полагают, что животные тоже прежде были людьми. Каждый род пигмеев имеет свой тотем, с которым связывается его происхождение.

Шиллук говорят, что однажды из реки вышла корова Деан Адук и вынесла тыкву. Из нее вышли предок людей Коло и животные. Коло произвел на свет трех человек; один из них поймал в реке двух девушек. Низ тела у них был крокодилий. Отцы девушек возражали, но Коло на них женился. Одна из них (Ньякайо) родила сына Ньиканг. Он выловил первых людей с помощью удочки и гарпуна [22, с. 114–115]. В другом варианте первопредок Окуа взял себе в жены водную женщину, дочь Ке, сестру крокодила. Дак, сын Ньиканга, убил, зажарил и съел детей крокодила. С тех пор крокодилы убивают людей, заходящих в воду, а люди убивают крокодилов [23, р. 185–186].

У бака (этническая группа пигмеев) есть история о том, как девушка, отгонявшая птиц от проса, уснула на помосте, а огромный змей Гитси незаметно для нее сошелся с ней. Отец девушки подстерег змея и порубил на куски, а у девушки родился мальчик. От него произошел род гитси [8, р. 54–55].

Предкам многих царских династий приписывалось происхождение от священного животного. Чаще всего в этой роли выступал леопард. У конго, например, каждый раз, когда вождь посещал празднества, танцы или суд, выносилась леопардовая шкура как знак его достоинства. Сунди (Конго, ДРК, Ангола, Габон)

также считали леопарда символом царской власти. На его шкуре совершалась коронация [24, с. 385]. В настоящее время африканские лидеры носят шапочки или набрасывают на плечи накидку из леопардовой шкуры, подчеркивая, что чтут традиции.

Большинство африканцев, сохраняющих тотемические верования, считают, что их предок был животным, временно принявшим облик человека. А вот чага (Танзания) придерживаются другого мнения: их предок был человеком, превратившимся в животное. Шимпанзе из-за своей внешней схожести с людьми часто рассматривались африканцами как смесь человека и обезьяны. Некоторые мифы описывают происхождение шимпанзе от людей и наоборот. Кроме того, шимпанзе считались защитниками людей, и их убийство было недопустимым [24, с. 384].

Представление о первоначально существующем зооантропном виде, из которого впоследствии вышли люди и животные, свидетельствует о том, что на самых ранних этапах антропосоциогенеза люди не осознавали себя как самостоятельный биологический вид, генетически не связанный с животным миром. Это, видимо, один из онтологических метафизических корней тотемизма, проявления мифологического мышления. Однако со временем концепция претерпела изменения и тотемизм утратил свои позиции.

В Африке распространено представление о том, что мертвые возвращаются в мир живых в облике животных. В подземном мире духи ведут счастливую и мирную жизнь, скот их пасется на тучных пастбищах, и у них есть почти все, что можно пожелать, за исключением зерна. Поэтому они вынуждены время от времени выходить на землю, принимая облик животных, и красть зерно с полей [8, р. 184]. Наиболее часто духи выбирают облик змеи. В африканской мифологии змея часто олицетворяет мужское начало и водную стихию. Женским символом воды является лягушка или жаба. Некоторые народы Конго считают, что после смерти женщины превращаются в лягушек [6, с. 461]. Кроме змей и лягушек, души усопших могут перевоплощаться в богомолы, ящериц, львов, леопардов, гиен (обычно это умершие колдуны), дикобразов (из-за их необычного вида) и других [20].

Происхождение животных в восточноафриканской мифологии иногда связано с человеком.

Например, ари (убамер, Кот д'Ивуар) рассказывают, что обезьяны когда-то были людьми, работниками леопарда. По его приказу они должны были похоронить убитого кролика на небесах, встали один на плечи другого, не удержались, упали в лес и превратились в обезьян [8, р. 184].

У хадза более сложный вариант появления животных. Однажды человек Квадудата попросил сына забраться на баобаб за плодами и, рассердившись, что тот не собрал плоды с одной ветки, обрубил колышки, оставив его на дереве. Спустя три месяца юношу съели дети аиста, а узел с его костями сам аист отнес старику Мулилива. Тот раздробил кости, и из одной из них (плечевой) вышли коза и гиена, из другой – коза и леопард, из большого пальца руки – коза и лев, из безымянного – бык, из среднего – осел и зебра, из указательного – собака и кошка, из мизинца – собака и шакал; из большого пальца другой руки – два быка, из безымянного – коза и шакал, из среднего – две козы, из мизинца – коза и гиена, из одного колена – слон, из другого – носорог, из бедер – по быку, из берцовых – страус и буйвол, из большого и четвертого пальца ноги – большой и малый даманы, из третьего – куница, из второго – дикая кошка, из пятого – древесная крыса; на другой ноге из большого пальца – заяц и бородавочник, из четвертого – карликовая и горная антилопы, из третьего – чернопятая антилопа сваяя, из второго – павиан, из пятого – обезьяна; из восьми ребер – водяной козел, болотная антилопа, лала, дикая собака, антилопа нджа, бегемот, цесарка и пастушок, 4 вида степных куропаток, курица и пеликан, дикие голуби и птичка титиакко, птичка холугуша; из мозга – травы. Из кишок змеи Мулилив построил загон для животных, а, когда настало утро, Ишосо-солнце велел животным разойтись [18, с. 23–28].

Встречаются и другие варианты происхождения животных. Сандаве (Танзания), например, верят, что демиург Матунда вскрыл дерево, откуда вышли гиена, овца, женщина с двумя детьми и мужчина [25, с. 137].

Интересно, что в подобных мифах нередко речь идет отдельно о диких и домашних животных и причинах такого разделения. Например, банда верят, что верховный бог Иворо дал Тере барабан, полный растений и животных. Его спустили с небес на веревке, но обрезали ее раньше,

чем Тере достиг земли. В итоге большинство растений и животных выпали, разбежались и стали дикими; а оставшиеся – культурными растениями и домашними животными [7, р. 679–680].

В мифологии масаев домашние животные попали на землю с небес: бог велел первому масаи сделать загон, утром прийти и посмотреть, что будет, но не нарушать тишину. Утром по ремню с неба стал спускаться скот, и все было бы хорошо, но доробо (любые охотники-собиратели – кушиты и нилоты) увидел и громко воскликнул от удивления. Бог поднял ремень назад, и скот перестал спускаться. В наказание масаи велел доробо стать охотником и его слугой [26, р. 30–31]. У хадза дикие животные первоначально были скотом женщин. Однажды они начали уходить чересчур далеко, и одна женщина велела ребенку вернуть их. Мать ребенка запретила ему уходить, пока он не доест мясо. Животные разошлись, одичали, а женщины лишились скота и стали жить при мужчинах [26, р. 32]. В данных преданиях речь идет не только о появлении животных, но и о социальном устройстве общества.

У дараса (Эфиопия) появление домашних животных не воспринимается как непереносимое благо. С их точки зрения, раньше все люди были добрыми; но когда из-под земли вышел скот, люди его поделили и перестали быть добрыми [27, с. 515].

В Восточной Африке, как и повсюду, широко распространены сюжеты, где человек вступает в брак с животным. В сказке сара (Чад, ЦАР) охотник увидел купающихся женщин и буйволиные шкуры на берегу. Он взял одну шкуру. Женщины вышли, облачились в свои одежды и превратились в буйволов, но одна осталась. Она стала женой охотника. Примечательно, что он пошел вместе с ней к ее родителям и просил сделать его буйволом [28, р. 69]. Похожая история в сказке нгамбайе (Судан) заканчивается более печально. Там охотник спрятал шкуру купающейся девушки-слонихи в амбаре и сделал ее своей женой. В амбар он заходил только сам, но однажды забыл это сделать. Женщина послала в амбар старшего сына, который нашел шкуру. Когда муж ушел на охоту, жена накормила детей, сделала хобот из бревна, четыре ноги из ступок, убежала в лес и растоптала мужа [29, р. 29–35].

Общим для подобных историй является отрицательное отношение к животной супруге со стороны соплеменников героя. Такая супруга в архаическом варианте – «животное». Она чужая и нередко возвращается в свой мир. Как охотник, герой занимает маргинальное положение между миром «чужого» и «своего» и, нарушив соответствующие табу, должен понести суровое наказание: чаще всего соплеменники изгоняют его из деревни.

У джолуо (Кения, Судан) есть истории о красавице, которую другие девушки из зависти превратили в собаку, но ей нашелся муж. Когда дома никого не было, девушка снимала собачью шкуру и занималась домашними делами [30, р. 52–66]. Есть в восточноафриканской мифологии и истории о селении, где мужьями женщин были собаки [23, р. 201–202].

Тексты такого рода занимают промежуточное положение, с одной стороны, между мифами и мифологическими сказками, где причастность, контакт с объектом животного мира рассматривается как положительный фактор, что было связано с тотемическими верованиями и их отголосками, и, с другой стороны, с классической волшебной сказкой, где животная природа супруги, воспринимаемая как положительный фактор, влечет за собой чудесные возможности для героя, дары, помощь в выполнении трудных задач.

У сомалийцев в одной из историй действует гиена-оборотень, которая учила человека своему языку и подарила палочку, с помощью которой можно превратиться в животное. Она взяла с него обещание ни о чем не рассказывать, но ночью человек услышал, как гиены договаривались проникнуть внутрь селения и предупредил людей об опасности. Люди напали на гиен и всех, включая оборотня, убили. Для человека нарушение обещания обернулось гибелью: в пустыне он наступил на острую кость гиены, нога распухла, и он умер [31, р. 197–198].

Почитание животных (зоолатрия) в Африке было распространено шире и сохранилось гораздо лучше тотемических представлений. Животные – культурные герои, добывшие для людей огонь или научившие их земледелию, – сюжет, достаточно частый. В большинстве случаев люди получили огонь благодаря собаке, которая принесла его на своем горящем хвосте [32, с. 44].

В мифах удук, живущих на границе Судана, Кении и Эфиопии, роль африканского Прометея выполнил лис. Причем он не только принес людям огонь, но и научил их разговаривать [1, р. 16]. В мифах меэн и баскето (Эфиопия) крыса полезла по паутине на небо, наелась там зерна, а, когда стала спускаться, паутина лопнула, крыса упала и разбилась, зерно рассыпалось. Люди собрали его, посеяли и получили первый урожай. В другом варианте баскетского мифа действует не крыса, а паук [8, р. 224, 413].

Не менее часто животные в африканских мифах и сказках выполняют отрицательную функцию, приводя в этот мир смерть или перекрывая людям доступ на небеса. Например, мади рассказывают, что гиена перекусила лиану, по которой люди спустились с небес [1, 200–201].

В мифах бонго (Судан) верховный творец Нзама послал козу и собаку сказать, что люди не будут умирать; коза по дороге остановилась пощипать траву, а собака сказала людям, что люди должны умирать навсегда, а луна – возрождаться [5, р. 13]. У сандаве в похожем мифе действуют овца и собака; именно собака просит творца сделать людей смертными и даже рассыпает на дороге соль, чтобы овца замешкалась и опоздала [33, s. 156–157]. А вот у нанди люди сами виноваты в своей смертности, так как не выполнили условий, поставленных собакой: не дали ей молока и пива из той посуды, из которой пьют сами, а налили напитки на скамеечку [17, р. 98].

В смертности людей нередко оказывается виновата жаба. Например, в мифах занде тела умерших человека и месяца лежали рядом с могилой; было решено, что если удастся перенести их через могилу, то они оживут. Лягушке, которая несла месяц, это удалось; а жаба с человеком упала – с тех пор люди умирают, а луна возрождается [1, р. 145]. А вот у пигмеев эфе виновницей оказалась лягушка: жабе было поручено хранить сосуд со смертью, но та передала его лягушке, которая, прыгая, уронила его. Сосуд разбился, и смерть вырвалась в мир людей [5, р. 15].

Удук верят, что когда-то месяц плюнул на землю и приказал ящерице съесть его плевок. Она отказалась, и месяц ее проклял: ни она, ни люди не смогут возродиться после смерти, а если бы ящерица послушалась, то люди бы возрождались, подобно месяцу [1, р. 16].

В мифах ньяманг (Судан) виновником оказался кролик, который в начале отравил человека ядовитыми кореньями, а потом, опередив бога, который хотел утром воскресить человека, велел людям закопать умершего. Бог разгневался, что люди поверили кролику, и сделал их смертными [1, р. 5–6].

В районах, населенных племенами банту, хамелеон ассоциируется с приходом в этот мир смерти. Сюжет таких историй, как правило, следующий: Бог послал к людям хамелеона и еще одно животное (обычно ящерицу или зайца). Первому дал поручение сказать, что люди однажды умрут, но вернуться к жизни, а второму – сообщить людям, что они умрут и никогда не возродятся. Хамелеон в сказках по разным причинам опаздывает. В итоге на земле воцаряется смерть. С тех пор африканцы ненавидят хамелеона, ловят его и, бросая табак в его шипящий рот, поют: «Почему ты опоздал, о! Почему ты опоздал; если бы ты не мешкал так долго, мы бы не умирали» [32, с. 45].

Джолуо рассказывают, что творец пообещал остановить смерть, если ему принесут жертву из чистого жира. Люди приготовили жир и послали с ним хамелеона, но он его уронил и принес грязным. В итоге творец разгневался и оставил смерть на земле [34, р. 153–154]. В мифах ачолы смерть также связывают с хамелеоном. Правда, вариантов соответствующего мифа несколько. В одном – люди наказаны смертностью за то, что разбили трубку, которую творец Лубанга подарил хамелеонше; в другом – хамелеон сам разбивает трубку, одолженную ему месяцем; в третьем – трубку разбил паук; в четвертом – дочь месяца в ходе игры с хамелеоншей, но именно из-за разбитой трубки люди потеряли бессмертие [5, р. 16–17]. Возможно, хамелеон часто фигурирует в подобных мифах, поскольку попадает в категорию «животных-духов», которые считаются воплощением душ усопших.

В мифе луйя (Кения) хамелеон забрался в кружку с пивом и велел человеку выпить. Тот отказался, так как считал пресмыкающееся ядовитым. Хамелеон, обидевшись, сделал людей смертными, а вот змея пиво выпила и теперь, состарившись, возрождается, меняя кожу [25; 36]. История о смертности людей соседствует с мотивами сброшенной кожи и невыполненного обещания.

О бессмертии змей повествуется в мифах консо (Эфиопия): бог велел человеку и змее

бежать наперегонки; человек задержался, чтобы выкурить трубку, – бессмертие досталось змеям [27, р. 498]. Сходные сюжеты есть у гуджи (Кения) и дараса: во время состязаний в беге человек останавливается поболтать с женщиной и отстает от змеи [5, р. 16]. А вот в мифах меэн сама змея остановилась, чтобы поесть ягод, и соревнования выиграла черепаха – в итоге все люди стали смертными [8, р. 413–414].

Тсамаи рассказывают, что бог призвал к себе змею и человека и спросил, что они хотят. Змея пожелала быть как желтый плод боло, а человек – как ком земли. Плод боло плавал в воде, а ком земли утонул; поэтому люди смертны, а змеи нет. Если змею убить и зарыть, она раздуется и через 4 дня выползет живой; чтобы убить змею, ее нужно разрубить на куски [8, р. 380]. Похожий миф есть у ари (убамер): лягушка посваталась к девушке, но та ее отвергла. Лягушка кинула в воду желтый плод и ком земли; плод всплыл, а ком утонул, и лягушка попросила бога сделать людей смертными, как ком земли, а лягушек бессмертными – если лягушку убить и бросить в воду, она воскреснет [8, р. 183].

Существует поверье, что в исключительных случаях от смерти можно излечиться. У чага легенда рассказывает о гигантской улитке, которая могла оживить мертвого человека: ей надо было лишь переползти через тело, оставив на нем свою слизь. После того как люди узнали об этой чудесной способности улитки, они стали относить тела умерших соплеменников в лес и оставлять их там, чтобы улитка сделала свое дело. Но вождь враждебного племени, которого приводило в изумление неумещающееся количество воинов противника, узнал секрет от некоей женщины, послал людей в лес, повелев им поймать улитку и забить ее копьями [20].

Таким образом, одни и те же животные в восточноафриканской мифологии могут выступать как творец-демиург, как культурный герой и как трикстер. По мере расширения арабского влияния в африканском фольклоре чаще стали встречаться мусульманские предания и заимствованные сюжеты. В то же время, расселяясь за пределы континента, африканцы приносили на новые земли свой фольклор. Сказочные персонажи трансформировались и завоевывали популярность. Так хитрый заяц в Америке превратился в Братца Кролика. Гиена является практически полным анало-

гом Братца Лиса, обладая и некоторыми чертами Братца Волка. Гиена столь же хитра, как и груба, она заводит дружбу с зайцем и извлекает пользу из его добродушия, но, как только у него появляются подозрения, дружбе приходит конец [20].

Многие обычаи и традиции со временем полностью или частично утратили свое сакральное значение и сохранились лишь в формальном виде. Большинство аспектов традиционных верований и ритуалов, не востребованных современной жизнью, отмирают и замещаются элементами ислама. Однако почитание животных не ослабевает. Без животных невозможно представить африканскую культуру и религию. Ни один обряд, ритуал, праздник не обходится без животных. У многих африканских народов существуют тайные союзы, которые обычно называются именами животных-тотемов: леопардов, крокодилов и других. Их церемонии состоят из маскарадов, пересказов мифов и сказок, жертвоприношений. Например, у аква (Республика Конго) существуют два тайных общества – «Анзимба» и «Люди-крокодилы», которые нередко сами представляются жителями двух миров – мира людей и мира потустороннего [35, с. 89].

Животные остаются главными объектами африканского искусства. Классическим примером является живопись тингатинга, которая появилась в Танзании в 60-х гг. XX в. и получила название по имени основателя направления Эдуардо Саиди Тингатинга. Яркие, необычные картины стали пользоваться популярностью. За время существования школы тингатинга внутри нее сформировалось несколько стилей: ставшие классическими изображения животных и птиц, сложные многофигурные композиции из повседневной жизни людей, часто изображаемые в виде своеобразного «рассказа-комикса», сюжеты традиционной мифологии, библейские мотивы. Искусство тингатинга получило известность и признание в мире и воплотилось в мультсериал «Страна африканских мифов», популярный во всем мире [36].

Животные остаются главными героями мифов, в которых объясняются их отдельные признаки, рассказывается о мифологическом времени, когда люди были животными. Африканские сказки, воплощенные в книгах, картинах, видео, позволяют глубже проникнуть в самобытные представления африканцев об окружающей среде и животных, ее населяющих.

Ссылки

1. Scheub H. A Dictionary of African Mythology. The Mythmaker as Storyteller. Oxford: Oxford University Press, 2000. 368 p.
2. Andersson E. Contribution à l'Ethnographie des Kuta II. Studia ethnographica upsaliensia. P., 1974. 212 p.
3. Latham R. G. Descriptive Ethnology. L.: John van Voorst, 1859. 506 p.
4. Loewenstein J. Rainbow and Serpent // Anthropos. 1961. № 56 (1–2). P. 31–40.
5. Abrahamsson H. The Origin of Death. Studies in African Mythology. Uppsala: Theological Faculty of the University of Uppsala, 1951. 179 p.
6. Татаровская И. Г. Образ вселенной в африканской мифологии // Вестник Мурманского государственного технического университета. 2007. Т. 10, № 3. С. 458–463.
7. Daigre R. Les Bandas de l'Oubangui-Chari (Afrique Equatoriale Française) // Anthropos. 1931. № 26 (5–6). P. 647–695.
8. Jensen A. E. Altvölker Süd-Äthiopiens. Stuttgart: W. Kohlhammer Verlag, 1959. 455 s.
9. Arewa E. O. A Classification of the Folktales of the Northern East African Cattle Area by Types: Ph.D. dissertation in anthropology. Berkeley: University of California, 1961. 298 p.
10. Reinisch L. Texte der Bilin-Sprache. Leipzig: Th. Grieben's Verlag. 1883. № 1. 322 s.
11. Сказки народов Африки / сост.: А. А. Жуков, Е. С. Котляр. М.: Наука, 1976. 687 с.
12. Retel-Laurentin A. Contes du Pays Nzakara (Centralafrique). Paris: Éditions Karthala, 1986. 310 p.
13. Littmann E. Publications of the Princeton Expedition to Abyssinia. Vol. 2: Tales, Customs, Names and Dirges of the Tigre Tribes. English translation. Leiden: E. J. Brill, 1910. 344 p.
14. Капчиц Г. Л. Сомалийские народные сказки. М., 1997. 159 с.
15. Анпеткова-Шарова Г. Г. Сказки народов Африки. СПб: СПбГУ, 2010. 516 с.
16. Канцельсон И. С. Сказки народов Судана. М.: Художественная литература, 1968. 344 с.
17. Hollis A. S. The Nandi. Their Language and Folklore. Oxford: Clarendon Press, 1909. 328 p.
18. Коль-Ларсен Л. Волшебный рог. Мифы, сказки и легенды бушменов хадзапи. М.: Издательство восточной литературы, 1962. 156 с.
19. Wright M. J. Lango folk-tales – an analysis // The Uganda Journal. 1960. № 24 (1). P. 99–113.

УДК 94(47).081

Венгерское восстание 1956 г. было одним из самых значительных событий послевоенной истории Европы. После подавления выступления войсками стран Варшавского договора в стране утвердился режим Яноша Кадара, легитимность которого основывалась на историческом мифе. В венгерской официальной пропаганде события 1956 г. изображались как мятеж, организованный венгерскими реакционерами и западными империалистами для свержения народно-демократического строя. Автор статьи акцентирует внимание на деятельности правозащитной организации Международная Амнистия (Amnesty International, сокращ. AI) по защите инакомыслящих, разрушавших миф о Венгерской революции.

К л ю ч е в ы е с л о в а : Венгерское восстание; Янош Кадар; исторический миф; диссиденты; Amnesty International.

The Hungarian Uprising of 1956 was one of the most significant events in the postwar European history. After the Warsaw Pact countries suppression of the Uprising, the Kadar's regime was established, the legitimacy of which was based upon the historical myth. Official Hungarian propaganda depicted the events of 1956 as a revolt organized by Hungarian reactionaries and Western imperialists, who want to overthrow the popular democracy. The author focuses on the role of Amnesty International in defending the dissidents, who were destroying the myth about the Hungarian revolution.

К e y w o r d s : Hungarian Uprising; Janos Kadar; historical myth; dissidents; Amnesty International

Д. А. Добрынин

*Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова
E-mail: mego_krevedko@bk.ru*

Правозащитная деятельность Amnesty International в Венгерской народной республике

Научная статья

D. A. Dobrynin

P. G. Demidov Yaroslavl State University

Human Rights Activities of Amnesty International in the Hungarian People's Republic

Scientific article

Возникшая в 1961 г. в условиях острой конфронтации между Западом и Востоком Amnesty International была вынуждена реагировать на последствия международных кризисов. К их числу относится венгерское восстание 1956 г. После его подавления легитимность просоветского режима Яноша Кадара¹ стала основываться на историческом мифе. В конце 1950-х гг. в официальной пропаганде утверждалось, что мятежный премьер-министр Имре Надь² и его сторонники осенью 1956 г. сознательно «перешли в стан клас-

сового врага»[1]. Вместе с тем героизировались полицейские и защитники городского комитета партии, боровшиеся против «контрреволюционного фашистского заговора». В начале 1960-х гг. правительством Венгрии был взят курс на «замалчивание» данного исторического факта. Преследования участников восстания и лиц, им симпатизировавших, продолжались, и основным направлением деятельности правозащитной организации стала защита арестованных участников восстания. Правозащитники сталкивались с преследованием интеллигентов, представителей католической церкви, оппозиционеров-одиночек и сторонников запрещенных партий.

В ноябре 1961 г. в журнале «Амнистия» была опубликована статья под названием «Многие венгры до сих пор находятся в тюрьме». По мнению

¹ Янош Кадар (26 мая 1912 – 6 июля 1989 гг.) – венгерский политик, генеральный секретарь Венгерской социалистической рабочей партии с 1956 по 1988 гг.

² Имре Надь (7 июня 1896 – 16 июня 1958 гг.) – венгерский политический деятель, премьер-министр Венгрии в 1953–1955 гг. и во время восстания 1956 г.

правозащитников, события 1956 г. – спонтанная попытка венгерского общества создать подлинную социалистическую демократию. После провала выступления правительство Я. Кадара развернуло борьбу с его участниками.

Особую озабоченность АИ вызвало дело Иштвана Бибо. В первые послевоенные годы он работал в Академии наук (АН), читал лекции в ведущих университетах Венгрии. В 1949 г. был уволен из академии и отстранен от преподавательской деятельности, поскольку являлся сторонником запрещенной «буржуазной» народно-крестьянской партии. В 1956 г. во время восстания И. Бибо объявил о ее возрождении. 3 ноября 1956 г. он получил министерский портфель в мятежном правительстве И. Надя, за что в 1958 г. был приговорен к пожизненному заключению. Большой резонанс вызвал арест по обвинению в создании подпольной организации далекого от политики физиолога Мерея Ференца, преследования которого начались сразу же после установления монополярной власти коммунистов. В 1949 г. он был смещен со всех постов, а его институт закрыт. В 1956 г. правительство И. Надя прекратило преследование М. Ференца, ставшего ведущим научным сотрудником в институте психологии Венгерской академии наук. В октябре 1958 г. суд приговорил его к десяти годам заключения.

Достаточно известным в Венгрии было дело председателя Революционного совета будапештских рабочих Сандора Раца, отбывавшего пожизненный срок в одной из столичных тюрем. После подавления восстания в ноябре–декабре 1956 г. он организовал несколько масштабных забастовок в поддержку И. Надя. 10 декабря его пригласили в парламент на переговоры с Я. Кадаром и командованием советских войск, где арестовали по обвинению в контрреволюционной деятельности [2, р. 6].

Публикация АИ способствовала ускорению процесса пересмотра приговоров. В 1963 г. была объявлена полная амнистия участникам восстания. Поэтому в новостных письмах и отчетах организации за 1963–1964 гг. практически отсутствуют сведения о нарушениях прав человека в Венгрии. Правозащитники АИ полагали, что правительство пошло на этот шаг с целью консолидации общества, но преследования оппозиционеров продолжались.

В январе 1966 г. АИ объявила о начале кампании в поддержку Тибора Пакха. Он был арестован

в 1960 г. по обвинению в государственной измене, после того как попытался отправить в штаб-квартиру ООН меморандум, в котором призывал генерального секретаря ООН обратить внимание на проблему высылки в Сибирь некоторых участников восстания 1956 г. Документ не дошел до адресата и попал в руки спецслужб. Т. Пакх был арестован и приговорен к смертной казни, затем наказание было заменено на 15 лет лишения свободы. В данном случае АИ не удалось добиться освобождения заключенного. Отбывая наказание, Т. Пакх несколько раз объявлял голодовки [3, р. 4], в 1971 г. был признан «абсолютно невменяемым» и направлен в психиатрическую клинику, но через несколько недель был освобожден.

В декабре 1964 г. прошли аресты католических священников, обвиненных в попытке государственного переворота. Среди них были Элемер Рожа, Ласло Эмоди, сестра Агнесс Тимар. Активистам Amnesty International удалось добиться только освобождения А. Тимар. Преследование церковных иерархов объяснялось тем, что руководство страны опасалось роста их влияния в обществе, поскольку в 1940–1950-е гг. вокруг главы Венгерской католической церкви Йозефа Миндсенти³ сплотились оппозиционеры, участвовавшие в восстании.

В 1972 г. Amnesty International зафиксировала факт массовых арестов, связанных с празднованием юбилея венгерской революции 1848 г., но каких-либо дополнительных сведений по этому факту собрать не удалось [4, р. 65]. В 1974 г. правозащитники опубликовали статью о преследовании сторонников венгерской леворадикальной маоистской студенческой организации, возникшей под влиянием идей Красного мая. Несколько десятков будапештских студентов были арестованы, но сведения о процессах по данным делам скрывались правительством.

Основатель организации Миклош Харасты находился под полицейским надзором с момента возвращения из Парижа летом 1968 г. В 1973 г. он был арестован и приговорен к 8 месяцам условного заключения. Столь мягкий приговор объясняется тем, что в защиту подсудимого выступили

³ Йозеф Миндсенти (29 марта 1892 – 6 мая 1975 гг.) – кардинал римско-католической церкви, примас Венгрии, поддержавший мятежников. После подавления восстания 15 лет укрывался в посольстве США, а затем эмигрировал в Австрию.

известные венгерские интеллектуалы [5, р. 62–63].

Согласно данным официальной статистики за 1976 г. по политическим мотивам осуждено 193 человека. Наибольший общественный резонанс вызвало дело будапештского врача Марии Домбовари-Лоринц, публично осудившей присутствие в Венгрии усиленной группировки советских войск. В 1977 г. ее направили на принудительное лечение в психиатрическую клинику. Благодаря усилиям АИ, М. Домбовари-Лоринц была освобождена в июле 1979 г.

В 1977 г. узниками совести были признаны братья Дьердь и Бела Хайяш. Д. Хайяш являлся автором статьи о нарушениях венгерским правительством основных положений Заключительного Хельсинкского акта. Автор призвал всех заинтересованных лиц объединиться для создания мониторинговой группы. Данная заметка была отправлена им руководству страны, а также в наиболее известные западные газеты. Реакция со стороны властей последовала незамедлительно. В ходе обыска в квартире братьев были обнаружены изданные после восстания 1956 г. запрещенные книги, в которых утверждалось, что «оккупация Венгрии войсками Советского Союза привела к полной ликвидации прав и свобод человека, а также к обнищанию населения страны». Отягчающим обстоятельством в данном деле стало то, что в одной из комнат следователи обнаружили статуэтку И. В. Сталина, подвешенную «за горло» веревкой к потолку. Д. Хайяш был приговорен к 18 месяцам лишения свободы, а его брат – к 7. Правозащитникам не удалось добиться их досрочного освобождения.

В 1981 г. Т. Пакх был вновь помещен в психиатрическую клинику. Его задержали на венгерско-польской границе. В ходе досмотра личных вещей пограничники обнаружили программные документы и агитационные материалы польского независимого самоуправляющегося профсоюза (НСПС) «Солидарность». После чего Т. Пакха доставили обратно в Будапешт, где он объявил о начале голодовки в знак протеста против ограничения права на свободу передвижения. Через несколько дней его поместили в психиатрическую клинику.

В октябре 1981 г., АИ, Международный Красный Крест и 57 венгерских интеллектуалов выступили в его защиту и подписали прошение о помиловании. В результате Т. Пакх был осво-

божден. По данным АИ этот случай являлся далеко не единственным. Правительство Венгрии отказывалось признавать использование психиатрии для борьбы с политическими противниками.

31 августа 1982 г. в Будапеште прошел митинг в поддержку НСПС «Солидарность», в котором приняли участие около 100 человек, в том числе Миклош Харасты и Т. Пакх. 13 октября 1982 г. последний вновь объявил голодовку в знак протеста против преследования своих единомышленников. В итоге Т. Пакх вновь был помещен в психиатрическую клинику на три недели. В апреле 1983 г. представитель Швейцарской ассоциации против применения психиатрии в политических целях, приглашенный АИ, признал диссидента абсолютно здоровым [6, р. 259–261].

В 1983 г. АИ обратилась к генеральному секретарю ЦК Венгерской социалистической и рабочей партии (ВСРП) Я. Кадару с просьбой прекратить преследование лиц, связанных с подпольным журналом «Собеседник»⁴ (венгер.: Beszélő). На страницах издания значительное внимание уделялось событиям 1956 г. Авторы статей подчеркивали, что программа преобразований мятежного правительства Имре Надя в условиях идеологического давления и экономического спада 1980-х гг. вновь становилась актуальной. В журнале публиковались сведения о нарушениях прав человека в Венгрии. «Собеседник» стал официальным источником информации для правозащитной организации Хельсинки Вотч (Helsinki Watch).

Редакция взяла на себя функции мониторинговой группы. Главным редактором был философ-марксист Янош Киш, уволенный в 1973 г. из института философии Венгерской АН за участие в создании книги, изобличающей режим Я. Кадара. Над журналом работали и другие известные в стране люди: поэт Дьердь Петри, диссидент Миклош Харасты. В общей сложности по обвинению в связях с редакцией за 1983 г. было задержано 100 человек.

15 марта 1986 г. силами полиции был разогнан очередной митинг в память о венгерской революции 1848 г. Одиннадцать наиболее активных участников были задержаны и оштрафованы. Оппозиционер Т. Пакх накануне демонстрации 13 марта был подвергнут превентивному кратко-

⁴ Журнал был создан группой интеллектуалов в 1981 г. и, несмотря на преследования со стороны властей, выходил вплоть до 1989 г.

срочному аресту. В начале ноября 1986 г. АІ признала узником совести учителя из города Хатван Ласло Рузая. По сведениям правозащитников, 20 октября 1986 г. в честь тридцатилетия со дня начала восстания 1956 г. он вывесил из окна своей квартиры транспарант с надписью «Свободу Венгрии!». Вскоре Л. Рузай был задержан и направлен на принудительное лечение в психиатрическую клинику, где находился до 11 ноября 1986 г. [7, р. 297–299]. Через год 20 октября 1987 г. он был вновь арестован за то, что «изрисовал антисоветскими лозунгами монумент погибшим бойцам Красной армии» и водрузил на крыше своего дома флаг мятежного правительства. Благодаря усилиям созданного в Венгрии комитета защиты Л. Рузая и публикациям Amnesty International в начале ноября 1987 г. его признали вменяемым и освободили.

В 1987 г. Ференца Кошега и Андраша Надя, связанных с журналом «Собеседник», оштрафовали за распространение запрещенной литературы. Они отказались платить штраф и были приговорены к различным срокам лишения свободы. В течение нескольких дней после вступления в силу постановления судов отменили без объяснения причин.

В 1988 г. АІ отметила улучшение ситуации в области прав человека. Это было связано с переменами, начавшимися во власти. Бессменный лидер ВСРП Я. Кадар в мае 1988 г. ушел в отставку. Новые власти начали реализацию программы либеральных реформ. Было разрешено создание неформальных объединений и ослаблена цензура. В сентябре 1988 г. Венгрия ратифицировала первый факультативный протокол к Пакту о гражданских и политических правах. Отныне граждане страны получили возможность обращаться в международные инстанции с требованием защиты своих прав. Тогда же генеральный секретарь Amnesty International Ян Мартин посетил Будапешт и лично побеседовал с новым руководством Венгрии о нарушениях прав человека.

Благодаря начавшимся переменам, стал возможен пересмотр официальной версии восстания 1956 года. 6 июля 1989 г. И. Надь был реабилитирован. В тот же день по странному стечению обстоятельств скончался Я. Кадар. В начале октября 1989 г. прошел съезд правящей Венгерской Социалистической Рабочей Партии,

на котором партия была переименована в Венгерскую социалистическую (ВСП). В феврале 1990 г. в стране прошли заседания «круглых столов» с участием представителей власти и оппозиции. Были назначены даты проведения всеобщих свободных выборов. ВСП, набрав чуть более 10 % голосов, потерпела поражение. Оппозиционная партия «Альянс свободных демократов», созданная вокруг редакции журнала «Собеседник», получила 24 % голосов. В 1990–2000-е гг. партия не раз входила в правящие коалиции вместе с социалистами. Первый президент независимой Венгрии Арпад Генц (1990–2000 гг.) являлся членом правления «Альянса свободных демократов».

Венгерская модель социализма в экономическом плане была более либеральной по сравнению с советской. Власти предоставляли гражданам возможность поддерживать достойный уровень жизни. Взамен требовалось признание легитимности режима, которая напрямую зависела от оценки восстания 1956 г. В документах АІ начала 1960-х гг. отмечалось, что Я. Кадару удалось сплотить общество за счет роста доходов населения и объявления всеобщей амнистии участникам восстания. Тем не менее преследование тех немногих, кто осмеливался открыто подвергнуть сомнению официальную версию событий, продолжалось.

Усилия правительства по забвению событий 1956 г. привели к тому, что к началу 1970-х гг. венгерская молодежь в подавляющем своем большинстве не подвергала сомнению исторические мифы о недавнем прошлом, но правда о венгерском восстании, уйдя в «общественное подсознание», продолжала существовать [8, с. 180–196.]

С каждым годом становилось все труднее бороться с пересмотром оценки Венгерского восстания. На фоне падения уровня жизни интерес общества к альтернативной версии событий 1956 г. возрастал. Ее носителями были диссиденты. Памятные акции, проводимые ими, становились все более массовыми. В этих условиях преследования противников режима приводили к обратному эффекту. Постепенно их авторитет как внутри страны, так и за границей вырос. Журнал «Собеседник», популярное издание, стал официальным источником информации для правозащитной организации Helsinki Watch. Немалую роль сыграли публикации АІ.

Приведенные нами факты свидетельствуют о том, что все узники совести так или иначе открыто демонстрировали свою враждебность по отношению к Советскому Союзу и вместе с тем к собственному правительству. Резюмируя все изложенное выше, можно сказать, что правозащитная деятельность «Международной амнистии» способствовала разрушению исторического мифа, на котором основывалась легитимность просоветского режима.

Ссылки

1. Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. Документы. М.: РОССПЭН, 1998. 863 с.
2. Amnesty № 10. 1 November 1961. URL: <https://www.amnesty.org/en/documents/nws21/010/1961/en/> (дата обращения: 21.09.2016)
3. Card Scheme Newsletter. January 1966. URL: <https://www.amnesty.org/en/documents/nws21/001/1966/en/> (дата обращения: 21.09.2016).
4. Amnesty International. Annual Report 1972–1973. URL: <https://www.amnesty.org/en/documents/pol10/001/1973/en/> (дата обращения: 21.09.2016).
5. Amnesty International. Annual Report 1973–1974. URL: <https://www.amnesty.org/en/documents/pol10/001/1974/en/> (дата обращения: 21.09.2016).
6. Amnesty International. Annual Report. 1983. URL: <https://www.amnesty.org/en/documents/pol10/0001/1983/en/> (дата обращения: 21.09.2016).
7. Amnesty International. Annual Report. 1987. P. 297–299. URL: <https://www.amnesty.org/en/documents/pol10/0002/1987/en/> (дата обращения: 21.09.2016).
8. Стыкалин А. С. От Венгрии 1956-го к Венгрии 1989-го: метаморфозы исторической памяти нации // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. 2009. № 6. Вып. 68. С. 180–196.

УДК 94(47)

В статье рассматривается процесс модернизации производства на Ярославской Большой мануфактуре (Товарищество ЯБМ) в конце XIX– начале XX в. Основное внимание уделяется характеристике роли управляющего А. Ф. Грязнова в отношении технико-экономического обновления предприятия.

Ключевые слова: управляющий ЯБМ А. Ф. Грязнов; модернизация; производственное оборудование; эффективность.

The article describes the process of modernization on the Yaroslavl Big Manufactory (Tovarishchestvo YBM) in the late 19th and early 20th centuries. It focuses mainly on the characteristics of the role of manager A.F. Gryaznov in the technical and economic upgrading of the enterprise.

Keywords: YBM manager A. F. Gryaznov; modernization; industrial equipment; efficiency.

Ю. Б. Смирнова

Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова

E-mail: smirnovay72@mail.ru

Алексей Грязнов и модернизация производства на Ярославской Большой мануфактуре в конце XIX – начале XX в.

Научная статья

Y. B. Smirnova

P. G. Demidov Yaroslavl State University

Alexey Gryaznov and Modernisation of Production at the Yaroslavl Big Manufactory in the Late 19th and Early 20th Centuries

Scientific article

Проблема модернизации предприятий и целых отраслей промышленности является актуальной для современной России. Ее решение напрямую связано с повышением эффективности экономики. Внедрение и даже создание нового оборудования, снижение себестоимости продукции зависят не только от материальных возможностей предприятия, но и от профессионализма менеджмента и представителей инженерно-технического персонала. В связи с этим интересно обратиться к изучению дореволюционного опыта модернизации производственных процессов, показать роль отдельных инженеров, управляющих и хозяев предприятий в техническом и технологическом обновлении производств.

По истории Ярославской Большой мануфактуры (далее – ЯБМ) существует ряд исследований. В дореволюционный период вышли в свет два специальных издания, подготовленные для участия в выставках [1, 2]. В них содержался

материал о производственных мощностях, оборудовании, выпускаемой продукции. Приведенным сведениям можно доверять и сейчас, поскольку они сопоставимы с документами центральных и местных архивов.

В советские годы было опубликовано несколько работ о хозяйственном развитии мануфактуры. Так, в монографии Н. П. Паялина представлен любопытный архивный материал относительно изменения организационно-производственных показателей ЯБМ. В книге есть и характеристика управляющего фабрикой Алексея Флегонтовича Грязнова, написанная в соответствии с идеологическими установками 1930-х гг. Несмотря на критическое восприятие управляющего, Н. П. Паялин приводит важные позитивные описания: «...это был не человек, а клад для Правления...», «...мастер на все руки...», – которые свидетельствуют о деловых качествах А. Ф. Грязнова. Позднее производственное развитие ЯБМ

было также объектом изучения в ряде краеведческих работ и юбилейных изданиях по истории фабрики «Красный Перекоп» [3].

Большой интерес представляет исследование столичных и провинциальных историков, посвященное анализу трудовых стимулов рабочих-текстильщиков в дореволюционной России [4]. В монографии рассматриваются реальные трудовые практики, отражающие социальные отношения не только на производстве, но и в повседневной жизни рабочих. Исследование содержит полезный статистический материал и другие сведения о характере производства и управления на ЯБМ в дореволюционный период.

В отечественной литературе нашли отражение отдельные вопросы хозяйственного развития Ярославской мануфактуры в конце XIX – начале XX в. Напротив, историки и социологи труда незаслуженно мало внимания уделяли характеристике деятельности отдельных представителей фабричного руководства по техническому усовершенствованию производства. Особую ценность представляет статья И. В. Шильниковой [5]. Автор подробно охарактеризовала разработанный А. Ф. Грязновым комплекс поощрительных и принудительных мер в отношении рабочих, с помощью которых была обеспечена стабильная и прибыльная работа мануфактуры.

Успешная деятельность ЯБМ была основана не только на правильно выстроенной системе стимулирования ручного и машинного труда. Качество выпускаемой продукции и производительность труда на фабрике зависели от постановки грамотного управления текущей модернизацией производственных процессов. В рамках данной статьи предпринята попытка показать роль А. Ф. Грязнова в распространении новейших технологий на ЯБМ в конце XIX – начале XX в. Имеющийся архивный материал позволяет провести такое исследование. Среди документов особенно информативными являются делопроизводственные материалы: докладные записки управляющего Ярославской мануфактурой А. Ф. Грязнова, отчеты и протоколы Правления Товарищества ЯБМ. Особое значение для характеристики реализации проектов и инициатив по технической модернизации ЯБМ представляют и воспоминания управляющего фабрики А. Ф. Грязнова.

Ярославская Большая мануфактура – одно из старейших предприятий отечественной тек-

стильной промышленности. Фабрика была построена в 1722 г. усилиями обрусевшего голландца Ивана Тамеса и ярославского купца М. С. Затрапезнова. Сначала на мануфактуре вырабатывали изделия из льна, а к концу XVIII в. было начато производство хлопчатобумажной ткани. Предприятие выпускало продукцию до середины XIX в. В 1845 г. на фабрике произошел пожар, в результате большая часть построек сгорела. Владельцы мануфактуры, заводчики Яковлевы, не смогли восстановить производство и были вынуждены продать фабрику всего за 85 тысяч рублей серебром. Собственниками производства стали московские купцы И. А. Карзинкин, А. А. Карзинкин и Г. М. Игумнов. Столичные предприниматели имели достаточно средств и желание возродить производство. Собранный по уставу основной капитал Товарищества ЯБМ в размере 800 тысяч рублей серебром был направлен на строительство новых фабричных зданий. На протяжении второй половины XIX в. фабрика была полностью отстроена и переоборудована. Бумагопрядильное производство стало размещаться в отдельных зданиях под названием «Старая фабрика».

В середине 1880-х гг. собственники мануфактуры запланировали запуск производства по изготовлению суровых хлопчатобумажных тканей. В результате в 1887 г. на правом берегу реки Которосли было начато строительство нового четырехэтажного корпуса, впоследствии получившего название «Новая фабрика».

Для эффективной и бесперебойной работы мануфактуры были организованы сопутствующие производства: чугуно-литейное, слесарно-токарное, лесопильное и др. В результате многие проблемы, связанные с обслуживанием ЯБМ, удавалось решать собственными силами и с гораздо меньшими материальными затратами.

Технический прогресс на фабрике наглядно показывают следующие данные. В 1890-х гг. на ЯБМ было 5 больших паровых машин общей мощностью 5000 инд. сил, 3 турбины и 17 паровых машин мощностью в 500–600 инд. сил. В 1891 г. действовало 204 726 прядильных веретен, 1 568 ткацких станков, 11 790 крутильных станков [4, с. 64]. В целом за несколько десятилетий производственные мощности мануфактуры увеличились в десятки раз: мощность паровых двигателей в 56 раз, а мощность турбин в 25 раз.

К началу 1890-х гг. ЯБМ стала одним из передовых текстильных производств России.

До 1890-х гг. ключевые управленческие должности на предприятии занимали англичане, приехавшие на фабрику еще в начале 1860-х гг. Приглашение иностранцев-профессионалов было обосновано: запуск и бесперебойная работа импортного оборудования требовали специалистов особой квалификации. В начале 1890-х гг. Правление Товарищества вынуждено было пересмотреть принципы подбора руководящих кадров: недовольство ярославских рабочих вылилось в жесткое требование уволить иностранцев с предприятия. Постепенно административные и инженерно-технические должности стали отдавать русским специалистам. Так, в 1892 г. в качестве директора был приглашен профессор Императорского Московского технического училища С. А. Федоров.

Можно сказать, что и приглашение в июне 1892 г. Алексея Грязнова, одного из лучших выпускников ИМТУ, также было не случайно. Еще будучи студентом ИМТУ, А. Грязнов отличался глубокими познаниями и желанием изобретать что-то новое; преподаватели отмечали его успехи. В своих воспоминаниях Алексей Флегонтович пишет, что за экзамен по сопротивлению материалов «мне поставили, при десятибалльной системе, десять с плюсом, что, как оказалось позднее, было случаем небывальым» [6, с. 27].

Первоначально руководство фабрики предложило А. Грязнову «находиться в распоряжении директора С. А. Федорова, исполняя его поручения технического и административного характера». Несмотря на другие варианты, Алексей Грязнов выбрал Ярославскую Большую мануфактуру, рассуждая: «...хлопчатобумажных фабрик много в России <...>, если служба на ЯБМ у меня не наладится, то, познакомившись с техникой производства, я легко смогу перейти на какую-либо иную фабрику» [6, с. 37].

Служащие Ярославской мануфактуры сначала серьезно не воспринимали молодого инженера, «смотрели как на мальчика, в фабричных делах ничего не понимающего» [6, с. 46]. Первое техническое задание Алексей Флегонтович получил осенью 1892 г. после публикации в «Горном журнале» своей статьи под названием «О совместной работе паровых и гидравлических двигателей». Руководство фабрики поручило А. Ф. Грязнову

изучить гидравлическую силу реки Которосли, а также работающих на ней водяных турбин. В ходе исследования Алексей Флегонтович пришел к выводу о возможности и даже необходимости заменить старые турбины на более современные и мощные. Примечательно, что в качестве аргументации инженер ссылаясь не только на технические расчеты, но и на экономическую целесообразность данного мероприятия. В результате в середине 1890-х гг. началась замена старых турбин на новое оборудование.

Следующее поручение А. Ф. Грязнову было связано с техническим переустройством «Новой фабрики». Руководство мануфактуры еще в конце 1880-х гг. запланировало разделить прядильно-ткацкое производство по разным фабричным помещениям. А. Ф. Грязнов быстро, в течение трех дней, представил расчеты относительно закупки необходимого оборудования и размещения его в цехах. В воспоминаниях А. Ф. Грязнов пишет, что, рассмотрев чертежи, вычисления и подсчеты, директор фабрики С. А. Федоров был удивлен: «Какими же Вы, Алексей Флегонтович, обладаете знаниями, что смогли в такой короткий срок выполнить такую большую работу?!» [6, с. 48].

Фабриканты-заводчики Карзинкины понимали, что характеристики выпускаемой продукции зависят не только от применения современных машин. Важным являлся вопрос обеспечения производства высококачественным сырьем в больших объемах. До 1880-х гг. ярославская фабрика работала исключительно на заграничных хлопках – американском и египетском. После включения среднеазиатских территорий в состав Российской империи и установления протектората над Хивой Карзинкины сделали ставку на отечественное сырье. С начала 1880-х гг. владельцы мануфактуры стали осваивать новые территории. Правлением Товарищества ЯБМ было принято решение о приобретении земельных участков в хлопкосеющих районах Средней Азии – в климатически привлекательной Ферганской долине.

Позднее при обработке азиатского хлопка обнаружились дополнительные проблемы. Хивинский и бухарский хлопок достаточно сложно поддавался очистке, более плотно был закрыт в «коробочке». В результате процесс переработки хлопка обходился фабрике дороже, а полученное сырье было весьма низкого качества. Указанные

обстоятельства вызвали разногласия среди членов Правления по поводу необходимости строительства хлопкоочистительных заводов в Среднеазиатском регионе. Одна часть членов Правления поддерживала идею строительства таких предприятий, другая высказывала опасения относительно эффективности их работы.

С. А. Федоров в частной беседе с Алексеем Флегонтовичем упомянул о возникших дискуссиях в Правлении. Позднее А. Ф. Грязнов вспоминал: «...во мне проснулся инстинкт изобретательности и я стал думать: как бы устроить машину, которая могла бы непосредственно из гузы давать чистое, очищенное от семян волокно» [6, с. 50]. В короткие сроки, спустя всего несколько дней, А. Ф. Грязнов подготовил членам Правления ЯБМ основательный доклад, в котором познакомил присутствующих с чертежами и проектами устройства предлагаемой машины для очистки хивинского и бухарского хлопка. Владельцы мануфактуры весьма сдержанно отреагировали на идею Грязнова. Однако через пару дней Алексею Флегонтовичу было сделано неожиданное предложение. Правление фабрики командировало А. Ф. Грязнова в Северную Америку в качестве технического консультанта. Основная цель поездки заключалась в поиске предприятия, на котором возможно было бы изготовить «гузолмки» для новых хлопкоочистительных заводов Товарищества ЯБМ.

Поездка в США, по словам А. Ф. Грязнова, «дала колоссальное количество самых разнообразных знаний, вместе с тем завершила мое текстильное образование...» [6, с. 71]. Это было неудивительно, поскольку американская легкая промышленность на рубеже XIX–XX в. бурно развивалась, обгоняя по уровню технической оснащенности и способам управления отечественное производство.

Сильное впечатление на инженера А. Ф. Грязнова произвела Всемирная выставка 1893 г., проходившая в Чикаго. Экспозиция, посвященная 400-летию открытия Америки Колумбом, была событием мирового масштаба в области промышленности и техники. С большим интересом А. Ф. Грязнов посетил отделы, посвященные хлопкообрабатывающей отрасли. Он не только познакомился с новыми механизмами, способными очищать «гузу», но также «записал адреса заводов, строящих машины для прядильных

и ткацких фабрик, во многом отличающиеся от английских» [6, с. 51]. Внимательно изучив представленные на выставке технические новинки, Алексей Флегонтович отметил достоинства и недостатки ткацких станков разных производителей. Сделанные наблюдения впоследствии сыграли важную роль при выборе поставщиков оборудования для ярославской фабрики.

Под контролем А. Ф. Грязнова на заводе Гарднера в городе Бриджуотер (штат Массачусетс, США) была разработана машина для очистки среднеазиатского хлопка. Уже через четыре месяца новая техника поступила на Ярославскую мануфактуру для испытаний, которые прошли весьма успешно. А спустя год в Хиве и Бухаре были открыты два первых хлопкоочистительных завода с «гузолмками». К началу XX в. в Средней Азии было организовано 12 таких заводов [2, с. 98–99]. В результате, благодаря инженерной мысли А. Ф. Грязнова, процесс переработки хлопка был значительно модернизирован, что достаточно быстро отразилось на качественных и количественных показателях ярославской фабрики. Параллельно с организацией хлопкоочистительного дела Карзинкины принимали активное участие в работах по селекции американского хлопка. По инициативе А. Ф. Грязнова Товарищество ЯБМ стало использовать свои среднеазиатские плантации для посева иностранных семян и распространения их среди местного земледельческого населения с целью возделывания на личных участках.

Эффективность предложений А. Ф. Грязнова по усовершенствованию хозяйственного развития среднеазиатских территорий Товарищества ЯБМ можно проследить на примере роста объемов производства. К 1910 г. около 6 000 пудов чистого волокна вырабатывалось в сутки на заводах Карзинкиных в Средней Азии [7].

Уже в 1894 г. А. Ф. Грязнову было предложено место помощника директора «Новой фабрики». Единственным условием для вступления в должность было предоставление докладной записки о перспективах развития предприятия. Документ, составленный инженером на 80 страницах с многочисленными расчетами и чертежами, был одобрен руководством. В результате спустя два года после окончания ИМТУ Правление ЯБМ заключило с А. Ф. Грязновым контракт, подтверждающий новое назначение.

Буквально в это время в Правление Товарищества поступили сведения об изобретении в США автоматических ткацких станков, которые давали возможность обслуживать одному ткачу до шестнадцати станков. Информация настолько заинтересовала членов Правления, что были начаты переговоры с иностранными предпринимателями о покупке пробной партии станков системы «Нортроп». Однако иностранцы, опасаясь, что в России могут сконструировать аналогичное оборудование, согласились выслать только шестнадцать станков при условии их обслуживания американскими специалистами – одним ткачом и монтером. Испытания решено было проводить в Москве.

А. Ф. Грязнов был приглашен в столицу, чтобы непосредственно изучить возможности использования новой техники на ЯБМ. По окончании испытаний Алексей Флегонтович составил обширный доклад для членов Правления. В отчете содержались выводы о конкурентных преимуществах изобретенных станков и о перспективах использования оборудования не только на ЯБМ, но и на других текстильных предприятиях российской промышленности.

Доклад А. Ф. Грязнова был одобрен в Правлении. Владельцы фабрики приняли решение о его повторной командировке в США для более детального изучения устройства современных американских фабрик с автоматическими ткацкими станками. В конце поездки, продолжительность которой А. Ф. Грязнов должен был определить самостоятельно, необходимо было представить программу внедрения новой машинной техники на ЯБМ. На основе этой программы члены Правления Товарищества ЯБМ должны были принять окончательное решение относительно закупки автоматических станков и их дальнейшего размещения и использования.

В Северную Америку А. Ф. Грязнов отправился вместе с директором Правления С. С. Карзинкиным. Примечательно, что Алексей Флегонтович не только изучал технические и организационные вопросы устройства американских фабрик, но и активно участвовал в деловых переговорах. Именно А. Ф. Грязнов убедил С. С. Карзинкина отказаться от покупки станков системы «Нортроп» у фирмы «Дрейпер», поскольку представители компании выдвинули условие о ежегодном приобретении 2 000 станков российскими предприятиями. По мнению А. Ф. Грязнова, такое

требование с учетом особенностей развития российской текстильной промышленности было невыполнимым и, возможно, даже кабальным в финансовом отношении. А. Ф. Грязнов предложил закупить станки завода «Уайтин», которые давали возможность одному ткачу обслуживать 6–8 станков [8]. Контракт на их приобретение не содержал никаких обременительных условий. В результате сделка была заключена и 220 станков поступили на Ярославскую мануфактуру [9].

Алексей Флегонтович разработал план размещения новых машин на фабрике. Для них было выделено специальное помещение, пристроенное к фабричным зданиям. Было решено, что новые станки будут обслуживаться из расчета один ткач на четыре машины. А. Ф. Грязнов отмечал, что в результате использования новой техники впервые в России ткачи стали «работать более, чем на двух станках» [6, с. 69]. Перевод ярославских рабочих на новое оборудование проходил постепенно, но преимущества были видны практически сразу. Очевидным последствием стал рост производительности труда и объемов выпускаемой продукции. Использование на ЯБМ современных ткацких станков положило начало преодолению технического традиционализма в российской текстильной промышленности.

В целом успешная реализация проекта, связанного с закупкой и внедрением станков нового типа, была одной из причин назначения А. Ф. Грязнова в 1898 г. директором «Новой фабрики». Но фактически Алексей Флегонтович занимался модернизацией технической базы всех подразделений ЯБМ. К этому времени Ярославская мануфактура стала одной из крупнейших текстильных фабрик России – первой по количеству выработанной за год пряжи и второй по числу веретен. По переписи 1898 г. на фабрике работали 9 355 человек. Масштабы производства, по воспоминаниям Грязнова, требовали «много знаний и много заботливости» [6, с. 77].

Управляющий ЯБМ уделял большое внимание изучению специальной технической литературы, посвященной изобретениям в области хлопчатобумажной промышленности. В конце 1890-х гг. он даже вошел в состав американского мануфактурного общества в Бостоне (США). Членство в ассоциации позволяло достаточно быстро узнавать о новейших достижениях науки и техники в части совершенствования производственного процесса.

В период директорства А. Ф. Грязнова (1898–1917 гг.) на предприятии был решен важный вопрос, связанный с отоплением фабричных помещений. Несмотря на распространение экономичных дизельных двигателей на ЯБМ в конце XIX–начале XX в., паровые машины по-прежнему использовались на производстве. Топливом для них служили дрова и «нефтяные остатки» (мазут). Дрова доставлялись по рекам Шексне, Волге и Которосли из лесных имений Товарищества в Новгородской губернии. Понятно, что лесные массивы, принадлежащие фабрике, рано или поздно были бы вырублены. Мазут привозили по рекам из Астрахани. В начале XX в. цены на нефть достаточно быстро росли, что отражалось на стоимости нефтепродуктов, а следовательно, и на себестоимости выпускаемой продукции.

В конце 1913 г. А. Ф. Грязнов узнал, что шведский изобретатель Экелунд придумал новый способ отопления паровых котлов с помощью торфа. Торфяных месторождений в новгородских имениях Товарищества ЯБМ было достаточно много. Можно было решить вопрос об использовании болот Ярославской и Костромской губерний. Управляющий фабрики убедил Правление Товарищества отправить его в Швецию. По итогам поездки А. Ф. Грязнов составил отчет, где аргументированно доказал коммерческую целесообразность приобретения патента на использование торфа для разогрева паровых котлов на ЯБМ. Отчет был настолько убедительным, что члены Правления единогласно поддержали проект [10]. Учитывая сложности, возникшие с доставкой топлива и его растущим дефицитом в годы Первой мировой войны, принятое решение действительно было дальновидным и экономически выгодным по причине близости источников сырья и относительной дешевизне рабочих рук в сельской местности и пригородах.

Таким образом, в конце XIX – начале XX в. владельцы Ярославской мануфактуры активно занимались технической модернизацией предприятия. Ведущую роль в реализации проек-

тов Товарищества ЯБМ играл инженер, а затем управляющий А. Ф. Грязнов. Благодаря профессионально-управленческим качествам Алексея Флегонтовича, в ткацком отделении стали использоваться высокопроизводительные машины, была усовершенствована система отопления фабричных помещений, эффективно решались вопросы с обеспечением и доставкой на мануфактуру более дешевого сырья. Большой вклад управляющий ЯБМ внес в установление и развитие международного финансово-производственного партнерства.

Ссылки

1. Ярославская Большая мануфактура. М.: Тип. И. Д. Худякова, 1896. 51 с.
2. Ярославская Большая мануфактура. М.: Тип. И. Д. Худякова, 1900. 120 с.
3. Паялин Н. П. Волжские ткачи, 1722–1917. М.: История заводов, 1936. Т.1. 400 с.
4. Бородкин Л. И., Валетов Т. Я., Смирнова Ю. Б., Шильникова И. В. «Не рублем единым»: Трудовые стимулы рабочих-текстильщиков дореволюционной России». М.: Росспэн. 2010. 535 с.
5. Шильникова И. В. «Как фабриками нужно управлять: деятельность управляющего Ярославской Большой мануфактуры А. Ф. Грязнова (1898–1917 гг.) // Экономическая история. Обзор. М.: МГУ, 2006. Вып. 12. С. 56–70.
6. Грязнов А. Ф. Мои воспоминания. Рукописный подлинник // Музей комбината «Красный Перекоп».
7. ГАЯО. Ф. 674. Оп. 1. Д. 6353 «Отчет Правления Торгово-промышленного Товарищества».
8. ГАЯО. Ф. 674. Оп. 2. Д. 29 «Докладная записка директора фабрики инженера Грязнова о возможности приобретения ткацких станков завода «Уайтин».
9. ГАЯО. Ф. 674. Оп. 1. Д. 3286 «Дело по обеспечению новой пристройки машинами».
10. ГАЯО. Ф. 674. Оп. 1. Д. 7584 «Протоколы Правления Торгово-промышленного Товарищества».

УДК 930.253

В статье реконструируется отдельный эпизод из научной карьеры выдающегося отечественного филолога-классика С. И. Радцига (1882–1968 гг.). Автор уделяет внимание времени пребывания московского историка и переводчика в стенах Ярославского государственного университета. Уточнен ряд обстоятельств, связанных с редакционной подготовкой третьего сборника указанного вуза.

Ключевые слова: Ярославский государственный университет; Радциг Сергей Иванович; Аттика; антиковедение.

The article reconstructs an individual episode from the scientific career of the outstanding Russian classicist S. Radzig (1882–1968). The author gives attention to a period when the Moscow historian and translator worked at the Yaroslavl State University. As the result some circumstances connected with editorial preparation of the third collection of materials by this higher education institution have been specified.

Keywords: Yaroslavl State University; Radzig Sergey Ivanovich; Attica; classical studies.

Е. С. Данилов

Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова

E-mail: explorator@list.ru

О несостоявшейся публикации С. И. Радцига в «Сборнике Ярославского Государственного Университета»

Научная статья

E. S. Danilov

P. G. Demidov Yaroslavl State University

On Cancelled S. Radzig's Publication in «Sbornik Yaroslavskogo Gosudarstvennogo Universiteta»

Scientific article

В период с 26 ноября 1918 г. по 1 октября 1924 г. известный антиковед Сергей Иванович Радциг числился профессором в Ярославском государственном университете. К началу 1920-х гг. относятся две значительные публикации С. И. Радцига в «Сборнике Ярославского Государственного Университета» (Вып. 1–2). Первая статья представляет собой объёмный очерк на тему «Романтические мотивы в поэзии Эврипида (Ахилл и Ифигения)» [1]. Она занимает более 90 страниц и позднее была использована автором при подготовке учебника «История древнегреческой литературы» (М., 1940) [2, с. 277–309]. Вторую статью «Что такое классическая филология?» исследователи особенно выделяют среди ранних публикаций С. И. Радцига, так как она отражает его профессиональное кредо и является первым наброском позднейшей книги «Введение в классическую

филологию» (М., 1965) [3]¹. Следующая статья, которую профессор планировал опубликовать в третьем выпуске упомянутого сборника, называлась «Из истории родовых отношений в древней Аттике». Переговоры о возможности публикации данного опуса велись с редакционной комиссией в течение весны 1924 года. Попытаемся на основе архивных материалов показать особенности этой переписки.

Документы, освещающие детали жизненного пути профессора С. И. Радцига, довольно разнообразны. Здесь в первую очередь стоит вспомнить объёмный фонд под номером 662 из Российской государственной библиотеки, который содержит 540 единиц хранения. Правда, рукописи, связан-

¹ Относительно недавно была переиздана [4]. О выпуске данной статьи как о важной вехе в творчестве рассматриваемого учёного см. [5, с. 11; 6].

ные с интересующим нас периодом 1920-х годов, составляют лишь около 5 % от общего количества материалов. Подавляющее большинство относится к 1940–1960 годам². Восемь единиц хранения, разбросанных по отдельным фондам, имеются в Российском государственном архиве литературы и искусства. Первому десятилетию советской власти принадлежит личное дело С. И. Радцига и две его статьи 1925 года³. Наконец, Государственный архив Ярославской области хранит основной объём информации по научно-педагогической деятельности С. И. Радцига с 1918 по 1930 год, поскольку, после ликвидации ЯГУ, Сергей Иванович ещё шесть лет проработал в Ярославском педагогическом институте [7].

Вначале остановимся на самой статье. Формулировка «Из истории родовых отношений в древней Аттике» было использовано С. И. Радцигом несколько раз. В списке научных работ, составленном профессором 26 февраля 1924 года, указано, что первая статья с таким названием подготовлена к печати, а вторая находится в стадии разработки. При этом какие-либо уточняющие подзаголовки отсутствуют [8]. В отчёте, направленном заведующему учебной частью ЯПИ 22 октября 1926 г., написано, что второй «этюд» готов к печати. Он уже имел развернутое название — «Социальное положение в Афинах перед реформой Солона (Критика данных 2-ой главы Афинской политики Аристотеля)» [9]. В отчёте от 26 октября 1928 года снова появляется основной тематический заголовок без уточнений, но с добавлением объёма — «ок. 3 листов» [10]. В именном списке научных работников ЯПИ за 1929/1930 учебный год рассматриваемый очерк значится среди одиннадцати «главнейших» научных трудов С. И. Радцига. Зафиксировано также, что он апробирован в виде двух докладов в РАНИОН [11]. Наконец, в «Вестнике древней истории» (1964 г.) появляется публикация «Килонова смута в Афинах (эпизод из истории родовых отношений в Аттике)» [12].

² С электронной копией описи фонда можно ознакомиться на официальном сайте РГБ. URL: <http://dlib.rsl.ru/viewer/01004873860#?page=1> (дата обращения: 14.01.2017).

³ Перечень единиц хранения, связанных с рассматриваемой персоной, см. на сайте РГАЛИ. URL: <http://www.rgali.ru/object/210947092> (дата обращения: 14.01.2017).

Материалы об издании третьего сборника ЯГУ собраны в деле № 245 фонда Р-51. В этом фонде помещаются все документы, отражающие особенности функционирования ЯГУ в первые после-революционные годы. Итак, 7 марта 1924 года С. И. Радциг представил в редакционную комиссию сборника статью под заглавием «Из истории родовых отношений в древней Аттике». 27 марта на заседании комиссии был рассмотрен вопрос об утверждении к печати четырнадцати присланных статей. В протоколе заседания под пунктом 7 фигурирует пометка о том, что статья С. И. Радцига может быть напечатана лишь «в случае наличия свободного места» [13]. 2 апреля новость об отказе доходит до учёного. Задержка почти в неделю связана, скорее всего, с тем, что Сергей Иванович находился в это время в Москве. Обычная, казалось бы, резолюция вызвала серьезное недовольство профессора, что побудило меня обратить на это внимание. 7 апреля в Правление университета было подано заявление от С. И. Радцига, в котором он просил «обратить внимание на совершенно ненормальный ход дел» в редакционной комиссии [14].

Какие же доводы комиссии вызвали возмущение историка? Здесь я вынужден оговориться, что причины отказа переданы в заявлении самого С. И. Радцига. (В немногочисленных протоколах заседаний редакционной комиссии они отражения не нашли.)

Во-первых, в тот же сборник уже была принята статья медиевиста Николая Ивановича Радцига, старшего брата антиковеда. Действительно, Николай Иванович тоже работал в ярославских вузах в 1921–1929 годах. В третий сборник ЯГУ он направил статью «Идея пасифизма у Фенелона» [13]⁴.

⁴ Основные произведения французского богослова Франсуа Фенелона (1651–1715 гг.), роман «Приключения Телемаха» и трактат «Диалоги мертвых», созданы под определяющим влиянием античной культуры. Хотя Н. И. Радциг в научном плане занимался западноевропейской историей XVI–XIX вв., нельзя сказать, что он не интересовался классической древностью. В Московском университете ему преподавал, среди прочих, известный филолог-классик С. И. Соболевский. За студенческое сочинение на тему «Начало летописи в Риме» Н. И. Радциг был удостоен золотой медали (позднее опубликовано – [15]). Известно, что в ЯГУ он краткий период преподавал «Историю Рима» [16]. Позднее Николай Иванович, вместе с профессором С. И. Ковалевым, перевел V том «Римской истории» Теодора Моммзена, выходявшей в Москве в 1936–1948 гг.

Во-вторых, в предыдущих двух сборниках были помещены статьи Сергея Ивановича, о чем упоминалось выше.

В-третьих, постоянное пребывание С. И. Радцига в Москве давало ему возможность печататься в столичных изданиях. В частности, в первой половине 1920-х годов он читал лекции в Московском институте живого слова, Государственной академии художественных наук и ряде других учреждений [17].

В-четвертых, позднее в качестве причины выдвигалось заявление автора о желании поместить статью. Пожалуй, это самый сильный аргумент комиссии, ведь тот же Николай Радциг подал соответствующую заявку ещё в июне 1923 года [18]. Крайний срок окончания приёма заявок установить не удалось.

В-пятых, адекватным может считаться тезис о чрезмерно крупном объеме статьи Сергея Ивановича. Известно, что объем статей не должен был превышать $\frac{1}{2}$ листа. Лишь в особых случаях допускалось увеличение до 1 печатного листа (57 тысяч букв). Однако у того же Николая Радцига объём рукописи достигал 3 печатных листа. Впрочем, он мог ее быстро отредактировать.

Посмотрим, как на это отреагировал профессор:

«Признавая вполне естественным желание каждого учёного при настоящих тяжёлых условиях печатного дела печатать свои работы, я, конечно, примирился бы с отказом, если бы он имел принципиальное основание; но в действительности дело имеет совершенно иной характер, как видно из данных мне объяснений. Первый и третий аргументы вообще не выдерживают никакой критики. Второй аргумент не состоятелен потому, что в первых 2 сборниках из всего состава преподавателей, числившихся в Ярославском Университете в то время, когда составлялись сборники, никто не был лишён возможности напечатать свою статью; кроме того, не состоятелен и потому, что в новом сборнике редакционная комиссия находит возможным поместить статьи некоторых лиц, участвовавших в первых двух сборниках, напр. проф. Зубова и проф. Голубева⁵. Что касается позднего заявления (середина ноя-

бря 1923 г.), то это является естественным результатом того, что своевременно не было сделано никакого оповещения профессорской коллегии о том, когда редакционная комиссия начала свои действия; таким образом, о начале ее деятельности пришлось узнать более или менее случайно. Далее, размеры моей статьи (прибл. 50 тыс. букв) не превосходят размеров статей, принятых редакцией, напр. статьи проф. Тоцкого. Следовательно, все эти мотивы сами по себе не могут служить причиной отвода. Но самым тягостным является то обстоятельство, что отвод моей статьи оказался нужен для того, чтобы оставить место для второй [подчеркнуто] статьи проф. Зубова и для статьи проф. Шестакова, ещё не представленных. Таким образом, ради того, чтобы дать возможность этим авторам, входящим в состав комиссии, написать их статьи, задерживается всё издание».

Далее С. И. Радциг просит, чтобы работа комиссии проходила в условиях гласности и без произвола. Сохранились две версии этого заявления. Оригинал направлен в редакционную комиссию. Текст оригинала написан размашистым почерком, имеет одну пометку и одну вставку о необходимости руководствоваться «хронологической последовательностью» при отборе представленных к определенному сроку статей [23]. Копия заявления переписана, судя по почерку, в более спокойном эмоциональном состоянии [24]. С ней ознакомились в Правлении и предложили комиссии дать своё заключение. Вместо фамилии ректора В. В. Потемкина, в записке Правления стоят подписи проректора А. А. Мануилова, бывшего декана агрономического факультета ЯГУ, и А. Д. Удальцова, заведующего научно-учебным отделом [25].

15 апреля 1924 года состоялось очередное заседание редакционной комиссии. На нём было заслушано заявление С. И. Радцига и составлено постановление следующего содержания. Правлению Университета сообщалось, что статья Радцига была принята к печати при условии наличия свободного места в отделе общественных наук, на который отведена половина сборника. Данная оговорка вступила в силу «в виду позднего заявления и позднего представления статьи» в комиссию. Далее подчеркивалось, что первые три мотива, фигурирующие в заявлении Радцига как причины отклонения статьи, никогда не имели места в соображениях комиссии. Более того,

⁵ Исследования И. О. Зубова вошли в состав первых двух сборников ЯГУ: [19; 20]. Фамилия Н. Н. Голубева в оглавлениях выпусков не появляется, но, скорее всего, именно он составлял обширные библиографические списки юридической литературы: [21; 22].

ссылка Радцига на как бы пристрастный прием к напечатанию статей Зубова, Шестакова и Голубева неосновательна, о чем было заявлено на первом заседании комиссии. Кроме того, два случая из медицинской практики, описанные Зубовым в двух статьях, не превышают предельной нормы страниц и относятся к отделу естественно-медицинских наук, не заполненному к моменту представления статей. Своевременно представленная статья Шестакова, как превышающая предельную норму, была возвращена автору для сокращения, без потери очереди. Не превышающая нормы статья Голубева также представлена вовремя. Ниже отмечалось, что ссылка Радцига на Тоцкого неосновательна ввиду того, что она принята как актовая речь. Остальные выпады профессора комиссия расценила как некорректные и не отвечающие действительности [26].

Кто же входил в эту «злополучную» комиссию? Ответственными за выпуск третьего сборника ЯГУ считались уже упомянутые преподаватели, медик Иван Осипович Зубов, энтомолог Андрей Валентинович Шестаков и юрист Николай Николаевич Голубев. Именно в таком порядке они перечисляются в конце каждого протокола заседаний. Иногда к ним присоединялся Павел Никодимович Груздев, декан педагогического факультета, который осуществлял приём статей [27]. Упомянутый в бумагах социолог Николай Максимович Тоцкий работал, как и С. И. Радциг, на факультете общественных наук. Иными словами, С. И. Радциг вступил в конфликт с коллегами не только как с членами редакционной комиссии, но и как с авторами формируемого сборника. Любопытно, что химик Александр Васильевич Знаменский, ещё один претендент на публикацию, тоже не получив подтверждения своей заявке, тем не менее не выказал никакого официального протеста в письменной форме. Не исключено, что самолюбие С. И. Радцига было дополнительно уязвлено какими-либо непроверенными слухами.

Примечательно, что на следующий день после заседания редкомиссии, 16 апреля, состоялось другое собрание правления ЯГУ, на котором в срочном порядке были приняты меры по урезанию расходов за счет сокращения штата и прекращения ассигнований на учебные и хозяйственные нужды [28]. Последний документ, связанный с подготовкой третьего сборника ЯГУ, датируется 29 июля 1924 года. По его содержанию можно понять, что бумага

для печати сборника в «Типографии Ярославского сельскохозяйственного и кредитного союза кооперативов» так и не была выдана, а сам выпуск затягивался [29]. Дальнейшие же приготовления оказались бессмысленными, так как в августе того же года по причине нехватки финансирования университет был закрыт.

Приложение 1

**Вероятное оглавление III Сборника
Ярославского государственного университета
(ГАЯО. Ф. Р-51. Оп. 1. Д. 245. Л. 2)**

1. Тоцкий М. Н. Учение Монтескье об обществе в свете механического мировоззрения (Актовая речь).
2. Бочкарев В. Н. Сенаторские ревизии при Павле I.
3. Радциг Н. И. Идея пасифизма у Фенелона.
4. Юридическая библиография за 1918–1922 годы (Составитель, как и в первых двух выпусках, не указан. Возможно, Н. Н. Голубев).
5. Анисимов А. И. Эстетика Буслаева.
6. Фохт Б. А. Об основных направлениях в современном изучении философии Канта.
7. Радциг С. И. Из истории родовых отношений в древней Аттике (при наличии свободного места).
8. Зубов И. О. Убийство и самоубийство?
9. Зубов И. О. Случай излечения неукротимой рвоты беременной гипнозом.
10. Дружинин М. А. Кондиционализм как метод при изучении злокачественных новообразований.
11. Нечаева-Дьяконова А. К. Принцип классификации нервных окончаний.
12. Эдельберг Г. В. Клиническая картина климактерия.
13. Шестаков А. В. Материалы к познанию семейства hominidae.
14. Знаменский А. В. Теплоты образование как основание к построению структурных формул (при наличии свободного места и «при условии, если найдутся шрифты для печатания формул»).

Ссылки

1. Радциг С. И. Романтические мотивы в поэзии Эврипида (Ахилл и Ифигения) // Сборник Ярославского государственного университета.

- Ярославль: Типография Ярославского С.-Х. и Кредитного Союза Кооперативов, 1920. Вып. 1: 1918–1919 гг. С. 171–266.
2. Радциг С. И. История древнегреческой литературы. 4-е изд. М.: Высшая школа, 1977. 551 с.
3. Радциг С. И. Что такое классическая филология? // Сборник Ярославского государственного университета. Ярославль: Типография Ярославского С.-Х. и Кредитного Союза Кооперативов, 1923. Вып. 2. С. 10–25.
4. Радциг С. И. Что такое классическая филология? // Двойной портрет III. Филологи-античники о европеизации и деевропеизации России / сост. М. Н. Славятинская. М.: Филоматис, 2013. С. 405–427.
5. Сергей Иванович Радциг: Краткий очерк жизни и творчества. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1967. 20 с.
6. Сергей Иванович Радциг (1882–1968) // Вестник древней истории (ВДИ). 1969. № 2. С. 227.
7. РГБ. НИОР (Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки). Ф. 662. К. 1. Ед. хр. 7. Л. 11.
8. ГАЯО (Государственный архив Ярославской области). Ф. Р-51. Оп. 1. Д. 13. Л. 60.
9. ГАЯО. Ф. Р-2257. Оп. 5. Д. 97. Л. 72.
10. ГАЯО. Ф. Р-2257. Оп. 5. Д. 218. Л. 112.
11. ГАЯО. Ф. Р-2257. Оп. 5. Д. 260. Л. 8.
12. Радциг С. И. Килонова смута в Афинах (эпизод из истории родовых отношений в Аттике) // ВДИ. 1964. № 3. С. 3–14.
13. ГАЯО. Ф. Р-51. Оп. 1. Д. 245. Л. 2.
14. ГАЯО. Ф. Р-51. Оп. 1. Д. 245. Л. 4.
15. Радциг Н. И. Начало римской летописи. М.: Университетская типография, 1903. 148 с.
16. ГАЯО. Ф. Р-51. Оп. 1. Д. 91. Л. 39, 68; Д. 94. Л. 19.
17. ГАЯО. Ф. Р-51. Оп. 1. Д. 134. Л. 18; Ф. Р-2257. Оп. 5. Д. 218. Л. 48; РГБ. НИОР. Ф. 662. К. 1. Ед. хр. 2. Л. 2–3.
18. ГАЯО. Ф. Р-51. Оп. 1. Д. 201. Л. 52.
19. Зубов И. О. К вопросу о дефектах «провинциальной» судебно-медицинской экспертизы // Сборник Ярославского государственного университета. Ярославль: Типография Ярославского С.-Х. и Кредитного Союза Кооперативов, 1920. Вып. 1: 1918–1919 гг. С. 285–292.
20. Зубов И. О. Медицина как наука, как творчество и как дело милосердия (Речь, произнесенная в день открытия медицинского факультета 25 ноября 1919 года) // Сборник Ярославского государственного университета. Ярославль: Типография Ярославского С.-Х. и Кредитного Союза Кооперативов, 1923. Вып. 2. С. 56–60.
21. Юридическая библиография за 1917, 1918 и 1919 годы // Сборник Ярославского государственного университета. Ярославль: Типография Ярославского С.-Х. и Кредитного Союза Кооперативов, 1920. Вып. 1: 1918–1919 гг. С. 293–332.
22. Юридическая библиография за 1917–1922 годы // Сборник Ярославского государственного университета. Ярославль: Типография Ярославского С.-Х. и Кредитного Союза Кооперативов, 1923. Вып. 2. С. 116–138.
23. ГАЯО. Ф. Р-51. Оп. 1. Д. 245. Л. 6.
24. ГАЯО. Ф. Р-51. Оп. 1. Д. 245. Л. 5.
25. ГАЯО. Ф. Р-51. Оп. 1. Д. 245. Л. 3.
26. ГАЯО. Ф. Р-51. Оп. 1. Д. 245. Л. 7.
27. ГАЯО. Ф. Р-51. Оп. 1. Д. 245. Л. 1.
28. ГАЯО. Ф. Р-51. Оп. 1. Д. 249. Л. 1.
29. ГАЯО. Ф. Р-51. Оп. 1. Д. 245. Л. 12.

УДК 94(47).066:908

В статье рассматривается комплекс архивных материалов Ярославского наместнического правления. Анализируется репрезентативность делопроизводственных материалов при изучении местного управления Российской империи. На примерах отдельных категорий документов делаются выводы о значительном потенциале комплекса для изучения системы учреждений, созданной губернской реформой 1775 г.

Ключевые слова: наместническое правление; делопроизводственные источники; местное управление; Ярославская губерния.

The complex of archival documents of Yaroslavl vicegeral board is considered in the article. Representativeness of clerical materials in study of local administration of Russian Empire is analyzed. Conclusions about significant potential of the complex for the research of the institutions system, created by the provincial reform in 1775, are made on the base of examples of separate categories of documents.

Keywords: vicegeral Board; clerical materials; local government; Yaroslavl province.

Д. Е. Уткин

*Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова
E-mail: denevg92@mail.ru*

Делопроизводственные материалы Ярославского наместнического правления как исторический источник для изучения местного управления в эпоху Екатерины II

Научная статья

D. E. Utkin

P. G. Demidov Yaroslavl State University

Clerical Materials of Yaroslavl Vicegeral Board as a Historical Source of Study of Local Administration during Catherine the Great Rule

Scientific article

После обнародования «Учреждений для управления губерний» 1775 г. началась активная перестройка местного административного, судебного и финансового управления и территориального устройства Российской империи. Во вновь созданных разукрупненных губерниях или наместничествах роль главного исполнительного органа играли наместнические правления. Законом им давались достаточно обширные полномочия по непосредственному управлению вверенными территориями, контролю над подчиненными учреждениями и координации их действий [1].

Ярославское наместническое правление было создано 21 декабря 1777 г. сразу после открытия Ярославской губернии и просуществовало до 31 декабря 1796 г. [2, с. 8]. За время функционирования правления в его архиве накопилось значительное

количество делопроизводственных материалов, составивших в настоящее время отдельный фонд Государственного архива Ярославской области (Ф. 77). В его составе насчитывается 5 120 ед. хр., характеризующих историю Ярославского края и Российской империи в последней четверти XVIII века.

Традиционно при изучении местного управления в Российской империи исследователи акцентируют внимание на кадровом составе чиновников учреждений, законодательных основах их деятельности и реализации функций на практике [3]. Менее изученными и перспективными остаются вопросы символики власти, ежедневных управленческих практик и систем политической коммуникации, иллюстрирующих антропологический подход к исследованию государственных учреждений [4]. Представленный документаль-

ный комплекс обладает необходимой степенью репрезентативности, чтобы на региональном материале осветить представленные аспекты функционирования органов местного управления.

Среди основных категорий документов, сохранившихся в архиве, следует выделить журналы заседаний правления, реестры входящих и исходящих бумаг, формулярные списки, приходно-расходные книги и отдельные предметно-тематические дела, составляющие большую часть фонда. Весь спектр информации в делопроизводственной документации правления отражает несколько уровней исторической реальности, непосредственно связанной с созданием и функциями рассматриваемых документов [5, с. 177].

Во-первых, это реалии управленческих практик самого наместнического правления, охватывающие непосредственные условия возникновения документов. Во-вторых, делопроизводственные материалы отражают региональные и общероссийские социально-экономические и политические процессы. В-третьих, рассматриваемые источники позволяют реконструировать механизмы взаимоотношений наместнических правлений с другими местными органами власти.

Основным источником для изучения персонального состава местных учреждений являются ежегодно составлявшиеся формулярные списки. Спектр сведений, необходимый для учета чиновничества и зафиксированный в списках, дает возможность проанализировать служебные, социальные, возрастные и семейные характеристики служащих. Регулярность составления формуляров позволяет рассматривать социальные и численные характеристики чиновничества в динамике. Материалы Ярославского наместнического правления содержат формулярные списки не только по головному учреждению [6], но и по остальным губернским и уездным органам власти [7]. Наличие списков учреждений губернии позволяет проводить анализ кадрового состава местного управления. В зависимости от степени сохранности документов возможна реконструкция всего кадрового состава региона в отдельные годы.

Большим потенциалом для анализа численности и материальной обеспеченности канцелярских служащих обладают финансовые документы наместнического правления. Книжки выдачи жалованья, составлявшиеся трижды в год, позволяют изучить ежемесячные изменения в составе приказных слу-

жащих. При их рассмотрении были зафиксированы не только значительные численные изменения служащих, но и важные должностные трансформации, заключавшиеся в значительном увеличении числа канцеляристов и сокращении копейстов. Удалось установить механизм увеличения численности сотрудников наместнического правления в 1780-е гг. Она достигалась за счет привлечения к работе сверхштатных сотрудников по меньшим окладам и увеличения числа штатных служащих за счет разделения ставок между ними [8; 9].

Наместнические правления были наделены значительной кадровой властью в своих губерниях: в их ведомстве находились канцелярские служащие всех учреждений. В фонде Ярославского наместнического правления сохранился значительный пласт информации, касающийся назначения, увольнения и перевода чиновников. Имеющаяся информация позволяет проследить мобильность чиновничества в рамках региона, причины ухода со службы и перехода в другие ведомства. Наиболее частой причиной смены «места работы» выступал приказ правления или генерал-губернаторы обусловленный необходимостью заполнения вакантных мест. Так, во время открытия Костромской губернии часть служащих была переведена в присутственные места новой губернии, ощущавшей недостаток в кадрах [10, л. 1об.]. Нередко чиновники сами просили о переводе по причине удаленности от дома или семьи [11, л. 1]. Другая распространенная причина перемещения – появление в учреждениях более престижных вакантных мест, чем то, которое занимал тот или иной проситель перевода [12, л. 1]. Служащие наместнических правлений имели определенную фору в таких случаях: правление первым информировалось о кадровых изменениях.

Документы, отражающие непосредственную деятельность наместнического правления, одновременно содержат информацию по функционированию всей системы местных учреждений в целом. Наиболее важным из таких источников являются журналы заседаний Ярославского наместнического правления. Их основная функция заключалась в фиксации всех рассматриваемых в присутствии дел и решений по ним. Журналы являлись первичными распорядительными документами: именно зафиксированное в них решение являлось основой для составления указа, отправлявшегося в подчиненное учреждение. Изучение журналов

заседаний наместнического правления позволяет в полной мере произвести реконструкцию механизмов деятельности системы местных учреждений, созданных губернской реформой 1775 года.

Проведение количественного и текстового анализа журналов по нескольким параметрам позволяет выявить основные направления деятельности правления, его взаимоотношения с другими местными учреждениями и внутреннюю организацию работы. Например, на основе анализа журналов за 1779 г. [13–15] можно сделать следующие выводы. За год правлением было рассмотрено 2 988 различных вопросов. Из них только 17 % (521) были инициированы вышестоящими учреждениями, остальные 83 % (2 467) – местными учреждениями различных уровней. Само правление за весь 1779 г. инициировало только 123 дела, соответственно, все остальные 2 344 резолюции были посвящены решению вопросов, возникавших на местах.

Наиболее часто в Ярославское наместническое правление обращались суды всех уровней, исполнительные органы – городничие и нижние земские суды, а также финансовые учреждения. Проведенный количественный анализ показывает, что уже вскоре после создания Ярославской губернии и новой системы местного управления губернские учреждения большую часть рабочего времени тратили на решение местных вопросов и нужд. На наш взгляд, отмеченное наблюдение отчасти свидетельствует о произошедшей децентрализации ряда управленческих полномочий между центром и регионами, что позволило решать многие проблемы без обращения к центральным учреждениям.

Рассмотрение текстов журналов за 1779 г. позволило установить, что декларируемое в «Учреждениях» отделение суда от администрации соблюдалось на практике. Местные судебные учреждения главным образом сообщались с наместническим правлением по процессуальным вопросам: требовали справки, просили о «понуждении» других учреждений в разборе дел, решали вопросы своего кадрового состава, доносили о своих решениях по некоторым делам [13, л. 580; 14, л. 592]. Приказание наместнического правления при этом не затрагивали компетенций судебных органов в вопросах судопроизводства.

По-иному выстраивались отношения Ярославского наместнического правления с нижними

земскими судами и городничими. Законодательно они были напрямую подчинены правлению и поэтому получали непосредственные приказы, обязательные к исполнению [14, л. 137, 537, 723]. В их ведомство входила масса задач – от починки мостовых и охраны зимних переправ до поимки беглых и расследования преступлений.

В документах Ярославского наместнического правления интересное отражение находят обозначенные антропологические аспекты. Так, вопрос о символике, с помощью которой власть являла себя народу, можно рассмотреть на примере ежедневной работы чиновников. Любой указ, составлявшийся в канцелярии, отсылал его создателя непосредственно к воле царствующей особы, как единственного источника власти [16]. Челобитные по разным делам хотя и подавались в местные учреждения, также апеллировали к монарху [17, л. 1]. Портрет Екатерины II был непременным атрибутом любого присутственного места. Властная символика пропитывала не только ежедневные управленческие практики служащих, но и окружала их вне стен присутствий. На воскресных молебнах в церкви традиционно зачитывались тексты указов и манифестов, а различные события в жизни царствующей фамилии превращались в настоящие праздники, становившиеся выходными [18, л. 2–6].

Для реконструкции ежедневного управленческого процесса могут использоваться уже упомянутые журналы заседаний правления. Обращение к ним позволяет составить «производственный календарь» работы правления с обозначением всех праздников и выходных. За 1779 г. в Ярославском наместническом правлении зафиксировано 268 рабочих дней. Соответственно, 97 дней были выходными, приходившимися на воскресенье, дни двенадцатых праздников и царские дни – праздники правящей фамилии. Степень присутствия чиновников на заседаниях была различной. Чаще всего присутствовали советники и губернатор. Ярославский генерал-губернатор А. П. Мельгунов присутствовал всего лишь на 4 заседаниях за год. При этом можно сделать выводы и о продолжительности рабочего дня. Если советники исполняли свои обязанности полный рабочий день (порядка 10–12 часов с перерывом на обед), то губернатор и генерал-губернатор имели присутствие в правлении всего лишь в течение нескольких часов [13–15].

Таким образом, изучение документальных материалов Ярославского наместнического правления на предмет репрезентативности показывает их исключительные возможности в реконструкции системы местного управления. Обладая значительными административными полномочиями, наместническое правление смогло аккумулировать основные документопотоки, исходящие из всех местных учреждений губернии. Документы, вносимые в правление и сохранившиеся в его архиве, являются ценным источником для изучения различных аспектов местного управления – от численного состава чиновников и реалий управленческих будней до системы взаимоотношений между учреждениями и степени децентрализации управления. Материалы Ярославского наместнического правления также можно рассматривать как источник первичной исторической информации по социально-экономическому развитию Ярославского края в последней четверти XVIII в.

Ссылки

1. Учреждения для управления губерний Всероссийской империи. СПб., 1789. 260 с.
2. Марасанова В. М., Федюк Г. П. Ярославские губернаторы, 1777–1917. Историко-биографические очерки / под ред. А. М. Селиванова. Ярославль, 1998. 420 с.
3. Марасанова В. М. Чиновничество верхневолжских губерний в последней четверти XVIII века: численность и состав // Вестник Ярославского государственного университета. Серия Гуманитарные науки. 2008. №. 8. С. 13–17.
4. Кром М. М. Историческая антропология: новые подходы к изучению феномена власти в истории России // Исторические записки. М, 2001. Вып. 4 (122). С. 370–397.
5. Серeda Н. В. Реформа управления Екатерины Второй: источниковедческое исследование. М., 2004. 446 с.
6. Государственный архив Ярославской области (ГАЯО). Ф. 77. Оп. 1. Д. 1097: Формулярный список о находящихся в Ярославском наместническом правлении. 12 л.
7. ГАЯО. Ф. 77. Оп. 1. Д. 291: Формулярные списки присутствующих. 101 л.
8. ГАЯО. Ф. 77. Оп. 1. Д. 829. Книга приходно-расходная жалованной сумме. 22 л.
9. ГАЯО. Ф. 77. Оп. 1. Д. 2837: Книга приходная и расходная. 60 л.
10. ГАЯО. Ф. 77. Оп. 1. Д. 25: Дело об открытии в Костромской и Орловской губерниях присутственных мест. 8 л.
11. ГАЯО. Ф. 77. Оп. 2. 368: Дело об определении. 3 л.
12. ГАЯО. Ф. 77. Оп. 2. 369: Дело об определении. 6 л.
13. ГАЯО. Ф. 77. Оп. 1. Д. 100: Журналы заседаний правления. 716 л.
14. ГАЯО. Ф. 77. Оп. 1. Д. 100а: Журналы заседаний правления. 844 л.
15. ГАЯО. Ф. 77. Оп. 1. Д. 100б: Журналы заседаний правления. 1001 л.
16. ГАЯО. Ф. 77. Оп. 1. Д. 146: Указы из наместнического правления в присутственные места. 360 л.
17. ГАЯО. Ф. 77. Оп. 1. Д. 2400: Дело по прошению Рыбинского соляного пристава. 6 л.
18. ГАЯО. Ф. 77. Оп. 1. Д. 159: Дело по предложению Алексея Петровича Мельгунова. 22 л.

УДК 908(470+571)

В статье рассмотрена деятельность Ярославского областного отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры по сохранению и популяризации памятников истории и культуры в Ярославле.

Ключевые слова: охрана памятников; ВООПИиК; Ярославль; конкурс; издательская деятельность; популяризация.

This article focuses on the work of the office of the Yaroslavl VOOPIK on the preservation and promotion of heritage of Yaroslavl.

Keywords: protection of monuments; VOOPIK; Yaroslavl; awards; publishing activities; promotion.

Е. Н. Мазалецкая

Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова

E-mail: alissiya27@list.ru

Деятельность Ярославского отделения ВООПИиК по популяризации охраны культурного наследия в 1960–1980-е гг.

Научная статья

Е. N. Mazaletskaya

P. G. Demidov Yaroslavl State University

Practical activity of Yaroslavl office of VOOPIK to promote the protection of the heritage in 1960–1980-ies

Scientific article

Период «оттепели» привел к либерализации многих сторон жизни российского общества. Происходила переоценка духовных ценностей, обозначился интерес к прошлому. Активно заявила о себе научная и творческая интеллигенция, создавая общественные организации, целью которых стало налаживание диалога с властными структурами для решения актуальных общественных проблем, в том числе и проблем сохранения культурного наследия. Инициаторами создания добровольной общественной организации по охране памятников выступили Д. С. Лихачев, Н. Н. Воронин, С. Т. Коненков.

В свете новой политики последовало постановление Совета Министров РСФСР от 23.06.1965 г. о создании Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры (далее – ВООПИиК), руководящим органом которого стал Центральный комитет.

В июне 1966 г. в Москве состоялся учредительный съезд, обсудивший вопросы пополнения рядов общества [1, л. 10]. В Министерстве культуры РСФСР была создана Государственная инспекция по охране памятников истории и культуры, а на местах были введены должности инспекторов по охране памятников.

В Ярославле областная учредительная конференция состоялась в январе 1966 г. В состав отделения входило 24 районных отделения, 6 из них были созданы в городе Ярославле. Наиболее активно в работы включились Углич, Борисоглеб, Переславль. Все они действовали совместно и под руководством местных органов власти в лице управления культуры облисполкома. На тот момент под государственной охраной в области находилось около 500 памятников, которые требовали внимания, но многие даже не состояли на учете.

Созданию отделения способствовали, наряду с общероссийскими, и некоторые сугубо местные факторы, определившие специфику всей последующей деятельности. В 1951 г. была возобновлена работа Ярославской специальной научно-реставрационной мастерской, имевшей большой опыт по реставрации памятников в 1920-е гг. С конца 1950-х гг. начался процесс создания музеев-заповедников, располагавшихся в архитектурных комплексах монастырей и храмов, подлежащих реставрации. Создание в 1967 г. туристического маршрута «Золотое кольцо», включавшего в себя многие города Ярославской области (85 % историко-культурных памятников расположены в них), способствовало развитию туристско-экскурсионной сферы. Приведение в порядок памятников архитектуры в этих городах стало острой необходимостью. На волне развития международного туризма в Ростове в 1966 г. был создан международный молодежный центр «Ростов Великий». Таким образом, для начала работы общества складывалась довольно благоприятная ситуация, когда интересы власти и общественности во многом совпадали.

В число наиболее активных членов Ярославского областного отделения ВООПИиК вошли представители партийного аппарата и областного управления культуры, музейные сотрудники, архитекторы, реставраторы, представители научной и творческой интеллигенции. Для привлечения школьников была создана юношеская секция общества.

Основной задачей в первые годы деятельности отделения стало обследование памятников архитектуры (обмеры, паспортизация, составление исторических справок). К этому привлекались как штатные сотрудники, так и активисты общества. Было выявлено более 70 новых памятников, требовавших охраны. Начала создаваться картотека памятников Ярославской области. По инициативе заместителя председателя ЯО ВООПИиК А. Б. Зольникова была выполнена фотофиксация исторической части Ярославля. В 1980-е гг. были организованы работы по выявлению археологических памятников региона.

Ярославское областное отделение развернуло работу по созданию сети отделений общества в районах и налаживанию связей с другими

организациями, как государственными, так и общественными, для того чтобы эффективнее выполнять работу по охране и реставрации памятников, популяризировать историческое наследие. Так, для организации работы с молодежью были налажены связи со школами, станцией юных туристов, велась совместная разработка экскурсионных маршрутов по историческим местам.

Важную роль в пропаганде охранных мероприятий стали играть СМИ, и прежде всего областная пресса – газеты «Юность», «Северный Рабочий» [7–15]. Материалы о памятниках архитектуры печатались также в районных изданиях Переславского, Тутаевского, Ростовского, Даниловского и других районов [1, л. 40]. Наибольший вклад в развитие издательской деятельности, а также в популяризацию охраны памятников истории и культуры внесли И. Б. Пуришев, В. Ф. Маров, В. К. Ляхов и др. [4, л. 143, 144, 156].

В 1966 г. при радиокomiteе Ярославской области была создана внештатная редакция Ярославского отделения ВООПИиК под руководством Е. М. Лобачева. Она занималась подготовкой радиопередач по материалам, которые поступали из районных отделений. На 1967–1977 гг. была составлена программа радиопередач «Наш край и его люди» [3, л. 31]. В программу входило разъяснение закона СССР об охране памятников, отчеты о ходе Всероссийского смотра памятников истории и культуры советского общества, посвященного 60-летию Великой Октябрьской социалистической революции. В передачах рассказывали о работе районных отделений ВООПИиК, деятельности общественных инспекций, роли членов общества в охране памятников истории и культуры.

Сотрудники ВООПИиК готовили телевизионные передачи, в которых рассказывали о наиболее острых проблемах в сфере охраны памятников. Например, член секции архитектурных памятников В. Г. Яников подготовил и провел программу о выполнении охранно-арендных договоров арендаторами. Это был важный момент, так как большинство памятников в 1960-е и начале 1970-х гг. были арендованы предприятиями и, соответственно, находились на их балансе. Многие арендаторы

нарушали свои обязательства по содержанию объектов, представлявших историческую ценность, вследствие чего они начинали разрушаться, поэтому было необходимо привлечь внимание общественности к проблемам их сохранения и дальнейшего использования.

Интересным примером может служить создание фильма «Архитектурные памятники Переславля» под руководством директора музея К. И. Иванова. В Ярославле членом общества и научным сотрудником музея А. С. Тяном был создан фильм «Памятники архитектуры Ярославля». Эти фильмы использовались при чтении лекций в учебных заведениях.

Одним из главных направлений в работе секции стала подготовка свода памятников истории и культуры [8, 14]. Для этой работы Ярославское отделение сформировало специальную группу из преподавателей вузов, архитекторов, искусствоведов, историков, краеведов и членов Общества. В 1968–1969 гг. к этой работе привлекались студенты Московского архитектурного института.

В свод памятников истории и культуры по Ярославской области было включено 587 памятников архитектуры. На каждый памятник заводили паспорт, к которому прилагались чертежи с размерами, карты места расположения, фотографии. Он служил важным документом и пополнялся новыми сведениями. Члены общества постоянно выявляли новые памятники, которые было необходимо включить в Свод и поставить под охрану.

В 1968 г. ЯО ВООПИиК создало лекторскую группу, которая сотрудничала с предприятиями, учреждениями и учебными заведениями, вовлекая таким образом в свою работу все слои населения. Аналогичной работой могли заниматься и в первичных организациях. Так, в педагогическом институте под руководством В. И. Жельвиса была создана лекторская группа из студентов [3, л. 6].

Популяризация культурного наследия осуществлялась и с помощью оформления стендов, фотовыставок в музеях, красных уголках предприятий, школах [1, л. 91]. Общество регулярно выпускало плакаты, путеводители, значки и др. В период 1970–1976 гг. при Ярославском областном отделении действовало

бюро пропаганды, в состав которого входили 3 штатных сотрудника, 10 внештатных экскурсоводов и 20 лекторов. По заявкам первичных организаций в год проводилось до 1000 лекций и 800 экскурсий. В дальнейшем экскурсионная пропаганда осуществлялась совместно с обществом «Знание».

Общество ежегодно участвовало в организации кинофестивалей. В Ярославле работали любительские киностудии «Чайка», «Юность» [3, л. 82], которые привлекались обществом для создания картин. Областное отделение ВООПИиК участвовало в проведении фестиваля любительских кинофильмов, на который ежегодно представляли от 10 до 15 работ. Лучшие картины отбирали на Всероссийский кинофестиваль. Участникам областного этапа присуждали премии от 50 до 70 рублей, дипломы, почетные грамоты.

Еще одной формой популяризации культурного наследия стало проведение фотоконкурсов. Самым масштабным был фотоконкурс «Отечество» и аналогичный конкурс детского рисунка. В отчете о деятельности Ярославского областного отделения за 1972–1976 гг. [4, л. 142] содержатся сведения о том, что первичными организациями было проведено 1438 фотовыставок. Так, в 1976 г. на всероссийский конкурс было отобрано 15 работ, на которых представлены памятники истории и архитектуры Ярославского края. В материалах ВООПИиК [4, л. 128, 146] зафиксированы темы, в рамках которых школьникам предлагалось представлять свои работы. Среди них были, например, такие, как «Памятные места революционной боевой и трудовой славы», «Памятники архитектуры, связанные с историей СССР», «Композиции на темы истории СССР» и др. [4, л. 156; 5, л. 97–99; 6, л. 21].

Таким образом, к середине 1980-х гг. сложились основные формы популяризации историко-культурного наследия, позволявшие привлекать внимание властных структур и разных групп населения к состоянию памятников и актуализировать необходимость их изучения, консервации и реставрации. Интересы власти и общественности в этом процессе не всегда совпадали, но ЯО ВООПИиК удалось добиться заметных результатов в сохранении архитектурных памятников региона.

Ссылки

1. ЦДНИ ГАЯО (Филиал ГКУ ЯО «Государственный архив Ярославской области» – Центр документации новейшей истории). Ф. Р- 973. Оп. 1. Д. 8. Л. 10, 31, 40, 91.
2. ЦДНИ ГАЯО. Ф. Р-973. Оп. 1. Д. 140. Л. 20.
3. ЦДНИ ГАЯО. Ф. Р-973. Оп. 1. Д. 116. Л. 6, 31. 82.
4. ЦДНИ ГАЯО. Ф. Р-973. Оп. 1. Д. 85. Л. 128–130, 142, 143, 144, 146, 156.
5. ЦДНИ ГАЯО. Ф. Р-973. Оп. 1. Д. 46. Л. 97–99; Д. 85. Л.156.
6. ЦДНИ ГАЯО. Ф. Р-973. Оп. 1. Д. 182. Л. 21.
7. Богородский В. Н. Памятники старины – на службу народу // Авангард. 1976. 15 сент.
8. Давыдова А. Том I: Готовится свод памятников истории и культуры // Турист. 1973. № 4.
9. Егоров В. Л. Подготовка свода памятников истории и культуры РСФСР // История СССР. 1972. № 2. С. 182–188.
10. Зузульский А. Заметки с пленума областного совета Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры // Юность. 1971. 16 окт.
11. Зузульский А. Маршруты славы трудовой // Юность. 1973. 12 апр.
12. Кириллов В. Первый том на букву Я // Северный рабочий. 1968. 4 авг.
13. Ляхов В. Нерасторжимая связь времен // Северный рабочий. 1976. 17 июня.
14. Рязанцев Н. П. Охрана культурного и природного наследия в России в XX веке. Ярославль, 2007. С. 22.
15. Смирнов А. Беречь памятники истории и культуры // Северный рабочий. 1972. 7 апр.

УДК 94(47)

В статье рассматривается история участия сборной Российской империи по футболу в своём первом международном соревновании – Олимпийских играх 1912 г. в Стокгольме. На основе материалов источников выделены причины неудачного выступления национальной команды, показаны тенденции развития российского футбола в начале XX века.

Ключевые слова: Олимпийские игры; сборная Российской империи по футболу; Всероссийский Футбольный Союз.

The article is devoted to the participation of the Russian Empire National Football Team in its' first international tournament – the Olympic Games 1912 in Stockholm. Based on resources the reasons of an unsuccessful performance of the National Team are distinguished and trends for development of Russian football at the beginning of the XX century are displayed.

Keywords: Olympic Games; Russian Empire National Football Team; Russian Football Association.

А. В. Аграшин

Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова

E-mail: anatoliagrashin@mail.ru

Дебютное выступление сборной Российской империи по футболу на Олимпийских играх 1912 г. в Стокгольме

Научная статья

A. V. Agrashin

P. G. Demidov Yaroslavl State University

The Performance of the Russian Empire National Football Team during the 1912 Olympic Games in Stockholm

Scientific article

1912 год являлся в истории российского футбола рубежным. Ушли в прошлое первые футбольные матчи конца XIX века. В Санкт-Петербурге и Москве были учреждены городские футбольные лиги. Игра, привезённая из Англии во второй половине XIX века, в России стала частью физической культуры, распространившись в разных слоях общества. К концу первого десятилетия XX века существовали студенческие лиги, процветал футбол на окраинах крупных городов, дачных местностях, появились женские футбольные команды. Футбол распространился по всей территории империи – на Урале, в Сибири, на Дальнем Востоке.

Тем не менее проанализировать уровень развития футбола в Российской империи невозможно без учёта результатов международных матчей. Успехи на внутренней арене создавали предпосылки для выхода российского футбола на международный уровень. Начиная с 1907 г.

футбольные клубы, прежде всего столичные, проводили серии матчей с иностранными командами из Австро-Венгерской, Германской, Британской империй, Швеции. Результаты матчей показали степень развития футбола на местах, но общее впечатление о российском футболе могло дать только выступление национальной команды на международном турнире с участием сильнейших сборных.

В 1912 году подобный футбольный турнир должен был состояться в рамках Олимпийских игр в Стокгольме. Для включения Российской империи в число участников соревнования требовалось создать общероссийскую футбольную структуру. Она должна была представлять государство в собраниях международной футбольной организации ФИФА, а также принимать решения, касающиеся футбольной жизни внутри страны. В январе 1912 года состоялся учредительный съезд Всероссийского Футбольного

Союза (ВФС), на котором футбольные структуры Санкт-Петербурга, Москвы, Одессы, Киева, Риги, Лодзи договорились об объединении, приняли устав и создали руководство лиги [1, с. 33]. Сборная должна была выступить на Олимпийских играх. Первая проблема, с которой столкнулись, – спор между футбольными столицами о формировании состава команды на олимпийский турнир. Каждая футбольная организация считала своих игроков сильнейшими, хотя в личных встречах на тот момент команды Санкт-Петербурга имели преимущество. Было принято решение обратиться в международную федерацию футбола (ФИФА) с просьбой выставить сразу две команды. Ответ был отрицательный: каждая страна должна быть представлена только одной командой. Даже сильнейшая сборная мира и победитель предыдущих олимпийских соревнований Великобритания, которая могла выставить несколько равноценных составов, не обращалась с подобной просьбой. Споры, продолжавшиеся в течение нескольких месяцев, ни к какому результату не привели. На очередном собрании ВФС 12 марта было принято «соломоново решение» – не проводить отдельных отборочных матчей для создания общероссийской футбольной команды, а организовать встречу между сборными Москвы и Санкт-Петербурга за право играть на Олимпиаде. Футболисты с периферии, многие из которых ни в чём не уступали столичным, просто не брались во внимание, а представительство провинциальных лиг в ВФС было немногочисленным для изменения данного решения.

13 мая, за месяц до старта Олимпиады, состоялся матч между командами двух столиц. В сложной игре никто не хотел уступать право представлять страну на весь мир. Матч закончился с результатом 2:2 [2, с. 36]. На следующий день игроки провели последнюю тренировку и встретились в день отправки на Олимпийские игры – 17 июня. Делегация во главе с генералом В. Н. Войековым, почётным председателем Российского олимпийского комитета, на теплоходе «Бирма» отправилась в столицу Швеции. Их сопровождали Роберт Фульда и Георгий Дюпперон, члены комитета ВФС, футбольные функционеры, представлявшие Москву и Санкт-Петербург соответственно.

На жеребьёвке сборной России улыбнулась удача: она сразу была допущена в ¼ финала,

избегав предварительного матча. Её соперником стала Финляндия, входившая в состав Российской империи и выступавшая под российским триколором. По силам команды были примерно равны, но у финских футболистов была днём раньше утомительная игра с итальянцами, что увеличивало шансы русских игроков на победу. Однако финская команда в матче оказалась сильнее.

Для характеристики игры Финляндия – Россия, состоявшейся 17 июня 1912 года, следует обратиться к отчёту корреспондента журнала «Спорт и Здоровье»: «Игра начинается вяло и идёт так до конца. Приличный результат можно объяснить лишь усталостью финнов от вчерашней игры. После хавтайма русские нападают более энергично, но финляндцы в контратаке забивают ещё один гол. Сыгранности нет никакой. Нападение портили 2 инсайда, а в линии полузащиты ничего не делали два хавбека. Главный недостаток всех русских команд – это отсутствие темпа игры. Мало хорошо спасовать мяч – нужно сделать это быстро, чтобы не дать противнику сосредоточить игроков в нужном месте, не дать противнику возможность разгадать комбинацию. Немногие игроки умеют бить двумя ногами. У игроков отсутствует напрочь техника паса, достаточно слабая физическая подготовка. Трусость русских футболистов – боязнь вступать в противоборство с соперником, все ждут подачи, ошибки соперника» [3, с. 4].

Отчёт содержит вполне обоснованную критику. Другие спортивные издания, такие как журналы «К спорту» и «Русский спорт», подтверждают высказанную точку зрения.

Секрет успеха сборной Финляндии, победившей со счётом 2:1, прост: она полностью отдала инициативу соперникам, а сама в течение всей встречи дважды воспользовалась ошибками русских футболистов. В первом случае голкипер Лев Фаворский выронил мяч из рук и позволил финскому игроку добить его в ворота, а второй гол был забит в результате контратаки. Русские игроки ответили только голом В. П. Бутусова. Так, сборная Российской империи прекратила борьбу за медали турнира и вынуждена была довольствоваться утешительными матчами.

1 июля Олимпийский стадион в Стокгольме был предоставлен футболистам для проведения утешительных матчей. Среди оставшихся семи команд провели жеребьёвку, по результатам

которой в тот же день на поле вышли сборные Германской и Российской империй. «Спортивной Цусимой» окрестила общественность встречу, проводя аналогии со страшным военным поражением времён русско-японской войны 1904–1905 годов. Поражение 0:16 невозможно объяснить. Журнал «Русский спорт» писал: «...Неприятно даже давать отчёт, таково было бессилие русских футболистов. Наши лучшие игроки просто не были заметны на поле. Мимо них катали мячи, водили вокруг да около. Наша защита не могла догнать ни одного форварда, и мячи сыпались один за другим» [4, с. 5].

Российские команды даже сборной Великобритании проигрывали с меньшим счётом. В данном случае соперником являлась средняя по европейским меркам команда, главным преимуществом которой был разве что знаменитый немецкий спортивный дух. Игра была примечательна тем, что в ней был установлен мировой рекорд: немецкий футболист Готфрид Фрукс забил десять голов в одном матче олимпийского турнира и получил титул лучшего бомбардира футбольного турнира Олимпиады [4, с. 6].

Победителем олимпийского турнира стала сборная Великобритании. Первым и последним серьёзным матчем для неё оказался финал с датчанами. Победа 4:2 принесла английским футболистам золотые медали. Других крупных международных турниров для выявления лучшей сборной на тот момент не было.

Так завершился футбольный турнир V Олимпийских игр в Стокгольме. Для русских футболистов он закончился бесславно. Причины подобного фиаско ищут до сих пор. Самой весомой из них была полная несыгранность российской команды. Сказывалось то, что для нее это был первый международный турнир и опыта подго-

товки к подобным соревнованиям не существовало. Во многих странах последние месяцы перед Олимпиадой сильнейшие игроки вызывались на сборы в свои национальные команды. Они, в свою очередь, отправлялись в турне по странам Европы с целью проверить игроков и лучших делегировать на Олимпийские игры. Так поступила даже сборная Финляндии. Подготовка российской команды оставляла желать лучшего, и игрокам предстояло сыграваться уже на турнире.

Источники не дают сведений об атмосфере внутри команды во время игр, но велика вероятность, что обстановка в сборной, разбитой на два лагеря (москвичи и петербуржцы), была далека от идеальной. Не было в команде и главного тренера: оба представителя ВФС скорее были просто официальными лицами, чем наставниками сборной.

Между тем это был первый опыт нашей национальной сборной в играх на международном турнире. Российский футбол получил тяжёлый, но полезный урок, как не надо готовиться к соревнованиям. Следующий шанс советской команде представился через 40 лет на Олимпийских играх в Хельсинки в 1952 году.

Ссылки

1. Сто лет российскому футболу / сост. О. Кучеренко. М.: Российский футбольный союз, 1997. 232 с.
2. Ромм М. Д. Я болею за Спартак. Алма-Ата: Жазуши, 1965. 124 с.
3. Сила и Здоровье / Официальный орган Всероссийской лиги силы и здоровья. Спб. 1912. № 22. С. 4–5.
4. Русский спорт: журнал, посвященный всем видам спорта. 1912. № 26. С. 5–6.

УДК 349.22

В статье рассматриваются вопросы правового регулирования нетипичных форм занятости в ключе концепции Flexicurity (гибкостабильности). Авторами анализируются позиции российских и зарубежных (R. Blanpain, M. Weiss, W. Daubler, M. Freedland, N. Kountouris) исследователей по вопросам определения критериев традиционной занятости, а также нетипичных форм занятости. Особое внимание уделяется классификации нетипичных трудовых договоров. Выделены положительные и отрицательные проявления нетипичных форм занятости. Авторами предпринята попытка определения правовых пределов гибкости трудовой занятости в условиях нестабильности рынка труда. Сделан вывод, что использование гибких форм занятости должно быть направлено на обеспечение каждому достойной работы. В отношении нетипичной трудовой занятости общепризнанным международным стандартом должна служить Программа МОТ «Достойный труд».

К л ю ч е в ы е с л о в а : нетипичные трудовые договоры; нетипичная занятость; Flexicurity; трудовые отношения; достойный труд.

In article are considered issues of legal regulation of atypical employment forms in the key of Flexicurity conception. The authors analyze positions of Russian and foreign (P. Blanpain, M. Weiss, W. Daubler, M. Freedland, N. Kountouris) researchers on the issues of determination of traditional employment as well as of atypical ones. Particular attention is paid to classification of atypical employment contracts. Positive and negative expressions of atypical employment forms are distinguished. The authors had made an effort of determining legal limits of flexible employment in conditions of labour market instability. A conclusion made is that the use of flexible forms of employment should be directed at provision of decent work for everyone. In regard on atypical employment the ILO Program «Decent labour» should serve as a generally acknowledged standard.

К е у о r d s : atypical employment contact; atypical employment; Flexicurity; labour relations; decent labour.

А. М. Лушников

Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова

E-mail: amlu0909@yandex.ru

Л. С. Кириллова

E-mail: larakir88@yandex.ru

Казанский (Поволжский) федеральный университет

Нетипичные трудовые договоры: гибкость и стабильность юридической конструкции

Научная статья

A. M. Lushnikov

P. G. Demidov Yaroslavl State University

L. S. Kirillova

Kazan (Volga region) Federal University

Atypical Employment Contracts: Flexibility and Stability of the Legal Construction

Scientific article

Необходимость усиления гибкости правового регулирования рынка труда многими исследователями рассматривается в последние десятилетия как императив, вызванный объективными требованиями современной инновационной экономики.

Исходным является соответствие трех основных рынков, обеспечивающих функционирование рыночной экономики: капиталов, товаров и труда. Мобильность рынков капиталов и товаров в условиях глобализации и быстрого развития техно-

логий практически не ограничена. В этой связи труд, в конечном итоге работники должны подстраиваться под эти изменения, т. е. быть гибкими (мобильными). От способности современного трудового права приобрести необходимую гибкость в значительной мере зависит его выживание как необходимого и важного для общества социального института.

В подобных условиях особое значение приобретают нетипичные (гибкие) трудовые договоры, рост численности и возрастание роли которых отмечают практически все авторы, анализирующие тенденции развития современного трудового права. Так, достаточно последовательно эта тенденция была отмечена в статьях авторов сборника «Labour Law in the Post-industrial Era» (Aldershot, 1994) [1], подготовленного ведущими европейскими специалистами по трудовому праву. К сходным выводам пришли ученые – авторы объемного издания «The idea of Labour Law» (Оксфорд, 2011) [2]. В аналогичном ключе писали участники и других резонансных сборников, например «Рынок труда в XXI веке: в поисках гибкости и защиты» (Вильнюс, 2011). В российской науке трудового права впервые в таком аспекте о гибких трудовых договорах написал И. Я. Киселев [3]. Данной проблематики в своих предыдущих исследованиях касались и авторы данной статьи [4, с. 371–393; 5, с. 27–75; 6, с. 15–37; 7, с. 271–329].

В научной литературе под традиционной занятостью (на основании типичных трудовых договоров) обычно понимают занятость по найму: 1) в режиме полного рабочего времени, 2) на основе бессрочного трудового договора, 3) на стационарном рабочем месте под непосредственным руководством и контролем работодателя. Указанная модель существовала более или менее стабильно вплоть до 1970-х гг., когда массовое распространение начали получать нетипичные (гибкие) формы занятости, отклоняющиеся от описанного стандарта. Социологи и экономисты под гибкостью трудовых отношений понимают: а) гибкость наемных работников, т. е. их готовность к смене профессии, «пожизненному обучению», автономной трудовой деятельности и принятию самостоятельных решений, к интеллектуализации и информатизации труда (адаптивность); б) гибкость оплаты труда (ее индивидуализация в трудовом договоре, а не ее установление в тарифном соглашении или по государственным

расценкам); в) трудовую гибкость, т. е. готовность менять место работы раз в несколько лет, в т. ч. готовность к переезду для работы в другую местность, распространение срочных трудовых договоров (мобильность); г) временную гибкость (возрастание числа рабочих мест с неполным или ненормированным рабочим днем, с «гибким» графиком рабочего времени, со сменной работой, с необходимостью работать в выходные и нерабочие праздничные дни, со сверхурочными работами и др.).

С точки зрения трудового права все это укладывается в рамки индивидуализации и отчасти дифференциации трудовых отношений. В первом случае задействован механизм договорной индивидуализации условий труда именно на уровне индивидуальных трудовых договоров. Во втором случае задействован механизм дифференциации правового регулирования трудовых отношений, включающий нормативные правовые акты о труде, локальные нормативные акты и нормативные условия коллективных договоров и соглашений, устанавливающие особенности правового регулирования нетипичных форм занятости. Это позволяет рассматривать гибкость трудовых отношений на двух уровнях, т. е. регулирование в договорном порядке и регулирование в нормативном порядке.

Исходя из сочетания дифференциации и индивидуализации можно выделить 3 модели гибкости трудовых отношений: 1) индивидуальную гибкость, основой которой служат индивидуальные отношения между работником и работодателем (Великобритания, Ирландия); 2) гибкость, при которой важная роль в регламентации нетипичных трудовых отношений принадлежит государству (Франция, Испания, Финляндия; к этой модели тяготеет и Россия); 3) договорную гибкость, где ведущую роль играют коллективные договоры и соглашения (Дания, Германия, Нидерланды).

Нетипичные (гибкие) трудовые отношения опосредуются нетипичными (гибкими) трудовыми договорами, которые можно разделить на два вида:

1) традиционные нетипичные трудовые договоры, которые были легализованы уже к началу второй половины XX в.

2) нетрадиционные нетипичные (гибкие) трудовые договоры, появившиеся в основном в последней четверти прошлого века.

К первым, традиционным, можно отнести: 1) договоры о временной занятости – это срочные трудовые договоры; 2) договоры о частичной занятости – это договоры на неполное (сокращенное) рабочее время (о неполном рабочем дне и (или) рабочей неделе); 3) договоры о гибком рабочем времени – это договоры о работе с гибким графиком рабочего времени; договоры о работе с суммированным учетом рабочего времени (в т. ч. ежегодных рабочих часов). Ко вторым, нетрадиционным, относятся: 1) договоры о труде вне основного офиса в т. ч. с дистанционными работниками (компьютерными надомниками, телеработниками). Отметим, что трудовые договоры с традиционными надомниками относятся скорее к первой группе, но их значение существенно снизилось; 2) договоры о заемном труде (в российской версии – о предоставлении работников (персонала)); 3) договоры о разделении рабочих мест; 4) договоры о работе по вызову.

Очевидно, что инновационная экономика предполагает расширение применения нетипичных (гибких) трудовых договоров. Более того, универсальность трудового права, основанного на единстве естественно-правовых и позитивистских начал, позволяет распространить этот институт на иные сферы применения профессиональной трудовой деятельности, которые отличны от традиционного наемного труда (труд профессиональных спортсменов; труд государственных гражданских и муниципальных служащих; труд лиц, проходящих альтернативную гражданскую службу, прокуроров, полицейских и др.). По сути, можно констатировать общую тенденцию расширения сферы действия норм трудового права с целью социальной защиты трудовых прав этих категорий работников.

Но нетипичная занятость может иметь как положительные, так и негативные последствия. Первые связаны с объективными причинами роста нетипичной занятости. Их можно разделить на две группы. Во-первых, это объективная потребность отдельных категорий работников в трудоустройстве, для которых полная занятость по каким-либо причинам затруднительна или нежелательна (пожилые трудящиеся, матери-одиночки, многодетные родители, безработная молодежь без профессиональных навыков, лица, освободившиеся из мест лишения свободы, инвалиды, лица, совмещающие работу с обучением и др.) Нетипичная

занятость позволяет работникам сочетать работу по найму с исполнением семейных обязанностей, участием в общественной жизни, поддержанием здоровья, учебой и др. Во-вторых, нестандартная занятость продиктована объективной потребностью рынка в мобильной рабочей силе, вызванной глобализацией, децентрализацией и специализацией производства, а также появлением новых технологий. Занятость специалистов в области информационных технологий имеет по определению гибкий характер.

Негативные последствия распространения нетипичной занятости ассоциируются прежде всего с отсутствием или снижением социальной защиты, гарантий трудовых прав работников, отсутствием перспективы профессионального развития, т. к. работодатель не заинтересован вкладывать средства в повышение профессиональной квалификации работника. К социальным издержкам нестандартных форм занятости можно также отнести ограничения в доступе к получению социальных выплат и услуг (пенсии, медицинское обслуживание, оплата дней болезни и др.).

Современные социологи и философы в качестве негативного проявления нетипичной занятости видят также формирование нового класса, наряду с пролетариатом, который именуется прекариатом. Главная его черта – нестабильное положение («урезанный статус»), неполная или временная занятость, не сопряженная с наличием традиционного трудового договора [8]. В этой категории оказываются прежде всего мигранты и беженцы, начинающая трудовую деятельность молодежь, лица старшего возраста, лица, освободившиеся из мест лишения свободы, стажеры и др. Совсем не случайно нетипичную занятость все чаще именуют нестабильной, причем даже в нормативных актах. Это дало основание британским ученым-трудовикам М. Фридланду и Н. Каунтурису изменить традиционную «двоичную систему» отношений по труду. Она сводилась к трудовым и гражданско-правовым отношениям или, как вариант, зависимым и независимым отношениям. Они предложили выделить три вида отношений:

1) защищенные отношения по труду, в которых работающее лицо пользуется максимальным объемом прав и существенно защищено от негативного, дестабилизирующего воздействия рынка. По смыслу, эту занятость опосредуют типичные трудовые договоры;

2) автономные отношения по труду, в которых работающее лицо не получило существенных гарантий от нанимателя. В этом случае, видимо, речь ведется о гражданско-правовых договорах;

3) неустойчивые отношения по труду, которые содержат в себе элементы обеих групп отношений [9, 190–208].

Таким образом, усиление гибкости трудовых договоров является общей тенденцией для большинства стран, поскольку рассматривается в качестве одной из основных мер, направленных на поддержание инновационной экономики. Между тем нарастание «нетипичности» в правовом регулировании трудовых договоров должно сочетаться с обеспечением трудовых прав работника, о чем мы неоднократно писали ранее.

Нетипичные трудовые договора имеют свои «плюсы» и «минусы». Положительные моменты обусловлены известной степенью стабильности нетипичных трудовых отношений и равенством прав работников в традиционном и нетипичном секторах занятости. Появилось новое понятие, принцип Flexicurity «гибконадежность (гибко-стабильность)», которое предполагает органичное единство двух начал в правовом регулировании трудовых отношений: flexibility (гибкость) и security (защита, стабильность).

Отрицательные последствия связаны со снижением уровня профессионализма работников, ухудшением их физического и морального состояния по причине временного характера их востребованности, ослаблением профессиональных связей и расширением возможностей для обхода норм трудового законодательства. Все большее внимание акцентируется на интересах потребителей, а не на интересах работников; на последних же начинают переноситься социальные издержки труда. Указанное приводит к выводу, что дерегулирование по отдельным вопросам должно сопровождаться усилением регулирования в других сферах, таких как запрет дискриминации в трудовых отношениях, регламентация труда лиц, работающих на опасных производствах, защита персональных данных работника и т. п.

Усиление гибкости в регулировании трудовых отношений ставит на повестку дня вопрос о пределах нетипичности (гибкости), в качестве которых должны выступить прежде всего: 1) общепризнанные нормы и принципы международного трудового права, а равно 2) отраслевые принципы (запрет дис-

криминации в трудовых отношениях, запрет принудительного труда и др.), 3) установленный законом минимальный уровень трудовых прав и гарантий (национальные стандарты трудовых прав).

В актах Международной организации труда (МОТ) отмечается необходимость сочетания гарантий защищенности работников и одновременной гибкости для предприятий, стабильности трудовых отношений и мобильности трудовых ресурсов. Гибкие формы занятости должны в первую очередь обеспечить каждому достойную работу, и в этой связи в отношении нетипичной трудовой занятости общепризнанным международным стандартом должна служить Программа МОТ «Достойный труд» [10, 11], которая в качестве своей необходимой составляющей включает концепцию «социальной безопасности». Трудовые права и их гарантии должны стать определяющими факторами самореализации человека, его личностного развития. Все это свидетельствует о назревшей необходимости именно с помощью средств трудового права решить проблему пределов нетипичности регулирования трудовых отношений.

В качестве общих выводов отметим, что нетипичность (гибкость) должна сочетаться со стабильностью и быть благоприятной для работника, основываться на балансе интересов всех сторон трудового отношения. В определенных случаях трудовое законодательство должно быть более жестким. Это касается, как минимум: 1) защиты личных неимущественных прав работников, 2) защиты от дискриминации, в том числе гендерной [12, с. 199–480], 3) охраны труда [13]. Государство в законодательном порядке должно определить оптимальный баланс между гибкостью правового регулирования трудовых отношений, с одной стороны, и защитой трудовых прав работника, с другой, установив особенности и пределы регулирования нетипичной занятости и соответствующих ей договоров [14]. Степень и глубина нормативной правовой дифференциации и договорной индивидуализации в регулировании нетипичных форм занятости зависит от сектора приложения труда, особенностей (характера) условий труда и рода деятельности. Но эта дифференциация и индивидуализация должны быть оправданными, обоснованными и не вести к дискриминации в трудовых отношениях, снижению уровня трудовых прав работника по сравнению с уровнем государственных стандартов трудовых прав.

Ссылки

1. Labour Law in the Post-industrial Era / Lord Wedderburn, Max Rood, Gerard Lyon-Caen, Wolfgang Däubler, Paul van der Heijden. Aldershot: Dartmouth Publishing Company, 1994. 152 p.
2. The idea of Labour Law / Ed. Guy Davidov, Brian Langille. Oxford: University Press, 2011. 441 p.
3. Киселев И. Я. Новый облик трудового права стран Запада (прорыв в постиндустриальное общество). М.: Бизнес Школа, 2003. 160 с.
4. Лушников А. М., Лушникова М. В. Курс трудового права: в 2 т. М.: Статут, 2009. Т. 2. 1151 с.
5. Лушников А. М., Лушникова М. В. Трудовые права в XXI веке: современное состояние и тенденции развития. М.: Проспект, 2015. 272 с.
6. Lushnikov A. M. The development of Russian labour law in the XXI century: a comparative sketch of regularities and trends // Labour law in Russian resent development and new challenges / Ed. by V. Lebedev and E. Radevich. Cambridge scholars publishing, 2014. P. 15–37;
7. Тарусина Н. Н., Лушников А. М., Лушникова М. В. Социальные договоры в праве. М.: Проспект, 2017. 480 с.
8. Стэндинг Г. Прекариат: опасный класс. М.: Ад Маргинем Пресс, 2014. 328 с.
9. Freedland M., Kountouris N. The legal characterization of personal work relations and the idea of labour law // The idea of Labour Law / Ed. by: B. Langille, G. Davidov. Oxford: Oxford University Press, 2011. P. 190–208.
10. Доклады Генерального директора МОТ: Достойный труд. Женева: МБТ, 1999. 31 с. СПС «КонсультантПлюс».
11. Доклады Генерального директора МОТ: Достойный труд: некоторые стратегические вызовы на будущее. Женева: МБТ, 2008. 45 с. СПС «КонсультантПлюс».
12. Лушников А. М., Лушникова М. В., Тарусина Н. Н. Гендер в законе. М.: Проспект, 2015. 480 с.
13. Лушников А. М., Лушникова М. В. Охрана труда и трудовправовой контроль (надзор). М.: Проспект, 2015. 248 с.
14. Кириллова Л. С. Пределы осуществления трудовых прав и их значение // Трудовое право в России и за рубежом. 2016. № 2. С. 9–11. СПС «КонсультантПлюс».

УДК 349.2

В статье на примере отрасли трудового права анализируются подходы к определению правовой природы фикций в дореволюционный, советский и современный периоды. Проанализированы позиции специалистов в сфере теории права, гражданского права и трудового права. Автором сделаны выводы относительно правовой природы фикций в трудовом праве.

Ключевые слова: фикции; средства юридической техники; трудовое право; гражданское право.

The article by the example the Labour Law considers approaches to definition of the legal nature of fictions during pre-revolutionary, soviet and modern periods. Positions of experts in the sphere of the Theory of Law, the Civil Law and the Labour Law are analysed. The author has drawn conclusions about the legal nature of fictions in the Labour Law.

Keywords: fictions; means of the legal equipment; labour law; civil law.

Д. А. Смирнов

Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова

E-mail: Dima_Smirnov@bk.ru

Проблема фикций в трудовом праве: реальная или надуманная?*

Научная статья

D. A. Smirnov

P. G. Demidov Yaroslavl State University

Problem of Fictions in the Labour Law: Real or Assumed?

Scientific article

Проблематика фикций в праве волнует отечественных учёных-юристов вот уже более 150 лет. Всё это время ведутся активные дискуссии как в теории права, так и в отраслевых дисциплинах.

Так, В. И. Мейер занимал достаточно критическую позицию по отношению собственно к юридической фикции: «Понятие о юридическом вымысле состоятельно только по-видимому, в сущности же чуждо всякого значения и потому не производит исключения из правила, которое подчиняет одни действительные факты юридическим определениям» [1, с. 5]. Сам автор увязывал возникновение подобного рода вымыслов (в частности, им анализируется ряд фикций, связанных с правовым положением пленного, согласно которым вернувшийся из плена римлянин считается свободным, а погибший в плену считается погибшим в момент пленения) с формализмом, характерным римскому праву (есть и современные исследования фикций в римском праве [2]). «Закон, – пишет В. И. Мейер, – велит представлять такой-то случай: есть случай

однородный, но с несколько иными признаками и потому под закон не подходящий; и вот закон же велит представлять, что нет этих особенностей, что случай потому тот же, что изображён законом, и, следовательно, под него подходящий. Другими словами, власть прибегает к вымыслу: не жертвуя формализмом, она удовлетворяет условиям жизни и вместе с тем верна духу времени» [1, с. 11].

Таким образом, мы видим, что Д. И. Мейер хотя прямо и не обращает на это наше внимание, но фактически говорит о диалектической связи между правом как практической формальной системой и стихией общественных отношений, которую это право регулирует. Общественные отношения находятся в постоянном изменении и развитии, в том время как позитивное право в целом статично (до тех пор, пока не будет специально изменено законодательным актом). Фикция в этом плане и является весьма удобным приёмом «подгонки» права под изменившиеся общественные отношения для обеспечения выполнения правом своей функции.

* Работа написана при финансовой поддержке ЯрГУ, проект ВИП-002.

Достаточно критическую позицию по отношению к фикциям занимал С. А. Муромцев. Предваряя собственное изложение природы фикций в римском праве (которые он рассматривал как разновидность аналогии), он пишет: «...Фикции не представляют собой идеального логического приёма, а их существование обусловлено прежде всего несовершенством юридического мышления, по мере развития которого они неминуемо должны терять своё значение» [3, с. 97]. По мнению автора, большинство фикций появилось в римском праве только по одной причине: «без них пришлось бы ломать строй установившихся понятий – работа, которая могла казаться римским юристам чересчур трудною и вовсе ненужною» [3, с. 101]. В целом можно констатировать, что позиция С. А. Муромцева является схожей с позицией Д. И. Мейера с той лишь разницей, что С. А. Муромцев считает презумпцию явлением в известной степени патологичным – явлением, которое должно быть терпимо в праве в очень малых пределах. В то же Д. И. Мейер считает фикцию совершенно естественным и нормальным для права явлением, обусловленным его формализмом.

Г. Ф. Дормидонтов, обобщая современную ему юридическую литературу, констатирует, что термин «фикция» фактически использовался учёными в трёх значениях: во-первых, как признание со стороны объективного права существования заведомо не существующего факта или качества (Барон); во-вторых, как приём для подведения новых явлений юридического быта под старые нормы (Мэн, Йеринг, Муромцев, аналогичную позицию мы встречаем и у Д. И. Мейера); в-третьих, все явления юридического быта, в которых субъекты намеренно прибегают не только к какому-либо вымыслу, но и предположению относительно существования или не существования факта или качества (Дюмериль, Шассан) [4, с. 8–9]. Как мы видим, первая и вторая позиции, описанные Г. Ф. Дормидонтовым, находятся в явном противоречии, рассматривают фикцию в статическом ключе, причём третья позиция, как нам представляется, воспринимает фикцию чересчур широко, включая туда ещё и презумпции, а также иные явления. Что касается второй позиции, то она рассматривает фикцию как историческое и динамическое явление, где обращается внимание на причины

возникновения фикций (можно сказать, что это своеобразное генетическое определение).

Схожие подходы использовались и в прикладных работах. Например, А. М. Гуляев писал, что «юридическое лицо есть субъект воображаемый» [5, с. 50].

В советский период фикции в праве рассматривали крайне мало: считалось, что они характерны для права буржуазного. В этом контексте можно говорить, что в советский период в основном восторжествовал подход к презумпциям С. А. Муромцева. Полагаем, что в тот период такой подход был вполне логичен, гармонировал с марксистской методологией, генетически основывающейся на объективном идеализме Гегеля, и советской идеологией, постулирующей необходимость отражения правды в социалистическом праве. Именно поэтому, по крайней мере на уровне доктрины, фикции в советском праве поначалу отвергались.

Впоследствии, однако с некоторыми оговорками, существование фикций в советском праве было признано. Так, В. И. Каминская, исследуя презумпции в уголовном процессе, отмечала, что «...как условное принятие за истину, так и заведомая ложность принимаемого за истину положения представляет собой в юридической фикции только внешнюю форму, в которую облекается создание новой правовой нормы. Ложь юридической фикции, несмотря на всю её очевидность, не проникает в её содержание, она относится лишь к её оболочке» [6, с. 48]. В. К. Бабаев уже прямо писал, что «...в советском социалистическом праве находят применение фикции, но только как технико-юридический приём» [7, с. 32].

В то же время уже в ранних советских актах вполне можно встретить предписания, которые можно назвать фикциями. КЗоТ 1918 г. содержит, в частности, следующие предписания такого типа: «Трудящийся, получивший работу, продолжаящуюся не более 2-х недель, считается безработным и не теряет своей очереди в отделе распределения рабочей силы» (ст. 25 КЗоТа 1918 г.), «трудящийся, увольняемый по основаниям, указанным в п. «а», «б» и «г» ст. 46, считается безработным с момента предупреждения и занимает очередь в списках отдела распределения рабочей силы» (ст. 48 КЗоТ 1918 г.). КЗоТ 1922 г. использует фикцию, согласно которой оплата труда подростков за сокращенный рабочий

день производится как за полный рабочий день соответствующих категорий (ст. 61 КЗоТ 1922 г.). Есть фикции и в более поздних актах. Например, КЗоТ 1971 г. содержит фикцию в ст. 18, согласно которой фактическое допущение к работе считается заключением трудового договора независимо от того, был ли прием на работу надлежащим образом оформлен.

Сразу оговоримся, что термин «фикция» мы используем применительно к описанию изложенных предписаний советских актов с определённой долей условности. Однако и цель нами сейчас преследуется соответствующая: показать, что и в советском праве, несмотря на доктринальное опровержение существования фикций, законодатель фактически использовал приёмы, предписывающие считать наличным нечто не существующее в действительности.

Полагаем, что подобное расхождение между теорией и практикой было обусловлено, с одной стороны, упомянутыми выше недостатками марксистской методологии, с другой стороны, недостаточно проработанной теорией фикций в целом. Как мы видели выше, термин «фикция» использовался в самых различных значениях и до конца был не определён.

Среди современных авторов также налицо существенный разброс позиций.

Так, достаточно комплексно фикция в праве рассматривается О. А. Курсовой. Она выделила три уровня фиктивного в праве: во-первых, уровень становления правовых идей и конструкций (сюда автор относит научные концепции о сути фиктивного в праве, его природе, значениях, функциях); во-вторых, уровень правотворческой деятельности (сюда относятся, с одной стороны, фикции как особое средство юридической техники, а с другой – фикция как свойство норм права не соответствовать потребностям общества в процессе правотворческой и правоприменительной деятельности); в-третьих, уровень реализации правовых предписаний, что проявляется в фиктивных сделках, фиктивных состояниях и т. п. [8, с. 36].

Осмелимся не согласиться с автором в части описания первого уровня (уровня идей и конструкций). Полагаем, что в самом осмыслении фиктивного и описании фиктивного на уровне теории права и философии нет фикции как таковой. Более обоснованно, как нам представля-

ется, говорить о фиктивном в рамках догматики и теории права. Речь идёт о том, что так как фикции существуют в любой науке, то не является исключением и догматика и теория права. Соответственно, именно это фиктивное (которое ещё ждёт своего исследователя) и будет первым уровнем фиктивного в праве.

Что касается выделения фикций на уровне правоприменительной деятельности, то здесь хотелось бы пояснить следующее. Вслед за О. А. Курсовой, многие авторы говорят и об использовании фикции в негативном смысле [см., напр., 9]. В частности, в качестве таких фикций обычно называют фиктивную сделку, фиктивный брак, фиктивное усыновление, фиктивное банкротство и т. п. То есть, по сути, это действия участников правоотношений, связанные с фальсификацией юридических фактов, намеренно направленные на возникновение прав и обязанностей, вытекающих из указанных юридических фактов [10, с. 49]. Выделение фикций в позитивном и негативном ключе, как это делают П. М. Резиньков, О. В. Танимов и др., как нам представляется, не вполне обосновано. Фикция в позитивном смысле, по О. В. Танимову, представляет собой особое средство юридической техники. Фикция в негативном смысле – описанные выше случаи противоправной деятельности участников правоотношений. Считаем, что эти категории слишком различны, чтобы объединять их в единую более абстрактную категорию. По сути, их объединяет только схожее наименование, но никак не наличие каких-то значимых общих существенных признаков (на это обращает внимание и Л. А. Душакова [11, с. 176]). Таким образом, полагаем, что говорить о фиктивном на уровне правоприменительной деятельности (как особой разновидности противоправной деятельности) в принципе допустимо, но эту деятельность ни в коем случае нельзя смешивать с фикциями как средствами юридической техники.

Некоторые авторы также отдельно выделяют такие категории, как нормы-фикции [10, с. 71]. Под ними, как правило, понимаются нормы, которые закрепляют в интересах правового регулирования положения, не существующие в действительности. Нам представляется, что данные авторы смешивают два отдельных средства правового регулирования: нормы права и правовые фикции. Фикция как определённое ложное

суждение об объектах и свойствах реального мира может лежать в основе нормы права, однако вряд ли будет обоснованным и эвристически оправданным отдельно выделять в качестве особой разновидности нормы норму-фикцию. Мало того что деление норм права на нормы-фикции (как нормы, основанные на ложных суждениях) и нормы, основанные на истинных суждениях, является искусственным и чересчур условным, оно, по нашему мнению, не несёт существенной эвристической ценности.

Следует отметить, что в отрасли трудового права работ, посвящённых фикциям, относительно немного. В статьях ярко выраженной практической направленности под фикциями понимаются определённые правовые предписания и юридические конструкции, которые являются фактически неприменимыми либо не соответствующими общим принципам (то есть своеобразными фикциями в негативном ключе) [см., напр., 12, 13].

А. М. Лушников и М. В. Лушникова констатируют, что фикции в трудовом праве – явление достаточно редкое. Они приводят следующие примеры фикций: прекращение деятельности филиала, представительства или иного обособленного структурного подразделения организации, расположенных в другой местности, признаётся ликвидацией организации в целях расторжения трудового договора по инициативе работодателя (ст. 81 ТК РФ); днём увольнения работника считается последний день работы (ст. 77 ТК РФ); фактическое допущение работника к работе считается заключением трудового договора (ст. 61 ТК РФ); в случае неприступления работника к работе в установленный срок договор считается незаключённым (ст. 61 ТК РФ) [14, С. 506–520].

О. В. Танимов указывает, что в трудовом праве фикции используются только в исключительных случаях. Помимо уже упомянутых выше фикций, он называет следующие: трудовой договор, заключённый на определённый срок при отсутствии достаточных к тому оснований, считается заключённым на неопределённый срок (ст. 58 ТК РФ); если в течение года со дня применения дисциплинарного взыскания работник не будет подвергнут новому дисциплинарному взысканию, то он считается не имеющим дисциплинарного взыскания (ст. 194 ТК РФ) и др. О. В. Та-

нимов обращает внимание на то, что целые предписания в ТК РФ носят фиктивный характер. Например, в ст. 14 изложена конструкция сроков, в ст. 48 конструкция распространения действия коллективного соглашения [9].

В целом же следует отметить следующее: судя по приведённым примерам, автор всего лишь обобщил и сгруппировал предписания, в которых используется термин «считается». И в этом контексте говорить о фикции как особом глубинном приёме юридической техники не приходится: она зависит сугубо от способа формулировки соответствующих нормативных предписаний. В качестве примера можно привести положения ч. 6 ст. 80 ТК РФ «Расторжение трудового договора по инициативе работника (по собственному желанию)»: «Если по истечении срока предупреждения об увольнении трудовой договор не был расторгнут и работник не настаивает на увольнении, то действие трудового договора продолжается». О наличии фикции в данном случае не упоминают. Однако, если бы законодатель сформулировал данное предписание иначе, например: «Если по истечении срока предупреждения об увольнении трудовой договор не был расторгнут и работник не настаивает на увольнении, то заявление работника об увольнении по собственному желанию считается неподанным», то, полагаем, что указание на наличие фикции в данном предписании стало бы общим местом.

Можно привести и обратный пример. Для демонстрации возьмём наиболее популярную трудовую фикцию фактического допущения. Предписание ч. 2 ст. 67 ТК РФ, где данная фикция закреплена, можно сформулировать, к примеру, следующим образом: «К случаям заключения трудового договора относятся также случаи фактического допущения работника, то есть случаи, когда работник приступил к работе с ведома или по поручению работодателя... (далее по тексту)». Или же можно модифицировать ч. 1 ст. 67, указав, что трудовой договор заключается в двух формах: письменной и конклюдентной (в виде фактического допущения либо признания отношений, возникших на основании гражданско-правового договора, трудовыми).

Отдельного упоминания заслуживает статья Л. В. Зайцевой и О. А. Курсовой «Отказ в признании трудовых отношений: о некоторых недостатках в конструкции юридической фикции» [15],

где авторы достаточно критично оценивают последние законодательные изменения, связанные с введением ст. 67.1 в ТК РФ.

Исходя из предложенных примеров мы видим, что в рамках трудового права фикции выделяются сугубо в зависимости от используемой законодателем терминологии. И это сказано не в упрек соответствующим исследователям: они поставлены в неудобное положение тем фактом, что в трудовом праве фикции в классическом смысле (в отличие от других отраслей права) обнаружить крайне сложно.

Сказанное не касается фикций в других отраслях права, например семейного права, где действительно имеет место набор фикций, связанных с моментом определения прекращения брака при разводе либо связанных с усыновлением [16, с. 78–79; 17, с. 570–573].

Полагаем, и приведённые примеры трудовых фикций явно демонстрируют, что, по крайней мере, в трудовом праве фикция как особый глубинный приём юридической техники не нашла своего применения. Она возникает там, где налицо противоречие между понятийными структурами отрасли права и других наук либо здравым смыслом.

Однако и понятийные структуры других наук, равно как и понятийные структуры здравого смысла, тоже являются условными и могут не соответствовать реальному положению. Указанное противоречие между фикциями как постулатами, лежащими в основе права как абстрактной практической системы, и положениями других наук и здравым смыслом, как нам представляется, не является настолько значимым, чтобы на его основе говорить о применении фикций в трудовом праве.

Ссылки

1. Мейер Д. И О юридических вымыслах и предположениях, о скрытых и притворных действиях. Казань, 1854. 127 с.

2. Ширвиндт А. М. Значение фикций в римском праве: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001. 306 с.

3. Муромцев С. А. О консерватизме рискской юриспруденции. М., 1875. 192 с.

4. Дормидонтов Г. Ф. Классификация явлений юридического быта, относимых к случаям применения фикций. Казань, 1895. 189 с.

5. Гуляев А. М. Русское гражданское право. Обзор действующего законодательства и проекта Гражданского уложения. 2-е изд., доп. СПб., 1911. 472 с.

6. Каминская В. И. Учение о правовых презумпциях в уголовном процессе. М.; Л., 1948. 132 с.

7. Бабаев В. К. Презумпции в советском праве. Горький, 1974. 124 с.

8. Курсова О. А. Фикции в российском праве: дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2001. 193 с.

9. Танимов О. В. Теория юридических фикций: монография / отв. ред. д-р юрид. наук, проф. Т. В. Кашанина М., 2016. СПС «Гарант».

10. Резиньков П. М. Юридическая фикция: теоретико-правовой анализ: дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2012. 216 с.

11. Душакова Л. А. Правовые фикции: дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2004. 199 с.

12. Егоров В. Унификация на грани фикции // Новая бухгалтерия. 2004. № 8. СПС «Консультант Плюс».

13. Бенмерабет А. Профстандарты – фикция или необходимость? // Кадровик.ру: электрон. журн. 2015. N 1. URL: <http://www.kadrovik.ru> (дата обращения: 25.12.2016).

14. Лушников А. М., Лушникова М. В. Очерки теории трудового права. СПб., 2006. 940 с.

15. Зайцева Л. В., Курсова О. А. Отказ в признании трудовых отношений: о некоторых недостатках в конструкции юридической фикции // Журнал российского права. 2016. N 3. С. 80–87.

16. Тарусина Н. Н. Очерки теории российского семейного права. Ярославль, 1999. 94 с.

17. Тарусина Н. Н. Семейное право: очерки из классики и модерна: монография. Ярославль, 2009. 616 с.

УДК 347.6

В статье анализируются политико-правовые позиции первых декретов советской власти и последующих нормативно-правовых, в том числе кодифицированных, актов о браке и семье как больших и малых «революций» в российском и советском семейном законодательстве, констатируются противоположные и противоречивые подходы представителей юридической науки и законодателей к вопросам методологии правового регулирования отношений с семейным элементом в разные периоды политической и общественной истории, а также в дни сегодняшние, констатируются архипрогрессивные решения семнадцатого года, репрессивные – сорок четвертого, решения шестидесятых и девяностых годов и качественные характеристики попыток адаптировать современное семейное законодательство к новым вызовам.

Ключевые слова: революция; декреты; брак и семья; прогресс; регресс; доктрина; история; современность.

The article considers political and legal aspects of the first decrees of the Soviet government and subsequent legal acts, incl. codified ones of marriage and family, both as big and small «revolutions» in the Russian and Soviet Family Law. Opposite and conflicting approaches of the legal scholars and legislators are stated in the methodology of legal regulation of relations with the family element in different periods of political and social history, as well as present times. Extremely innovative decisions of the 1917 are noted, as well as repressive decisions of 1944, decisions of the sixties and the nineties of the 20th century and the qualitative characteristics of the contemporary attempts to adapt family law to new challenges.

Keywords: revolution, decrees, marriage and family, progress, regress, doctrine, history, modernity.

Н. Н. Тарусина

*Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова
E-mail: nant@univ.uni-yar.ac.ru*

**1917–2017: «революции» и «контрреволюции»
в российском семейном законодательстве**

Научная статья

N. N. Tarusina

P. G. Demidov Yaroslavl State University

**1917–2017: «Revolutions» and «Counterrevolutions»
in the Russian Family Law**

Scientific article

В период с февраля до декабря семнадцатого года органами революционной власти не было предпринято ни одной попытки кардинального изменения семейного законодательства: либеральную революцию, «взопревшую» от либеральных политических дискуссий, если и интересовали идеи о равноправии женщины и мужчины и справедливом правовом статусе детей, независимо от обстоятельств их рождения, то в реальные законодательные дела это никоим образом не воплотились.

И, напротив, как бы мы ни относились к октябрьским событиям семнадцатого года, фиксируя это свое отношение в терминологии социа-

листической революции (Великой), октябрьского переворота или ситуации безвластия (двоевластия), очевидным историческим фактом является архизначимое и суперпрогрессивное преобразование на указанном рубеже правового режима отношений с семейным элементом – брака, семьи, родительства, детства. Конечно, оно исподволь готовилось политической и цивилистической доктринами XIX века и весьма осторожными проектными предположениями законодателей имперской России. Но стратегического, принципиального перехода от церковной классики брака, с его относительным (в иные периоды – близким к абсолютному) подчинением жены

и полным подчинением чада главе семейства, от дискриминации в правовом статусе детей, рожденных вне брака, к равным возможностям супругов и детей так бы и не произошло еще много десятилетий, что подтверждается фактами весьма медленного движения в этом направлении европейского законодательства. Не хватало политического «фитиля» – и он зажегся. В результате была отменена церковная форма заключения супружеского союза в пользу светской, сняты многие ограничения на вступление в брак (например, наличие отношений свойства или духовного родства, максимальный брачный возраст и др.), декларированы принцип добровольности союза и некоторые элементы идеи его равноправия (в том числе право выбора фамилии), допускалось свободное юридическое признание внебрачных детей и объявлялось их полная правоспособность, не обусловленная обстоятельствами рождения (Декрет ВЦИК и СНК о гражданском браке, о детях, о введении книг записи актов гражданского состояния – от 18 (31) декабря 1917 г.). В принципе антицерковная направленность нового порядка заключения супружеского союза сама по себе не содержала категорического неприятия чувств верующих (на данном этапе они еще могли дополнить, без оглядки на последствия, акт регистрации брака в органах ЗАГС актом венчания и добровольно соблюсти церковные условия и ограничения, если они имели факультативный характер и не исключали действия законных запретов). Однако общая антирелигиозная тенденция была достаточно очевидна и не предполагала долго ожидать неизбежных результатов: позитивная революционность состояла в отделении церкви от государства, а возможные будущие перегибы – в осуждении и гонении верующих.

Тремя днями раньше был введен свободный судебный развод – по заявлению одного или обоих супругов, с возможностью заключения мирового соглашения о детях (месте проживания, алиментах) и необходимостью судебного размышления о материальной поддержке бывшей супруги («судья определяет, ... обязан ли муж и в каком размере доставлять пропитание и содержание своей бракоразведенной жене»). Разумеется, опережающее свободу заключения брака решение о праве свободного его расторжения было вполне логичным по сути, хотя

и формально нелогичным в контексте последовательности семейно-правовых действий: введение либерального порядка прекращения неравноправного (а подчас и полупринудительного либо принудительного) супружества было актуальным и отвечало революционному прочтению момента.

«Мы не оставили, – писал В. И. Ленин, – камня на камне из тех подлых законов о неравноправии женщин, о стеснениях развода, о гнусных формальностях, его обставляющих, о непризнании внебрачных детей, о розыске их отцов и т. п. – законов, остатки которых многочисленны во всех цивилизованных странах к позору буржуазии и капитализма. Мы имеем тысячу раз право гордиться тем, что мы сделали в этой области. Но чем чище очистили мы почву от хлама старых, буржуазных законов и учреждений, тем яснее стало для нас, что это только очистка земли для постройки, но еще не самая постройка» [1, с. 23]. В то же время в политических и общественных кругах дискутировалась судьба семьи и ее роль в жизни ребенка, в общественное пространство «залетали» идеи о национализации детей, об отказе от брака, о переходе к приоритету государственного обеспечения членов семьи (А. М. Колонтай) [2, с. 36–37]. Был предложен проект Декларации прав ребенка (К. Н. Вентцель, 1918 г.), статус которой предполагался международно-правовым. А. М. Нечаева, анализируя ее содержание, отмечает, что по сути ее можно считать прообразом современной Конвенции ООН «О правах ребенка» 1989 г., так как в проекте были представлены идеи о праве ребенка на приемлемое существование, свободное развитие способностей, на учет его мнения в жизненно важных вопросах, идеи о возложении надлежащей заботы о нем на родителей, общество и государство [3, с. 90].

Кодексом законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве 1918 г. идеи декретов были подтверждены. Кроме того, была закреплена идея о раздельности супружеского имущества как гарантии свободы женщины в браке (по крайней мере, на тот момент в этом была уверенность). Революционные эксперименты были продолжены в 1926 г. с принятием Кодекса законов о брачном, семейном и опекунском праве. В частности, фактор раздельности имущества был уже оценен иначе. Так,

Д. И. Курский писал: «Жена рабочего, хозяйка, ведет все домашнее хозяйство, а при разводе ничего не получает потому, что муж-рабочий, разводясь с ней, берет все с собой...» [4, с. 262]. Во втором кодексе домашняя работа женщины была признана юридически значимой – уже на основе режима совместной собственности: один революционный порыв был заменен другим, при этом, что бывает нечасто, более справедливым. Наконец, очевидно преобразовательными мотивами руководствовался законодатель, введя нормы о юридическом признании фактических брачных отношений – с правовыми последствиями в виде общности имущества и допущения алиментных обязательств наравне с «законными супругами» (ст. 11, 12, 16). Доктринально и политически предполагалось, что государственная регистрация супружества – явление временное, сохраняется лишь с целью борьбы с церковным браком; фактический брачный союз, свободный от «юридических оков», рассматривался будущей доминантой семейной жизни, прообразом равноправного коммунистического общественного института [5, с. 46–47, 145–146].

Революционно-прогрессивный дух семейно-правовых решений 1917–1926 годов в 1944 году был исчерпан своеобразной и жесткой семейно-правовой «контрреволюцией». Ее предтечей явилась, начиная с 1936 года, тенденция усиления публичного начала в правовом регулировании отношений с семейным элементом: в 1936 году была введена пропорциональная система алиментирования, которая, по замечанию М. В. Антокольской, представляла собой «унифицированный подход в условиях всеобщего равенства в нищете...» [6, с. 74]; впрочем, эта система сыграла и положительную роль, упростив процедуру взыскания алиментов. В этом же году были криминализованы аборт. «Новый запрет, – пишет М. Арбатова, – Россия ввела одновременно с фашистской Германией. С 1936 по 1955 годы за криминальные аборт были осуждены и расстреляны тысячи врачей и женщин...» [7, с. 5]. В условиях нарастающей реакции 8 июля 1944 года был издан (внешне с весьма приятственным названием) Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об увеличении государственной помощи беременным женщинам, многодетным и одиноким матерям, усилении охраны материнства и детства,

об установлении почетного звания “Мать-героиня” и учреждении ордена “Материнская слава” и медали “Медаль материнства”». За этой благодушной вывеской были скрыты три «контрреволюционных» решения: 1) отказ в признании фактического брака; 2) введение «драконовской» процедуры развода; 3) возвращение категории незаконнорожденных детей путем запрета как добровольного признания, так и судебного установления внебрачного отцовства [8, с. 51–55]. По точной характеристике М. В. Антокольской, в этой своей части указ мгновенно отбросил наше семейное законодательство на столетие назад, вписав новую страницу в произведения в стиле Дж. Оруэлла [6, с. 76]. И в данной характеристике М. В. Антокольская отнюдь не одинока.

Однако, как и во многих других подобных случаях, некоторые авторы совершенно иначе оценивают указ и предшествовавшие ему нормативно-правовые документы. Так, например, П. Л. Полянский, не отрицающий сходства дореволюционного имперского подхода канонического права и указа к разводу, подчеркивает, что за внешним сходством скрывались совершенно разные основания: задачей канонического права являлось поддержание своеобразной «половой дисциплины», обеспечение священности супружества, а указа – реабилитация брака и укрепление семейных связей. Не исключено: во время войны последние, действительно, ослабли, в том числе за счет тыловых и фронтовых романов, увеличения показателей внебрачной рождаемости. Государство было заинтересовано в стабилизации официального брака и, что важнее, в освобождении мужчин от каких бы то ни было обязательств перед женщиной-матерью и рожденным ею внебрачным ребенком. Однако именно о последнем обстоятельстве, которое и вызывает в первую очередь возмущение семейноведов, П. Л. Полянский ничего не пишет [9, с. 261–262], лицемерно обходя стороной необходимость его оценки, что превращает позицию автора в неаргументированный «глас вопиющего» в пространстве несогласных.

Часть указанных семейно-правовых решений продержалась до 1965 (процедура развода), часть – до 1968 года (статус внебрачных детей), а юридическая сила позиции государства о непризнании каких бы то ни было правовых последствий за фактическим браком сохраняется и поныне.

Разумеется, эксперименты продолжались и продолжают, однако вряд ли их можно причислить к революционным или контрреволюционным, хотя некоторые из них могут быть охарактеризованы как стратегические: расширение семейно-правового статуса ребенка, окончательное признание его самостоятельным субъектом права, пусть и нуждающимся в попечении; введение института брачного договора, общая тенденция на усиление договорного начала в правоотношениях с семейным элементом. Концепция совершенствования семейного законодательства первоначально не исключала даже некоторого юридического признания фактического брака, а в целом была ориентирована на «сохранение семейных ценностей», включая цели брачного и семейного союза, охрану родительства и жизненно важных интересов ребенка [10, с. 16–33]. Революционным шагом законодателя было бы установление возможности заключения однополых партнерств и/или браков [11, с. 48–52], однако введение соответствующих ограничений для международного усыновления (ст. 127 СК РФ), запреты публичных мероприятий ЛГБТ-общества и т. п. свидетельствуют о невозможности означенного «революционного» решения. Впрочем, разумное поступательное развитие семейного законодательства, адекватного, по возможности, потребностям общественной жизни, всегда предпочтительнее.

Ссылки

1. Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 39. М., 1974. 623 с.
2. Тарусина Н. Н. Ребенок в пространстве семейного права. М.: Проспект, 2014. 144 с.
3. Нечаева А. М. Россия и ее дети. М., 330 с.
4. Курский Д. И. Избранные статьи и речи. М., 1958. 330 с.
5. Тарусина Н. Н. Брак по российскому семейному праву. М.: Проспект, 2010. 224 с.
6. Антокольская М. В. Семейное право. М., 1996. 366 с.
7. Арбатова М. Феминизм // Известия. 1998. 19 февр. С. 5.
8. Тарусина Н. Н. Ребенок как «объект» семейно-правовой охраны // Вестник Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова. Серия Гуманитарные науки. 2012. № 4. С. 51–55.
9. Полянский П. Л. Правовое регулирование брачно-семейных отношений в российском обществе: историко-правовое исследование. М., 2016. 400 с.
10. Тарусина Н. Н. Российское семейное законодательство: «Куда бежишь, тропинка милая ?...» // Социально-юридическая тетрадь. 2015. № 5. С. 16–33.
11. Тарусина Н. Н. О новом концепте брака, или «пятой колонне» в брачном пространстве // Вестник Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова. Серия Гуманитарные науки. 2014. № 2. С. 48–52.

УДК 321

В статье приводится описание результатов исследования, направленного на выявление и анализ структуры некоммерческого сектора Ярославской области.

Автором акцентируется внимание на федеральном векторе усиления поддержки некоммерческих организаций путем введения нового правового статуса «исполнитель общественно полезных услуг» для НКО; указывается, что разработка региональных механизмов поддержки организаций неприбыльного сектора экономики в русле сформулированного федеральным законодателем направления (имущественная, информационная, финансовая и иная помощь исполнителям общественно полезных услуг) требует предварительного анализа структуры некоммерческого сектора субъекта Российской Федерации, выявления действующих поставщиков общественно-полезных услуг и оценки предоставляемых ими сервисов.

Ключевые слова: исполнитель общественно полезных услуг; некоммерческая организация; поставщик социальных услуг.

The article describes the results of a study aimed at identifying and analyzing the structure of the non-profit sector in the Yaroslavl Region.

The author focuses attention on the federal vector of strengthening the support of the non-commercial sector by introducing a new legal status «performer of socially useful services» for NGOs. The author points out that the development of regional mechanisms to support organizations of the non-profitable sector of the economy in line with the direction formulated by the federal legislator (property, information, financial and other assistance to performers of socially useful services) requires a preliminary analysis of the structure of the non-profit sector of the constituent entity of the Russian Federation, the identification of existing suppliers of public services and the social services they provide.

Keywords: performer of socially useful services, non-commercial organization, social services provider.

Е. А. Исаева

Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова

E-mail: elenia2000@mail.ru

Готовность некоммерческих организаций Ярославской области к получению статуса исполнителей общественно полезных услуг*

Научная статья

Е. А. Isaeva

P. G. Demidov Yaroslavl State University

Readiness of Non-Profit Organizations of the Yaroslavl Region to Obtain the Status of Performers of Socially Useful Services

Scientific article

С 1 января 2017 г. вступили в силу поправки к Федеральному закону № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях», в соответствии с которыми был введен новый правовой статус для НКО – «исполнитель общественно полезных услуг». Под полезными услугами понимаются не все сервисы, что оказывают НКО своей целевой группе, а лишь те, что зафиксированы как тако-

вые постановлением Правительства от 27 октября 2016 г. № 1096 «Об утверждении перечня общественно полезных услуг и критериев оценки качества их оказания». Это, например, услуги, предусматривающие реабилитацию и социальную адаптацию инвалидов, социальное сопровождение семей, воспитывающих детей с ограниченными возможностями здоровья; оказание

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта № 16-03-00394а «Управление гражданской активностью на региональном уровне: инструменты и результаты (на примере Ярославской области)».

социальной помощи детям, инвалидам, гражданам пожилого возраста, лицам, находящимся в трудной жизненной ситуации, в том числе пострадавшим в результате стихийных бедствий, экологических, техногенных или иных катастроф, социальных, национальных, религиозных конфликтов, беженцам и вынужденным переселенцам, а также их социальное сопровождение и др. Перечень, выделенный постановлением Правительства от 27 октября 2016 г. № 1096, был определен путем дробления 20 приоритетных направлений деятельности в сфере оказания общественно полезных услуг, содержащихся в Указе Президента России от 8 августа 2016 г. № 398 «Об утверждении приоритетных направлений деятельности в сфере оказания общественно полезных услуг».

Введение нового правового статуса, в отличие от статуса социально ориентированной некоммерческой организации, предполагает довольно непростую процедуру его присвоения, которая определена постановлением Правительства Российской Федерации от 26 января 2017 г. № 89 «О реестре некоммерческих организаций – исполнителей общественно полезных услуг».

Для того чтобы претендовать на получение статуса исполнителя общественно полезных услуг, необходимо:

- быть социально ориентированной НКО;
- на протяжении 1 года и более оказывать общественно полезные услуги надлежащего качества;
- не являться иностранным агентом;
- не иметь задолженностей по налогам и сборам, обязательным платежам.

Решение о признании организаций исполнителями общественно полезных услуг принимает Министерство юстиции Российской Федерации на основании представленных документов:

- а) заявления о признании организации исполнителем общественно полезных услуг;
- б) заключения о соответствии качества оказываемых организацией общественно полезных услуг установленным критериям.

Заключение выдается НКО федеральными органами исполнительной власти (их территориальными органами), осуществляющими оценку качества оказания общественно полезных услуг, на основании составленного в письменной форме заявления организации о выдаче заключения,

в котором обосновывается соответствие оказываемых организацией услуг установленным критериям оценки качества оказания общественно полезных услуг. К указанному заявлению могут прилагаться документы, обосновывающие соответствие оказываемых организацией услуг установленным критериям оценки качества оказания общественно полезных услуг (справки, характеристики, экспертные заключения и другие), а также документы, подтверждающие отсутствие задолженностей по налогам и сборам, иным предусмотренным законодательством Российской Федерации обязательным платежам.

Статус в соответствии с указанным выше постановлением Правительства № 89 присваивается на 2 года, затем может быть продлен в упрощенном порядке.

На начало марта 2017 г. в реестр исполнителей общественно полезных услуг еще не включена ни одна некоммерческая организация.

Усложненность процедуры получения нового статуса обосновывается тем, что доступ к стабильному и долгосрочному государственному финансированию должны получать те НКО, которые системно оказывают социальные услуги на уровне утвержденных государством стандартов качества. Фактически государство отфильтровывает для усиленной поддержки те НКО, которые работают на профессиональной основе, имея квалифицированный персонал, необходимые лицензии и т. п.

Исполнители общественно полезных услуг на основании поправок, внесенных в действующее законодательство, получают следующие преимущества:

- приоритетное право на получение мер поддержки;
- субсидии из федерального, региональных, местных бюджетов в рамках оказания финансовой поддержки (предоставляются на срок не менее 2 лет);
- меры имущественной поддержки (передача государственного или муниципального имущества) (оказываются на срок не менее 2 лет).

Для понимания потенциальной готовности некоммерческих организаций Ярославской области к вхождению в реестр исполнителей общественно полезных услуг, для разработки региональных мер поддержки [1, с. 59–64] важно провести анализ самого некоммерческого сектора

региона [2, с. 113–114]; понять, каков спектр действующих НКО, какие НКО [3, с. 133] работают в рамках 20 приоритетных направлений оказания общественно полезных услуг. Выстраивание региональных механизмов активизации гражданского участия, коим является поддержка НКО, иначе говоря, механизмов управления гражданской активностью, всегда требует тщательного и вдумчивого подхода [4, с. 130–148], [5, с. 94–98].

По состоянию на 31.12.2016 г. в ведомственном реестре зарегистрированных некоммерческих организаций Управления минюста России по Ярославской области содержатся сведения о 2 247 некоммерческих организациях (по состоянию на 31.12.2015 – 2 277; 01.01.2015 – 2 275; 01.01.2014 – 2 371; 01.01.2013 – 2 419; 31.12.2011 – 2 439). Из них казачьих обществ – 20; религиозных организаций – 384; региональных отделений политических партий – 60; фондов – 142; некоммерческих партнерств – 189; автономных некоммерческих организаций – 184; объединений юридических лиц (ассоциаций, союзов) – 63; учреждений – 202; адвокатских бюро – 2; коллегий адвокатов – 16; адвокатских палат субъектов Российской Федерации – 1; объединений работодателей – 5; нотариальных палат субъектов РФ – 1; советов муниципальных образований – 1; иных НКО – 5; общественных организаций – 505; общественных движений – 8; общественных фондов – 18; общественных учреждений – 5; органов общественной самостоятельности – 1; союзов, (ассоциаций) общественных объединений – 3; структурных подразделений (отделений, организаций) международных, общероссийских, межрегиональных и региональных общественных объединений – 213; национально-культурных автономий – 14; профсоюзов – 208.

При анализе указанных цифр становится очевидно, что количество НКО в Ярославской области, имеющих статус юридического лица, из года в год сокращается. При этом количество вновь создаваемых НКО в регионе в последние два года остается почти на неизменном уровне: в 2015 – 123 новых НКО; 2016 – 118. Это, конечно, лучше показателя 2014 г., в течение которого было создано всего 97 новых НКО, но значительно хуже динамики 2013 и 2012 гг. (в 2013 – 163 новых НКО, в 2012 – 160).

Среди зарегистрированных в 2016 г. 118 новых НКО казачьих обществ – 3; религиозных организаций – 8; фондов – 15; автономных некоммерческих организаций – 31; объединений юридических лиц (ассоциаций, союзов) – 11; учреждений – 10; объединений работодателей – 1; общественных организаций – 37; структурных подразделений (отделений, организаций) международных, общероссийских, межрегиональных и региональных общественных объединений – 1; профсоюзов – 1.

В 2015 г. Управлением минюста России по ЯО было принято решение о создании 123 НКО, включая 41 общественное объединение, 70 иных НКО (24 некоммерческих фонда, в том числе 13 благотворительных фондов, 27 автономных некоммерческих организаций, 8 объединений юридических лиц (ассоциации, союзы), 6 учреждений, 2 коллегии адвокатов, 3 казачьих общества), 5 религиозных организаций, 7 региональных отделений политических партий [6, с. 39].

В 2015 г. лишь 4 НКО получили официальный отказ в регистрации со стороны Управления министерства юстиции России по Ярославской области, включая 1 казачье общество, которому было отказано во внесении его в государственный реестр казачьих обществ в Российской Федерации. В 2016 г. было отказано в государственной регистрации 10 некоммерческим организациям. Решения об отказе принимались в связи с ненадлежащим оформлением документов, а также в связи с несоответствием положений учредительных и иных документов некоммерческих организаций действующему законодательству.

Снижение числа НКО по сравнению с 2015 г. объясняется резким ростом числа НКО, исключенных из ЕГРЮЛ. Общее количество некоммерческих организаций, исключенных из ЕГРЮЛ: в 2016 г. – 156 (за 2015 г. – 90; 2014 г. – 178; 2013 г. – 217; 2012 г. – 186) [7, с. 70]. При этом количество ликвидированных в 2016 г. некоммерческих организаций в судебном порядке и по решению высшего руководящего органа – 60, а количество НКО, исключенных в том же году из ЕГРЮЛ по решению УФНС по ЯО, – 96.

В 2016 г. проведено 60 проверок деятельности некоммерческих организаций, по результатам которых в адрес некоммерческих организаций Управления министерства юстиции России по Ярославской области вынесено 35 предупреждений.

В результате проведенных проверок выявлены следующие нарушения действующего законодательства и уставов некоммерческих организаций:

– непредставление ежегодной отчетности, предусмотренной Федеральным законом от 19.05.1995 № 82-ФЗ «Об общественных объединениях» и Федеральным законом от 12.01.1996 № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях»;

– незаконное использование символики муниципального образования (статья 24 Федерального закона от 12.01.1996 № 7-ФЗ);

– использование символики, описание которой отсутствует в учредительных документах некоммерческих организаций;

– осуществление деятельности, не соответствующей целям, предусмотренным уставом некоммерческой организации;

– осуществление деятельности без наличия соответствующей лицензии;

– несоответствие уставов действующему законодательству;

– несоответствие внутренних документов организации Гражданскому кодексу РФ и Административному регламенту предоставления министерством юстиции РФ государственной услуги по принятию решения о государственной регистрации некоммерческих организаций, утвержденному приказом минюста России от 31.12.2011 № 455;

– несоблюдение периодичности проведения заседаний и сроков полномочий руководящих и контрольно-ревизионных органов некоммерческих организаций;

– рассмотрение органами управления некоммерческих организаций вопросов, не отнесенных уставом к их компетенции, а также иные нарушения.

Одним из показателей ответственного отношения НКО к исполнению предусмотренных законом обязанностей выступает показатель сдачи отчетности в Управление минюста по ЯО. В 2016 г. НКО продемонстрировали резкое снижение числа сданных отчетов по сравнению с предыдущим годом. Количество некоммерческих организаций, представивших в 2016 г. отчетность за 2015 г., – 1195. (За 2015 г. ежегодную отчетность представили 1587 НКО, за 2014 г. – 1328 некоммерческих организаций, за 2013 г. – 1266, за 2012 г. – 1029 НКО). Этот показатель является довольно тревожным. Наряду с повышением требований к качеству

услуг НКО со стороны органов власти, некоммерческие организации демонстрируют рост числа нарушений норм действующего законодательства.

Изучив имеющиеся сведения о характере деятельности зарегистрированных на территории Ярославской области НКО, можно представить спектр деятельности некоммерческих организаций в следующем разрезе:

• религиозной направленности (16,1 % от общего числа НКО в области);

• спортивной направленности (14,4 % от общего числа НКО в области);

• профсоюзные организации (10,4 % от общего числа НКО в области);

• образовательные организации (10,1 % от общего числа НКО в области);

• объединения по ремеслу, профессии или интересам (7,4 % от общего числа НКО в области);

• организации социальной направленности, по развитию гражданского общества, развитию территорий (6,5 % от общего числа НКО в области);

• благотворительные организации (4,9 % от общего числа НКО в области).

Данный факт может свидетельствовать о достаточно динамичном развитии и хорошей активной позиции сектора некоммерческих организаций в Ярославской области.

Постановление Правительства от 27 октября 2016 г. № 1096 «Об утверждении перечня общественно полезных услуг и критериев оценки качества их оказания» содержит 18 общественно полезных услуг в области спорта. Наличие в Ярославской области такого большого количества спортивных организаций (спортивных федераций, спортивных клубов, иных физкультурно-спортивных организаций) свидетельствует о достаточно высокой популярности спорта и здорового образа жизни среди населения, об активной работе НКО, что позволяет надеяться на вхождение данных НКО в реестр исполнителей общественно полезных услуг.

Объединение граждан в профессиональные союзы, организации социальной направленности, организации по развитию гражданского общества, развитию территорий говорит о достаточно высокой гражданской активности населения.

Менее распространенными можно считать следующие зарегистрированные на территории Ярославской области НКО:

- объединения предпринимателей (3,8 % от общего числа НКО в области);
- детские и молодежные организации, организации по поддержке семьи и детства (3,4 % от общего числа НКО в области);
- региональные отделения политических партий (2,7 % от общего числа НКО в области);
- организации культуры (2,7 % от общего числа НКО в области);
- правозащитные организации и организации юридической направленности (2,7 % от общего числа НКО в области);
- организации ветеранов (пенсионеров) (2,2 % от общего числа НКО в области);
- организации инвалидов (2 % от общего числа НКО в области).

Наименьшее количество (менее 2 %) имеют следующие зарегистрированные на территории Ярославской области НКО: научные организации, оздоровительные организации, объединения исторической, археологической и краеведческой направленности, национально-культурные автономии и иные национальные объединения, экологические организации, объединения адвокатов, организации любителей животных, казацки общества, объединения садоводов-огородников, объединения женщин, работодателей, саморегулируемые организации, торгово-промышленные и нотариальные палаты, территориальные общественные самоуправления.

На начало марта 2017 г. лишь 4 НКО, действующие в Ярославской области, начали процедуру по вхождению в реестр исполнителей общественно полезных услуг, сделали запрос о выдаче заключения о качестве оказываемых услуг в министерство труда и социальной защиты России. При этом, как показывает проведенное нами исследование, потенциал у реги-

ональных НКО довольно значительный. Социальные услуги оказываются организациями некоммерческого сектора по всему спектру, очерченному федеральным законодателем.

Ссылки

Исаева Е. А. Инновационные формы государственной поддержки некоммерческих организаций как фактор, способствующий формированию некоммерческого сектора социальных услуг в регионах России // Вестник Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова. Серия Гуманитарные науки. 2016. № 3. С. 59–64.

2. Соколов А. В., Исаева Е. А. Гражданское общество в региональном измерении // Власть. 2015. № 1. С. 113–117.

3. Соколов А. В. Некоммерческие организации и общественные объединения в Ярославской области: условия и факторы деятельности // Ярославский педагогический вестник. 2012. Т. 1, № 1. С. 131–135.

4. Исаева Е. А., Соколов А. В., Тарусина Н. Н. Гражданская активность россиян: тенденции законодательства и общественной практики // Социально-юридическая тетрадь. Вып. 3: Семья в пространстве права. Ярославль: ЯрГУ, 2014. С. 130–148.

5. Соколов А. В., Чже С. Х. Взаимодействие органов управления и общественных организаций в Ярославской области: социологический анализ // Социологические исследования. 2013. № 7. С. 94–98.

6. Исаева Е. А. Некоммерческий сектор региона как характеристики уровня развития гражданской активности (на примере Ярославской области) // Власть. 2016. С. 39–43.

7. Исаева Е. А. Развитие некоммерческого сектора Ярославской области в 2013 г. // Власть. 2014. № 7. С. 69–73.

УДК 343.232

В статье анализируется постановление Конституционного суда РФ от 10 февраля 2017 г. № 2-П, вынесенное по делу о проверке конституционности ст. 212.1 УК РФ. Раскрывается его значение для уголовного правотворчества и правоприменения. Положительно оцениваются выводы Конституционного суда РФ по вопросам конструирования составов с административной преюдицией, рассматривается толкование Судом ст. 212.1 УК РФ, ст. 90 УПК РФ и норм УК РФ о назначении наказания.

Ключевые слова: постановление; 10 февраля 2017 г.; Конституционный суд РФ; ст. 212.1; УК РФ; состав с административной преюдицией; общественная опасность; ст. 90 УПК РФ; назначение наказания.

In the given work the author analyses the Russian Federation Constitutional Court resolution adopted February 10, 2017 № 2-P on the concordance of art. 212.1 of the Russian Criminal Code with the Constitution. The article reveals the importance of this resolution for Criminal Legislation and law enforcement. The author values the Russian Federation Constitutional Court's conclusions on the designing of structures with administrative prejudice, examines the interpretation of the art. 212.1 of the Russian Criminal Code, the art. 90 of the Russian Criminal Procedure Code and norms of the Russian Criminal Code concerning imposition of punishment by Court.

Key words: resolution; February 10, 2017; Russian Federation Constitutional Court; art. 212.1 of the Russian Criminal Code; structure with administrative prejudice; social danger; art. 90 of the Russian Criminal Procedure Code; imposition of punishment.

А. В. Иванчин

*Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова
E-mail: ivanchin@uniyar.ac.ru*

**Постановление Конституционного суда РФ
от 10 февраля 2017 г. № 2-П о ст. 212.1 УК РФ:**

анализ, значение для уголовного правотворчества и правоприменения

Научная статья

A. V. Ivanchin

P. G. Demidov Yaroslavl State University

**The Russian Federation Constitutional Court Resolution Adopted
February 10, 2017 № 2-P on art. 212.1 of the Russian Criminal Code:
analysis, importance to the Criminal Legislation and Law Enforcement**

Scientific article

Юридическая общественность с нетерпением ждала выхода в свет решения Конституционного суда РФ по результатам рассмотрения дела, которое инициировал И. И. Дадин путем подачи соответствующей жалобы. Задолго до появления данного решения на страницах печати развернулась дискуссия относительно соответствия Основному Закону нашей страны положений ст. 212.1 УК РФ. Подогревала интерес к делу и его политическая составляющая, поскольку автор жалобы, первым из россиян осужденный

по ст. 212.1 УК, – известный оппозиционер, признанный узником совести международной организацией Amnesty International [1]. Наконец, 10 февраля 2017 г. орган конституционного контроля постановил решение, указанное в заголовке настоящей статьи [2].

Напомним, что в ст. 212.1, введенной в УК РФ Федеральным законом от 21.07.2014 № 258-ФЗ, предусмотрена уголовная ответственность за неоднократное нарушение установленного порядка организации либо проведения собрания,

© Иванчин А. В., 2017

митинга, демонстрации, шествия или пикетирования, а неоднократность, согласно примечанию к данной статье, означает, что лицо ранее привлекалось к административной ответственности за совершение аналогичных административных правонарушений (предусмотренных ст. 20.2 КоАП РФ) более двух раз в течение ста восьмидесяти дней. Таким образом, в данной статье закреплён состав с административной преюдицией.

Сущность административной преюдиции заключается в привлечении к уголовной ответственности при условии, если деяние совершено в течение определенного периода времени после привлечения к административной ответственности за аналогичное или тождественное правонарушение (однократного или неоднократного привлечения). Составы с административной преюдицией были известны еще УК РСФСР 1922 г., в УК РСФСР 1926 г. их количество увеличилось, а в УК РСФСР 1960 г., напротив, сократилось. При разработке УК РФ 1996 г. было решено отказаться от использования таких составов, поскольку их наличие, по мнению разработчиков УК, противоречило самой концепции Кодекса и нарушало конституционный принцип о том, что никто не может быть повторно осужден за одно и то же правонарушение (ст. 50 Конституции РФ).

Еще ранее с резкой критикой административной преюдиции в уголовном законе выступил М. И. Ковалев, обосновавший свою позицию следующими доводами: повторность проступка не в состоянии превратить его в качественно новое явление, которое требует уже не административно-правового, а другого более строгого регулирования; иное противоречило бы органическому принципу нашей правовой системы, согласно которому разграничение различных правонарушений производится по предмету регулирования, а не по его субъекту; повторность не может изменить внутреннюю сущность поступка как события объективной действительности, следовательно, не может изменить и предмет правового регулирования [3, с. 12]. Н. Ф. Кузнецова писала также, что «между преступлениями и проступками не количественное, а качественное различие. Поэтому количество проступков неспособно перерасти в качество преступления («сто кошек не могут образовать одного тигра»)» [4, с. 9].

В 2009 г., когда вновь стала активно обсуждаться идея возврата в УК РФ составов с административной преюдицией, она была встречена массой критики. Указывалось, что: введение административной преюдиции по ряду составов создаст неизбежные конституционно-правовые и процессуально-правовые сложности; привлечение к административной ответственности не сопровождается теми конституционными гарантиями, которыми сопровождается привлечение к уголовной ответственности, и что это с неизбежностью поставит вопрос о соблюдении РФ ст. 6 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. и станет предметом внимания со стороны Европейского суда по правам человека [5, с. 12].

Однако все это не помешало законодателю в 2009 г. поддержать идею административной преюдиции и ввести в ч. 1 ст. 178 УК состав недопущения, ограничения или устранения конкуренции с административной преюдицией. Дальше – больше: круг таких составов в УК РФ в последующие годы неизменно ширился. Не стал исключением и прошлый год. Например, Федеральным законом от 03.07.2016 № 323-ФЗ в УК РФ была введена ст. 158.1 с составом мелкого хищения, совершенного лицом, подвергнутым административному наказанию. Вместе с тем все эти годы не прекращалась бурная дискуссия о допустимости внедрения в УК РФ подобных составов: одни специалисты ратовали «за» такую законотворческую практику [6, с. 58–60; 7, с. 65–68; 8, с. 98–108], другие – выступали резко «против» [9, с. 69–70; 10, с. 45–47].

В связи с этим после принятия к производству жалобы, в которой оспаривалась конституционность одного из составов с административной преюдицией (ст. 212.1 УК РФ), взоры волей-неволей обратились к Конституционному суду РФ, решения которого окончательны и обжалованию не подлежат. Этим обстоятельством обусловлено важнейшее значение вынесенного 10 февраля 2017 г. решения для уголовного правотворчества, в том числе для конструирования составов с административной преюдицией.

Орган конституционного контроля в данном решении пришел к правильному, как представляется, выводу о том, что создание и введение в уголовный закон таких составов в полной мере

согласуется с Конституцией РФ. Данный вывод, на наш взгляд, тщательно и убедительно мотивирован. В частности, в пп. 4.1, 4.2 постановления Судом обоснованно отмечается следующее: «Законодатель правомочен прибегать к институту уголовной ответственности в интересах надлежащей защиты конституционно значимых ценностей (ч. 3 ст. 55 Конституции РФ) и в тех случаях, когда противоправное деяние совершается лицом, ранее уже подвергавшимся административно-деликтному преследованию и наказанию за аналогичные деяния, т. е. имеющим специальную административную наказанность, используя в указанных целях так называемые составы преступлений с административной преюдицией. Повторное (многократное) совершение лицом однородных (аналогичных) административных правонарушений объективно свидетельствует о недостаточности имеющихся административно-правовых средств для результативного противодействия таким деяниям, что вкупе с иными факторами может рассматриваться в качестве конституционно значимой причины для криминализации соответствующих действий (бездействия), которые, оставаясь в своей нормативной первооснове административными правонарушениями, по характеру и степени общественной опасности приближаются к уголовно наказуемым деяниям и при определенных условиях способны причинить серьезный вред общественным отношениям, поставленным под охрану уголовного закона» [2].

В п. 4.2 анализируемого постановления дана критическая оценка (и по праву, на наш взгляд) попытке истолковать составы с административной преюдицией как якобы нарушающие конституционный принцип о том, что никто не может быть повторно осужден за одно и то же правонарушение: «Что касается соотношения диспозиции статьи 212.1 УК РФ с принципом *non bis in idem* (ч. 1 ст. 50 Конституции РФ), то предусмотренный ею состав преступления (равно как и иные составы преступлений, субъектом которых может быть лишь физическое лицо, ранее подвергнутое административному наказанию за аналогичное противоправное деяние) не предполагает возможность наступления уголовной ответственности за те нарушения установленного порядка организации либо проведения публичного мероприятия, за которые лицо уже было подвергнуто административному наказанию.

Основанием привлечения к уголовной ответственности в таких случаях является только такое нарушение установленного порядка организации либо проведения публичного мероприятия, которое совершено лицом, ранее привлекавшимся к административной ответственности по статье 20.2 КоАП РФ более двух раз в течение ста восьмидесяти дней...» [2].

Убеждены, что признание практики образования составов с административной преюдицией соответствующей Конституции РФ в полной мере согласуется и с теорией криминализации. Основанием криминализации является общественная опасность акта человеческого поведения, которая складывается из общественной опасности деяния и общественной опасности личности его субъекта. Уголовная политика нашего государства в разные исторические периоды впадала в крайности в этом вопросе, преувеличивая то опасность деяния, то опасность личности. Думается, что в вопросах криминализации, равно как и во многих иных, истина находится посредине. Здесь «золотая середина» видится в том, чтобы криминализация опиралась на учет объективных свойств общественной опасности человеческого поведения и опасности личности преступника.

Уровень же общественной опасности определяется не только причиненным вредом (как порой утверждается), но и набором всех присущих этому деянию признаков, включая и характер самого действия (бездействия), и вред, и форму вины, и мотив, цель, и признаки субъекта и т. д. Анализ уголовного закона неопровержимо, по нашему мнению, доказывает правильность именно такого подхода. Например, при прочих равных условиях и совпадающую вредоносность умышленное причинение смерти (убийство) наказывается по УК РФ строже, нежели неосторожное. Поэтому общепризнано, что общественная опасность убийства выше, чем опасность неосторожного причинения смерти.

В случае административной преюдиции объективно, конечно же, вредоносность второго или третьего нарушения не повышается, но опасность личности субъекта возрастает, а следовательно, в целом возрастает общественная опасность такого поведения. Повторное (или систематическое) совершение аналогичного административного правонарушения показы-

вает, что примененные к субъекту меры административного принуждения не дают должного предупредительного эффекта, а значит, у него сформировался стойкий стереотип противоправного поведения. Эти свойства личности субъекта и позволяют учитывать фактор административной преюдиции как признак специального субъекта при построении составов преступлений.

При этом внедрение в уголовный закон составов с административной преюдицией имеет, на наш взгляд, серьезное профилактическое значение, поскольку под воздействием административного наказания правонарушитель может пересмотреть свое поведение, не допустить впредь аналогичного правонарушения. Более того, инструмент административной преюдиции позволят полноценно реализовать в практике принцип субъективного вменения (ст. 5 УК РФ), так как правонарушитель путем применения административного наказания официально предупреждается о том, что повторение подобных нарушений чревато уголовной ответственностью.

Наконец, учет факта предшествующего привлечения к ответственности для обоснования применения более строгой меры ответственности допускается и в иных отраслях права и сферах жизнедеятельности, и этот факт ни у кого, заметим, не вызывает возражений. Так, в трудовом праве в силу ст. 81 ТК РФ расторжение трудового договора по инициативе работодателя возможно как в случае однократного грубого нарушения им обязанностей, так и при неоднократном неисполнении работником обязанностей, если он имеет дисциплинарное взыскание. Если же обратиться к спортивной сфере, то в футболе, например, удаление игрока возможно как за однократное грубое нарушение правил («красная карточка»), так и за два менее грубых нарушения, если за первое из них он был предупрежден «желтой карточкой».

Таким образом, не споря с ранее приведенным крылатым выражением Н. Ф. Кузнецовой о том, что «сто кошек не могут образовать тигра», отметим, что юридическая цена (в данном случае – в виде ответственности) этих «ста кошек» может быть равной цене одного тигра. Поэтому мы считаем обоснованным и крайне важным для развития уголовного права центральный вывод Конституционного суда РФ, зафиксиро-

ванный в постановлении от 10 февраля 2017 г. № 2-П, о возможности построения составов с административной преюдицией и их соответствии Конституции РФ.

Сделав данный вывод, Конституционный суд РФ дополнил его целым рядом соображений, имеющих немаловажное значение для теории и практики криминализации. Так, в анализируемом постановлении особо подчеркнута, что «введение уголовной ответственности за неоднократное нарушение установленного порядка организации либо проведения собрания, митинга, демонстрации, шествия или пикетирования допустимо – если она эквивалентна характеру и степени общественной опасности подпадающего под нее деяния, не влечет избыточного уголовного принуждения и не приводит к отступлению от принципов равенства, соразмерности и справедливости, – а потому с конституционно-правовой точки зрения не может рассматриваться как выходящее за рамки дискреционных полномочий федерального законодателя». Суд сформулировал и важнейшую максиму, которой обязаны руководствоваться разработчики уголовных законопроектов: «Федеральный законодатель, определяя, какие опасные для личности, общества и государства деяния признаются преступлениями (ч. 2 ст. 2 УК РФ), обязан избегать избыточного использования уголовно-правовой репрессии, помня о том, что основанием преступности противоправных деяний могут служить лишь обстоятельства, в совокупности объективно подтверждающие криминальную степень их общественной опасности, в том числе масштаб распространности и динамика(у) роста таких деяний, значимость охраняемых законом ценностей, на которые они посягают, существенность причиняемого ими вреда, а также невозможность их преодоления с помощью иных правовых средств» [2] (курсив наш. – А. И.).

Полагаем, что ценность данного положения трудно переоценить. Оно, во-первых, предостерегает отечественных парламентариев от внесения поспешных поправок в УК РФ, когда опасность объявляемого преступлением деяния не подкреплена, как это должно быть при надлежащем подходе, объективными данными. Во-вторых, указанный постулат направлен на изменение гипертрофированного представления парламен-

тариив и иных лиц, ответственных за проводимую в стране уголовную политику, о якобы первостепенной роли уголовного закона в гармонизации общественных отношений. Порой складывается ощущение, что все возникающие в стране проблемы пытаются решить посредством поправок в УК РФ. Забывается, однако, что уголовная репрессия – крайняя мера, а доминирующее значение в регулировании общественных отношений играют иные отрасли права, так называемые регулятивные (гражданское, финансовое, таможенное, трудовое, земельное и др.). Уголовное законодательство является по своей природе исключительным средством, с помощью которого государство должно реагировать на факты противоправного поведения, если надлежащий правопорядок не может быть обеспечен с помощью правовых норм иной отраслевой принадлежности.

Помимо положений правотворческого плана, в анализируемом постановлении закреплена ряд выводов, имеющих принципиальное значение с позиции применения УК РФ.

Во-первых, в практике возникал вопрос, требуется ли для вменения ст. 212.1 УК РФ, чтобы вынесенные в отношении лица правоприменительные акты, которыми он был ранее привлечен к административной ответственности, вступили в законную силу. Вердикт Конституционного суда РФ вряд ли оказался утешительным для тех специалистов, которые полагали возможным квалификацию по ст. 212.1 УК РФ без вступления в силу предшествующих решений по административным делам. Кстати, по делу И. И. Дадина суды общей юрисдикции таким образом и истолковали ст. 212.1 УК РФ и именно по этой причине Конституционный суд РФ постановил пересмотреть вынесенные в отношении него судебные акты. Доводы же Конституционного суда РФ в пользу противоположного толкования более чем убедительны: лицо, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении, считается невиновным, пока его вина не будет установлена вступившим в законную силу постановлением (часть 2 ст. 1.5 КоАП РФ); вменение ст. 212.1 УК, если соответствующие акты не вступили в законную силу, расходится с конституционным запретом уголовного преследования за действия (бездействие), не подпа-

дающие на момент их совершения под признаки преступления, и не согласуется с презумпцией невиновности [2].

Во-вторых, в 5.4 постановления Конституционного суда РФ от 10 февраля 2017 г. № 2-П дано ограничительное толкование ст. 90 УПК РФ, согласно которой обстоятельства, установленные вступившим в законную силу решением суда, в том числе принятым в рамках административного судопроизводства, признаются судом, прокурором, следователем, дознавателем без дополнительной проверки. Несмотря на это категоричное предписание, казалось бы не оставляющее шансов обвиняемым на оспаривание в рамках уголовного дела вступивших в силу решений по административным делам, Конституционный суд РФ такой шанс им предоставил. В качестве аргументов указано, что предметы доказывания в разных видах судопроизводства не совпадают, а суды в их исследовании ограничены своей компетенцией, к тому же каждый вид судопроизводства имеет собственные – не совпадающие с другими – задачи и осуществляется в присущих только ему процедурах. Исходя из этого «при применении ст. 212.1 УК РФ преюдициальность судебных актов о привлечении к административной ответственности за совершение административных правонарушений, предусмотренных ст. 20.2 КоАП РФ, не может обладать неопровержимым характером, что предполагает необходимость проверки судом – на основе принципов состязательности и равноправия сторон (ч. 3 ст. 123 Конституции РФ) – доказанности всех обстоятельств совершения уголовно наказуемого деяния в рамках уголовного судопроизводства» [2].

В качестве дополнительных доводов в решении Суда отмечено, что сторона защиты, в том числе используя помощь адвоката, вправе выдвигать любые возражения относительно доказанности обвинения, в том числе касающиеся совершенных лицом административных правонарушений, а на сторону обвинения возложена обязанность опровержения подобных возражений. «В силу этого обеспечение конституционно значимых интересов защиты личности от незаконного и необоснованного обвинения и осуждения за преступление, предусмотренное ст. 212.1 УК РФ, предполагает, что фактические обстоятель-

ства, установленные вступившими в законную силу судебными актами по делам об административных правонарушениях, сами по себе не определяют выводы суда о виновности лица, в отношении которого они были вынесены, в совершении предусмотренного данной статьей преступления, которая должна устанавливаться судом в предусмотренных уголовно-процессуальным законом процедурах на основе всей совокупности доказательств, включая не исследованные при рассмотрении дел о совершенных этим лицом административных правонарушения» [2].

В-третьих, Конституционным судом РФ сформулирован ряд немаловажных выводов по вопросам назначения наказания. Так, Суд заострил внимание на том, что санкция ст. 212.1 УК РФ является альтернативной и включает наказания в виде штрафа, обязательных работ, исправительных работ, принудительных работ и лишения свободы. В свою очередь, сославшись на ч. 1 ст. 6, чч. 1, 3 ст. 60 и ч. 1 ст. 64 УК, которые направлены на обеспечение индивидуализации уголовной ответственности и исключают произвольное усмотрение суда при определении вида и размера наказания, Суд сделал два значимых вывода: 1) нельзя «рассматривать включение в санкцию ст. 212.1 УК РФ уголовного наказания в виде лишения свободы как предполагающее обязательное применение данного вида наказания ко всем лицам, совершившим соответствующее преступление»; 2) «наказание, назначаемое лицу, впервые совершившему преступление, предусмотренное ст. 212.1 УК РФ, – с учетом предписаний ч. 1 и ч. 3 ст. 60 данного Кодекса – не обязательно должно быть связано с лишением свободы; суд вправе прибегнуть к нему, когда приходит к обоснованному выводу о невозможности исправления виновного без изоляции от общества» [2].

Далее же Суд сделал недвусмысленный, как представляется, намек (об излишней суровости) судам общей юрисдикции, решениями которых гражданин И. И. Дадин был приговорен к отбыванию самого строгого наказания по санкции – лишению свободы. Так, орган конституционного контроля подчеркнул, что, назначая наказание по ст. 212.1 УК РФ, суды обязаны основываться исключительно на оценке общественной опасности и противоправности соответствующего деяния, которая не может быть поставлена в зависимость от отношения лица (читайте –

И. И. Дадина) – негативного (критического) или позитивного (одобрительного) – к принимаемым органами публичной власти решениям и проводимой ими политике (более того, избрание наказания в виде лишения свободы должно происходить лишь в крайних случаях) [2].

В целом мы согласны с трактовкой Конституционным судом РФ предписаний УК о назначении наказания, в том числе по ст. 212.1 УК. Думается, что данное толкование станет важным ориентиром в деятельности судов общей юрисдикции. В то же время, применяя сформулированную Конституционным судом РФ позицию, не следует забывать, на наш взгляд, и о том, что в силу ч. 3 ст. 60 УК РФ при назначении наказания учитываются два важнейших критерия: 1) характер и степень общественной опасности преступления и 2) личность виновного. И недооценивать второй критерий также недопустимо, как и переоценивать.

Действительно, политические убеждения подсудимого не могут приниматься во внимание при назначении наказания (здесь Конституционный суд, конечно же, прав). Однако суд при назначении наказания не только вправе, но и обязан в соответствии с ч. 3 ст. 60 УК РФ всесторонне учесть свойства личности подсудимого: его ценностные ориентации, социально-нравственные и иные характеристики (в частности, отношение к трудовой деятельности, семейное положение и отношение к семье, пристрастие к алкогольным напиткам или наркотикам, наличие непогашенных судимостей и т. д.). Только такой подход позволит, на наш взгляд, обеспечить назначение виновному справедливого и оптимального (с позиции достижения его целей) наказания.

Резюмируя, отметим, что круг современных источников уголовного права пополнился еще одним нормативным документом, в котором сформулирован целый ряд принципиально значимых позиций, призванных стать важным ориентиром в деятельности по применению и совершенствованию отечественного уголовного закона.

Ссылки

1. Узник совести И. И. Дадин. URL: <https://amnesty.org.ru/ru/2015-12-08-rossiya/> (дата обращения: 17.02.2017).

2. Постановление Конституционного Суда РФ от 10.02.2017 № 2-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 212.1 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина И. И. Дадина». URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 14.02.2017).
3. Ковалев М. И. Преступление и проступок // Проблемы совершенствования законодательства по укреплению правопорядка и усилению борьбы с правонарушениями: межвуз. сб. науч. тр. Свердловск, 1982. С. 10–17.
4. Кузнецова Н. Ф. Главные тенденции развития российского уголовного законодательства // Уголовное право в XXI веке: материалы международной научной конференции. М., 2002. С. 3–15.
5. Отзыв кафедры уголовного права МГЮА им. О. Е. Кутафина на проект Федерального закона «О внесении дополнений и изменений в УК РФ». URL: http://www.sartraccc.ru/i.php?oper=read_file&filename (дата обращения: 17.02.2017).
6. Малков В. П. Административная преюдиция: за и против // Вестник Академии Генеральной прокуратуры РФ. 2011. № 3 (23). С. 56–65.
7. Иванчин А. В. Конструирование составов преступлений с административной преюдицией: pro et contra // Вестник Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова. Серия Гуманитарные науки. 2012. № 3. С. 65–68.
8. Иванчин А. В. О целесообразности построения составов преступлений с административной преюдицией // Библиотека криминалиста: научный журнал. 2013. № 2 (7). С. 98–108.
9. Лопашенко Н. А. Административной преюдиции в уголовном праве – нет! // Вестник Академии Генеральной прокуратуры РФ. 2011. № 3 (23). С. 61–72.
10. Шемякин Д. В. Проблемные вопросы использования административной преюдиции в уголовном праве // Российский следователь. 2015. № 15. С. 45–47.

УДК 343.2/.7

В статье анализируется природа уголовно-правовых норм о конфискации имущества, выявляются ее цели и признаки. Теоретическое исследование сущности данного института позволяет критически оценить решение законодателя о размещении норм о конфискации в главе, посвященной иным мерам уголовно-правового характера. Автором рассмотрены наиболее распространенные теоретические концепции о сущности и месте норм о принудительном изъятии имущества лиц, причастных к преступлению; предложено собственное видение данной проблемы.

Ключевые слова: конфискация имущества; правовая (юридическая) природа; сущность конфискации; отраслевая принадлежность; иные меры уголовно-правового характера.

In the article the author analyses a nature of criminal norms on confiscation of property, describes its purposes and characteristics. Theoretical investigation of a nature of this legal institute allows to estimate the decision of legislator about allocating norms of confiscation in the chapter on other measures of Criminal Law. The author regards the most common theoretical concepts about the nature of the norms of seizure of property in Criminal Law and proposes his own vision of this problem.

Keywords: confiscation of property; legal nature; branch affiliation; measures of criminal treatment.

А. А. Степанов

Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова

E-mail: yaroslavlstepanovartem@mail.ru

Правовая природа конфискации имущества (ст. 104.1, 104.2 УК РФ)

Научная статья

A. A. Stepanov

P. G. Demidov Yaroslavl State University

Legal Nature of Confiscation of Property (articles 104.1, 104.2 of the Criminal Code of the Russian Federation)

Scientific article

Вопрос о правовой природе конфискации имущества, как справедливо отмечается в специальной литературе, принадлежит к числу наиболее дискуссионных в доктрине уголовного права [1, с. 3]. При этом сравнительный метод исследования не позволяет дать однозначный ответ на данный вопрос. В истории российского уголовного законодательства конфискация имущества выступала как в качестве дополнительного наказания, так и в качестве факультативного последствие применения уголовных и исправительных наказаний, мер социальной защиты.

Международные правовые акты не раскрывают сущность конфискации имущества, так как содержат дискреционные нормы, позволяющие государствам самостоятельно определить способ регламентации данной меры; а используемые

в международных источниках термины «наказание», «санкция», «иные меры» используются как взаимозаменяемые.

Опыт зарубежных стран также не вносит ясность: даже в странах постсоветского пространства конфискация имущества может быть отнесена к дополнительному наказанию, иным мерам уголовно-правового характера, мерам карательного воздействия, мерам безопасности и т. д. Аналогичный «плюрализм» характерен и для стран «дальнего» зарубежья.

Большинство суждений о правовой природе конфискации имущества, указанного в ст. 104.1, 104.2 УК РФ, можно свести к следующим группам: конфискация имущества является наказанием [2, с. 163–164; 3, с. 14; 4, с. 298; 5, с. 176–177; 6, с. 179; 7, с. 265; 8, с. 123]; конфискация имущества

обладает признаками «иной меры» (необязательно «иной меры уголовно-правового характера») [9, с. 11; 10, с. 60; 11, с. 27; 12, с. 22; 13, с. 20; 14, с. 6–7] конфискация имеет процессуальную природу и должна быть исключена из УК [15, с. 24].

Для того чтобы понять, какая из существующих в литературе позиций ближе к истине, считаем необходимым выделить признаки наказания, иных мер уголовно-правового характера, уголовно-процессуального института распоряжения вещественными доказательствами и соотнести указанные признаки с отличительными чертами конфискации каждой категории имущества, указанного в ст. 104.1 – 104.2 УК РФ.

Несмотря на то что в теории предлагаются различные трактовки понятия, содержания и целей уголовного наказания, мы будем исходить из понятия и целей данного института, указанных в ст. 43 УК РФ.

Иные меры уголовно-правового характера, так же как и наказание, являются мерами государственного принуждения, назначаются от имени государства лицу, совершившему общественно опасное деяние, могут быть применимы как в сфере уголовной ответственности, так и за ее границами [16, с. 155–156], могут иметь цели, отличительные от целей наказания [17, с. 127–128], могут иметь правоограничительное, но не карающее значение [18, с. 20; 19, с. 61].

Исходя из положений УПК РФ, считаем, что уголовно-процессуальный институт распоряжения вещественными доказательствами является комплексом мер, направленных на определение судьбы имущества, признанного вещественным доказательством. Определение дальнейшей судьбы имущества основано на принципах защиты интереса законного владельца, обеспечения здорового функционирования общества, а также процессуальной экономии. В ходе определения судьбы вещественного доказательства могут быть ограничены права (имущественные интересы) фактического собственника (или владельца) вещественного доказательства.

С нашей точки зрения, конфискация *преступно нажитого* имущества и *доходов* от него (п. «а» ч. 1 ст. 104.1 УК РФ) не обладает правоограничительными¹ свойствами, так как приобретение имущества незаконным путем не может стать основа-

¹ В настоящей статье термины «лишение права» и «ограничение права» используются как синонимичные.

нием возникновения какого-либо права. Изъятие и обращение такого имущества в первую очередь преследуют цель исключить «экономический» эффект от совершения преступления, что в последующем приводит к частной и общей превенции, восстановлению социальной справедливости.

Аналогично не может влечь ограничение прав конфискация предметов контрабанды («а» ч. 1 ст. 104.1 УК РФ), которыми осужденный не мог обладать ни при каких обстоятельствах (предметы, запрещенные к обороту, например оружие массового поражения) либо которыми он обладал в нарушение установленного порядка (предметы, ограниченные в обороте, например инструменты или оборудование, находящиеся под специальным контролем и используемые для изготовления наркотических средств)². Конфискация указанных предметов контрабанды преследует цель обеспечения общественной и государственной безопасности, носит пресекательный характер.

Также считаем, что любая форма «легализации» преступно нажитого имущества не может повлечь возникновение каких-либо прав у осужденного (третьего лица) в силу *порочности* сделкоподобных действий. Следовательно, конфискация имущества по п. «б» ч. 1 ст. 104.1 УК РФ, ч. 2 и 3 ст. 104.1 УК РФ не может влечь ограничение прав и свобод обвиняемого и третьих лиц (цели совпадают с конфискацией по п. «а» ч. 1 ст. 104.1 УК).

Пресекательной функцией, с нашей точки зрения, обладает конфискация имущества по п. «в» ч. 1 ст. 104.1 УК РФ. Изъятие такого имущества направлено на недопущение опасных последствий, которые могут наступить, в случае если денежные средства, ценности либо иное имущество будут реализованы субъектом финансирования «по назначению».

Конфискация орудий и средств совершения преступления (п. «г» ч. 1 ст. 104.1 УК РФ), как *правило*, призвана обеспечить безопасность общественных отношений. Она заключается в изъятии потенциально опасного имущества из «сферы принадлежности обвиняемого», например в случае конфискации орудий взлома, орудий убийства, бензопилы, выступающей средством незаконной рубки лесных насаждений и т. д.

² О классификации запрещенных к обороту предметов на «условно запрещенные и безусловно запрещенные к обращению» см.: [24, с. 41].

Невозможно в случаях, предусмотренных п. «а» (в части не запрещенных и не ограниченных в обороте предметов контрабанды, например в случае контрабанды законно нажитых денежных средств), «в» (в части денег, ценностей и имущества, принадлежащего обвиняемому на законных основаниях³), «г» ч. 1 ст. 104.1, ч. 1 и 2 ст. 104.2 УК РФ отрицать *наличие последствия в виде лишения права*, так как перечисленные основания предусматривают конфискацию имущества, принадлежащего осужденному, однако лишение прав и свобод в указанных случаях не преследует всех или части целей, характерных для института наказания, а направлено на реализацию иных задач.

Отдельно оговоримся о характере правоограничительных мер, характерных для п. «г» ч. 1 ст. 104.1, ч. 1 и 2 ст. 104.2 УК РФ.

Как отмечалось ранее, конфискация орудий и средств совершения преступления, как правило, призвана выполнять функцию по обеспечению безопасности. Исключением из данного правила становится конфискация транспортных средств, используемых *исключительно для транспортировки* предметов преступной деятельности (например, незаконно добытой древесины). Изучение практики показывает, что данная мера судами воспринимается как наказание [20, 21, 22]: суды распространяют нормы о назначении наказания (ст. 60 УК) на институт конфискации имущества и допускают учет конкретных обстоятельств содеянного, личности виновного, отягчающих и смягчающих обстоятельств при определении вопроса об избрании *обязательной* меры в виде конфискации имущества⁴.

Лишение права в случае конфискации *законно нажитого* имущества, указанного в ч. 1 и 2 ст. 104.2 УК РФ, выполняет обеспечительную [1, с. 77], а также компенсационную функцию, кото-

³ Мыслится, что п. «в» ч. 1 ст. 104.1 охватывает случаи финансирования терроризма и т. д. как за счет законно нажитых средств, принадлежащих либо не принадлежащих обвиняемому, так и за счет преступно нажитого имущества.

⁴ Уместным в этой связи считаем мнение А. А. Проппина: «Размер этой меры зависит исключительно от количества выявленного имущества, подлежащего изъятию. Поскольку рассматриваемая мера... предназначена прежде всего для лишения выгоды от преступления..., то и ее индивидуализация не требуется» [23, с. 178].

рая в силу ст. 104.3 УК присуща любому виду конфискации, установленной гл. 15.1 УК РФ.

Бесспорным является факт, что конфискация имущества не может быть реализована за пределами уголовной ответственности, однако в соответствии с ч. 1 ст. 104.1 УК РФ и ст. 302 УПК РФ конфискация может быть назначена «автономно» от наказания. Об этом же свидетельствует проанализированная практика [24–27].

Отличительной чертой конфискации имущества, указанного в ч. 1, 2, 3 ст. 104.1 УК РФ, с нашей точки зрения, является то, что указанное имущество, как правило, может быть конфисковано, если на стадии предварительного расследования оно было признано вещественным доказательством. Но стоит иметь в виду, что объектом конфискации не всегда являются *овеществленные* имущественные блага. Например, в качестве такого могут выступать денежные средства, хранящиеся на банковских счетах, которые в силу ст. 81 УПК РФ невозможно признать имущественным доказательством [23, с. 171; 1, с. 51].

Обобщим признаки конфискации имущества, указанного в ст. 104.1–104.2 УК РФ, в виде таблицы (приложение), из которой следует, что в зависимости от объекта изъятия институт конфискации может иметь признаки, характерные для:

- института наказания (государственное принуждение, назначение в случае совершения преступления; обязательное последствие в виде лишения права; восстановление социальной справедливости, общая и частная превенция);
- иных мер уголовно-правового характера (государственное принуждение, «автономность» от наказания; факультативное лишение права; цели, отличные от целей наказания);
- института распоряжения вещественными доказательствами (определение дальнейшей судьбы вещественных доказательств, цель обеспечения общественной и государственной безопасности).

Следовательно, специальная конфискация имущества имеет межотраслевую природу и вопрос о ее месте в законе остается предметом юридической техники и уголовной политики. В данном случае, оценивая решения законодателя, выражаем свое согласие с мнением А. А. Матвеевой: «Представляется, что придание конфискации имущества статуса иной меры уголовно-правового характера не умаляет ни правового, ни идеологического ее значения» [11, с. 26].

Признаки конфискации имущества, указанного в ст. 104.1–104.2 УК РФ

Норма	Лишение права	Целевое назначение	Общие признаки	
п. «а» ч. 1 ст. 104.1 УК в части конфискации преступно нажитого имущества и доходов от него	–	исключение «экономического» эффекта от совершения преступлений, частная и общая превенция, восстановление социальной справедливости	Имущество подлежит конфискации, как правило, в качестве вещественного доказательства.	Конфискация выступает в качестве меры государственного принуждения.
п. «а» ч. 1 ст. 104.1 УК в части конфискации предметов контрабанды, запрещенных к обороту либо ограниченных в обращении	–	обеспечение общественной и государственной безопасности, пресечение наступления общественно опасных последствий		
п. «а» ч. 1 ст. 104.1 УК в части конфискации предметов контрабанды, не запрещенных к обороту и не ограниченных в обращении	+	исключение «экономического» эффекта от совершения преступлений, частная и общая превенция, восстановление социальной справедливости	Изымаемое имущество связано с преступлением [24, с. 20].	Конфискация выступает в качестве меры государственного принуждения.
п. «б» ч. 1 ст. 104.1 УК	–			
п. «в» ч. 1 ст. 104.1 УК в части конфискации законно нажитого имущества, принадлежащего обвиняемому	+	обеспечение общественной и государственной безопасности, путем пресечения общественно опасной деятельности		Может быть назначена «автономно» от наказания.
п. «в» ч. 1 ст. 104.1 УК в части конфискации имущества, не принадлежащего обвиняемому, либо добытого преступным путем	–			
п. «г» ч. 1 ст. 104.1 УК	+	обеспечение общественной и государственной безопасности, изъятие потенциально опасного имущества из «сферы принадлежности обвиняемого», частная превенция		В соответствии со ст. 104.3 УК конфискация может обладать компенсационной функцией.
ч. 2 ст. 104.1 УК РФ	–	исключение «экономического» эффекта от совершения преступлений, частная и общая превенция, восстановление социальной справедливости		
ч. 3 ст. 104.1 УК РФ	–			
ч. 1, 2 ст. 104.2 УК РФ	+	обеспечение конфискации «эквивалента» имущества, указанного в ст. 104.1 УК РФ	X	

Ссылки

1. Висков Н. В. Специальная конфискация: юридическая природа, уголовно-правовые и уголовно-процессуальные средства обеспечения исполнения: дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2006. 222 с.

2. Анощенко С. В., Чибулаева С. А. Конфискация имущества как мера уголовного наказания // Уголовно-правовая политика и проблемы противодействия современной преступности. Саратов, 2006. С. 163–166.

3. Голубев И. И. Конфискация имущества как вид уголовного наказания: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1999. 181 с.

4. Звечаровский И. Э., Цепелев В. Ф. Конфискация имущества: новое пришествие // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: материалы 4-й Международной научно-практической конференции, 25–26 января 2007. М., 2007. С. 294–298.

5. Каплин М. Н. О правовой природе конфискации имущества (гл. 151 УК РФ) // Про-

блемы совершенствования юридической техники и дифференциации ответственности в уголовном праве и процессе. Ярославль, 2008. С. 171–178.

6. Кругликов Л. Л. К вопросу о правовой природе специальной конфискации // Проблемы совершенствования юридической техники и дифференциации ответственности в уголовном праве и процессе. Ярославль, 2008. С. 178–186.

7. Непомнящая Т. В. Меры уголовно-правового характера // Вестник Омского университета. 2008. № 3. С. 261–267.

8. Буркина О. А., Устинов А. А. Конфискация имущества как мера противодействия коррупции // Вестник пермского университета. Юридические науки. 2015. № 2. С. 119–124.

9. Калинина Т. М., Палий В. В. Иные меры уголовно-правового характера: научно-практический комментарий. М., 2011. 152 с.

10. Курганов С. И. Меры уголовно-правового характера // Уголовное право. 2007. № 2. С. 59–63.

11. Матвеева А. А. Конфискация имущества в современном законодательстве Российской Федерации // Вестник Московского университета. 2007. № 4. С. 14–31.

12. Набиуллин Ф. К. Некарательные меры уголовно-правового характера: природа, система и социально-правовое назначение: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2008. 24 с.

13. Ревин В. Я. Особенности конфискации имущества в уголовном законе // Российский следователь. 2007. № 24. С. 18–20.

14. Иванчин А. В. Уголовно-исполнительное право. Особенная часть: учебно-методическое пособие. Ярославль, 2015. 48 с.

15. Звечаровский И. Э. Некоторые вопросы внутриотраслевой рассогласованности норм уголовного законодательства (в аспекте задач Уголовного кодекса Российской Федерации) // Уголовное право. 2007. № 1. С. 20–24.

16. Практикум по уголовному праву. Части Общая и Особенная: учебное пособие / под ред. Л. Л. Кругликова. М., 2011. 348 с.

17. Гребенкин Ф. Б. Понятие, признаки и виды иных мер уголовно-правового характера

// Системность в уголовном праве: материалы II Российского Конгресса уголовного права, состоявшегося 31 мая – 1 июня 2007. М., 2007. С. 127–128.

18. Карпов К. Н. Иные меры уголовно-правового характера: системы, виды: монография. М., 2012. 208 с.

19. Скобелин С. Ю. Сущность и содержание мер уголовно-правового характера, альтернативных наказанию // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2009. № 4. С. 57–62.

20. Постановление Президиума Забайкальского краевого суда от 16.01.2014 № 44-у-210/к. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/oVbH9mUwRsZn> (дата обращения: 15.12.2016).

21. Апелляционное определение судебной коллегии суда Еврейской автономной области от 26.03.2013 по делу № 22-126/2013. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/otX5Qw9r77VT> (дата обращения: 15.12.2016).

22. Постановление Вышневолоцкого городского суда Тверской области от 01.08.2016 по делу № 10-21/2016. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/6b4TKMA3UpJp> (дата обращения: 15.12.2016).

23. Пропостин А. А. Конфискация имущества: прошлое, настоящее, будущее: монография. М., 2011. 264 с.

24. Приговор Кызылского городского суда Республики Тыва от 17.03.2016 по делу № 1-1033/201. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/xFQfSBZ6G5dC> (дата обращения: 15.12.2016).

25. Приговор Новоалтайского городского суда Алтайского края от 26.08.2016 по делу № 1-438/2015. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/irA8oh8Nhgdc> (дата обращения: 15.12.2016).

26. Приговор Ивановского районного суда Ивановской области от 21.07.2015 по делу № 1-119/2015. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/O9tALGNWuuLn> (дата обращения: 15.12.2016).

27. Приговор Шкотовского районного суда Приморского края от 11.09.2015 по делу № 1-31/201. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/Zo61dYa9pArX> (дата обращения: 15.12.2016).

УДК 159.9.019

Метасистемный уровень системы мотивации научной деятельности воздействует на субсистемный уровень. Наличие компонента преподавательской деятельности в структуре научной деятельности существенно изменяет характер взаимосвязей мотивации и продуктивности. У преподавателей вузов мотивационные субсистемы работают на повышение количественной продуктивности. У сотрудников научно-исследовательских институтов мотивационные субсистемы обеспечивают как количественную, так и качественную продуктивность научной работы. Даны рекомендации по организации систем мотивирования научного труда.

Ключевые слова: метасистемный уровень; мотивация научной деятельности; научный продукт.

This paper presents an argument that the metasystem level of scientific activity motivation affects the subsystem level. The teaching component in the structure of scientific activity substantially modifies the character of the relationship between the motivation and productivity. The motivational subsystems of university professors improve quantitative productivity. The motivational subsystems of employees of research institutions improve both quantitative and qualitative productivity of scientific activity. Recommendations on the organization of motivation systems of scientific work are done.

Keywords: metasystem level; motivation of scientific activity; research product.

А. В. Карпов

Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова

E-mail: karpov@bio.uniyar.ac.ru

Т. В. Разина

Филиал Московского психолого-социального университета в г. Ярославле

E-mail: razinat@mail.ru

Закономерности метасистемной детерминации продуктивности научной деятельности

Научная статья

A. V. Karpov

P. G. Demidov Yaroslavl State University

T. V. Razina

Yaroslavl Branch of the Moscow Psychology and Social University

Principles of Metasystem Determination of Scientific Productivity

Scientific article

Введение

В последние годы значительное внимание уделяется повышению продуктивности научного труда. От отечественных ученых требуют не только новых открытий, но и повышение наукометрических показателей – количество публикаций в журналах с высоким импакт-фактором, индексов цитирования. Предполагается, что так можно повысить мотивацию к научной деятель-

ности (МНД). Она представляет собой сложное, системное образование, которое, помимо материальных мотивов, включает массу прочих, зачастую доминирующих в научном труде, однако эти факторы очень часто не учитываются.

Теоретическая разработанность проблемы

Согласно концепции, созданной в рамках метасистемного подхода [1], МНД относится

© Карпов А. В., 2017

© Разина Т. В., 2017

к специфическому классу систем – со встроенным метасистемным уровнем [2]. Система МНД имеет структурно-уровневое строение: элементный, компонентный, подсистемный, системный и метасистемный уровни организации. На метасистемном уровне системе МНД онтологически представлены личностная, социально-историческая и предметно-деятельностная метасистемы. Метасистемы, включенные в систему МНД, трансформируют ее функциональные свойства и закономерности. В данной работе будет подробно рассмотрен вопрос о том, как предметно-деятельностная метасистема может влиять на взаимосвязь МНД и продуктивности научного труда.

Центральную роль в структурно-уровневой организации системы МНД играет качественно специфический уровень – подсистемный, который внутренне гетерогенен и образован синтезом десяти основных мотивационных подсистем: внешней, внутренней, познавательной, ценностной, рефлексивной, конкуренции, безопасности, достижений, антимотивации, косвенной, которые подробно рассмотрены в [2]. Когда результатами научного труда пытаются управлять с помощью материального стимулирования, то задействованными оказываются только внешняя мотивационная подсистема и отчасти подсистема безопасности. Основные мотивационные подсистемы, обеспечивающие научную деятельность смыслами (внутренняя, познавательная, ценностная), оказываются не вовлеченными в процесс научной деятельности. Для построения эффективной системы мотивирования научных кадров следует разработать и использовать способы воздействия на все десять мотивационных подсистем с учетом того, как именно эти подсистемы связаны с различными научными продуктами, поскольку в ряде случаев сила мотивационной подсистемы может, наоборот, привести к снижению продуктивности.

Одними из первых критерии научной продуктивности определили Д. Пельц и Ф. Эндрюс, учитывая количество статей в специальных научных изданиях, патентов и патентных заявок и неопубликованных научных отчетов [3, с. 32]. Авторы хорошо понимали недостаточность такого подхода и дополнили его методом экспертных оценок, который давал информацию о том, насколько велик научный вклад ученого.

В последние годы в качестве критерия научной продуктивности стали активно использовать

индекс цитирования [4, с. 30], который практически сразу подвергся резкой критике. В работах А. В. Юревича, Д. В. Ушакова и других авторов выявлена недостаточная эффективность индексов научного цитирования для оценки внутрироссийских достижений ученых, при том что оценка их международных достижений оказалась значительно точнее [5, 6]. При этом за рубежом J. Hurley [7] доказывает, что цитирование – довольно ненадежный критерий для оценки эффективности ученого. М. L. Frigotto и М. Riccaboni установили слабую взаимосвязь между индексом цитирования и способностью к творчеству у ученого [8]. Они предлагают использовать метод экспертной оценки, но отмечают, что его еще предстоит совершенствовать.

Не менее значимыми могут быть не только материальные, но и нематериальные продукты труда ученого: идеи, мысли, отношение к исследуемой эмпирической действительности, которые не нашли отражения в публикациях [9], создание научной школы [10], моральная поддержка, которую научный руководитель оказывает своему ученику [11]. L. Geller даже предлагает фиксировать высказывания в ходе научных совещаний, чтобы впоследствии установить, кто первый выдвинул ту или иную идею [12]. На данный момент отсутствуют надежные инструменты для фиксации нематериальных научных продуктов такого рода, однако необходимо помнить, что они также занимают важное место в труде ученого.

В предыдущих исследованиях [13] нами были установлены серьезные отличия в субъективных представлениях о том, что такое научный продукт у руководителей структурных подразделений в НИИ (руководители лабораторий) и в вузах (заведующие кафедрами). Методом сбора данных являлось индивидуальное интервью, методом обработки – контент-анализ.

В качестве наиболее универсальных продуктов, по которым руководители структурных подразделений оценивают научную деятельность своих сотрудников, выступают диссертации (НИИ – 13,6 %, вузы – 28,2 %). Руководители лабораторий уделяют внимание процессу работы, глубине исследований (15,3 %), знаниям, уму, опыту (10,12 %), а заведующие кафедрами в принципе не выделяют данные параметры. Вторым по значимости продуктом являются различного рода публикации (НИИ – 9,58 %, вузы – 26,5 %). Для руководителей лабора-

торий на втором месте по значимости выступают результаты полевых исследований («каменный материал», полевые записи, дневники, коллекции, собранные в экспедициях). Данный критерий полностью обусловлен спецификой научной отрасли. Геологам и биологам полевой материал крайне важен (и в вузах – 5,9 %, и в НИИ – 12,9 %). Для них статья в журнале – это вторичный результат. В то же время для минерологов (в НИИ), физиологов (в вузах) этот показатель неактуален, поскольку в структуре их предметной деятельности сбор полевого материала, его поиск и нахождение не представляют самостоятельной задачи.

Руководители лабораторий осознают, что далеко не всегда научный поиск приводит к результату, продукту, но это не снижает значимости научной работы, поэтому одним из критериев продуктивности выступает оценка процессуальных аспектов – качество проведения экспериментов и их «глубины» (15,3 %). К числу качественных показателей относятся и «знания, ум, опыт» (10,12%), а также рост научных результатов и опыта, знаний (2,5 %), которые выделяют лишь руководители лабораторий НИИ. Заведующие кафедрами в большей степени опираются на формальные, легко фиксируемые показатели (цитируемость – 6,9 %, количество монографий – 5,1 % и учебных пособий – 2,6 %).

Эмпирические результаты показывают нам качественные отличия в субъективных представлениях о значимости тех или иных продуктов научного труда в разных формах организаций, осуществляющих научную деятельность, что связано с их метасистемным характером.

В данной работе мы будем использовать традиционные количественные материальные критерии научной продуктивности (публикации, патенты, индексы цитирования и т. д.) и нетрадиционные (защищенные аспиранты, участие в конференциях).

Анализируя взаимосвязь между продуктивностью и мотивацией важно учитывать, что текущие продукты научной деятельности отражают состояние мотивации, которое возникло задолго до их появления, а текущая мотивация обуславливает продукты, которые еще только должны возникнуть. Между мотивационным толчком, например к защите диссертации, и ее результатом могут пройти многие годы, либо продукт может вообще никогда не возникнуть. Мотивация все это время будет продолжать изменяться. Соответственно,

исследовать связь научной продуктивности и мотивации возможно только ретроспективно.

Система МНД как система со встроенным метауровнем обладает собственными временем и собственными причинно-следственными связями. Это приводит к сложностям прогнозирования срока результатов научной работы. Также трудно установить причинно-следственную связь между мотивацией и научным продуктом. Мотив выступает причиной научного продукта, но и научный продукт, в свою очередь, может стать одним из компонентов МНД: когда автор видит, что его работу опубликовали, на нее есть положительные отзывы, то это в значительной степени мотивирует его дальнейшую работу. Соответственно, МНД организована по итеративному принципу.

Согласно принципу полиметасистемности, МНД – сложная многоуровневая система и на продуктивность будут влиять не только отдельные мотивы или мотивационные подсистемы, но и более высокий уровень организации – метасистемный, но не прямо, а косвенно, опосредованно. Со стороны личностной метасистемы существенное влияние оказывает уровень интеллекта, способностей, настойчивости и других личностных черт; со стороны социально-исторической метасистемы – особенности научной макро- и микросреды, экономическая ситуация, которые определяют допустимые и желаемые границы продуктивности в данном научном учреждении; со стороны предметно-деятельностной метасистемы – объективные возможности той или иной научной отрасли в плане появления принципиально новых результатов и их характер, структура научной деятельности отдельно взятого сотрудника, ее компоненты, соотношение основной и дополнительной работы.

Структура деятельности сотрудников вузов и сотрудников НИИ имеет принципиальные отличия. В вузах научно-исследовательская деятельность ведется в значительно меньших объемах. Во многом это связано с тем, что большую часть рабочего времени сотрудников вузов занимает преподавательская и учебно-методическая работа. Соответственно, наличие компонента преподавания в структуре деятельности может существенно повлиять не только на научную продуктивность, но и на структуру МНД. Однако часто руководство вузов не учитывает особенности структуры деятельности своих сотрудников, требует от них невозможно высоких научных результатов, а неспо-

способность дать их трактует как лень, нежелание работать, отсутствие одаренности, низкую мотивацию.

Мы предполагаем, что наличие в структуре трудовой деятельности научного работника не только научно-исследовательского компонента, но и компонента преподавания будет существенно изменять функционирование субсистемного уровня МНД в плане обеспечения научной продуктивности. Преподавательский компонент весьма опосредованно связан с собственно научной деятельностью и ее предельной целью – получением принципиально новых знаний. В преподавании большую значимость приобретает функция распространения знаний, хотя одно без другого, безусловно, невозможно.

Материалы и методы

Выборка исследования составила 443 испытуемых, осуществляющих научную деятельность, в том числе аспирантов и соискателей. В первую группу вошли 230 человек – сотрудники вузов (Костромской государственный технологический университет, Сыктывкарский государствен-

ный университет, Сыктывкарский лесной институт, Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова). Во вторую группу вошли 213 человек – научные сотрудники институтов РАН (Институт геологии, Институт физиологии, Институт химии, Институт биологии). Социально-демографические характеристики групп отражены в таблице. Сбор эмпирической информации осуществлялся в 2013–2016 гг. Помимо авторской методики диагностики МНД, также была использована анкета для фиксации показателей продуктивности научной деятельности.

Результаты и их обсуждение

Из таблицы видно, что продуктивность у сотрудников НИИ действительно выше, чем у сотрудников вузов, поскольку у них больше временных и экономических ресурсов, отсутствует необходимость осуществлять преподавательскую и учебно-методическую работу. Исключение составляет только РИНЦ, поскольку среди преподавателей вузов его указывали только те, у кого он достаточно высок (10 и более).

Таблица

Социально-демографические характеристики выборки и данные по научной продуктивности

Характеристики выборки	Сотрудники вузов, n = 230		Сотрудники НИИ, n = 213	
	Абс.	%	Абс.	%
Состав выборки				
Мужчины	108	46,9	105	49,3
Женщины	122	53,1	108	50,7
Возраст	45,1		42,4	
Стаж научно-исследовательской деятельности	19,3		18,8	
Без степени	65	28,3	52	24,4
Кандидаты наук	113	49,1	119	55,9
Доктора наук	52	22,6	42	19,7
Заведующие кафедрой, лабораторией, директора институтов или заместители	47	20,4	30	14,1
Члены диссертационных советов	14	6,1	25	11,7
Члены редколлегии научных журналов	17	7,4	23	10,8
Критерии продуктивности ¹	Среднее	Медиана	Среднее	Медиана
Общее количество научных трудов:	65,0	50	88,3	60
Монографий	3,0	2	4,0	3
статей в журналах ВАК	12,5	5	19,7	13
Патентов	3,5	2	7,2	2
Российский индекс научного цитирования	44,6	14	41,2	5
Научные труды за последние 3 года	13,9	10	18,2	15
Участие в конференциях за один год	2,5	2	2,8	3
Защищенные аспиранты	2,9	2	4,1	2

Обозначения: n – объем выборки, σ – стандартное отклонение, Абс. – абсолютное количество испытуемых в выборке

¹ Средние значения критериев рассчитываются для подгруппы испытуемых, которая их указала.

Результаты статистического анализа (t-критерий Стьюдента) показывают, что имеются существенные отличия в уровне отдельных мотивационных субсистем. У сотрудников НИИ выше, чем у сотрудников вузов, познавательная мотивация ($t = -2,5, p < 0,05$), а также мотивация безопасности ($t = -2,6, p < 0,05$). Последнее, возможно, обусловлено тем, что сбор данных осуществлялся непосредственно после реформы РАН в 2014 г. и научные сотрудники жили в ожидании последствий данной реформы – сокращений, увольнений и пр. У сотрудников вузов выше ценностная мотивация ($t = -3,2, p < 0,05$). Возможно, это происходит потому, что реализовать общечеловеческие, гуманистические ценности (в том числе и научные ценности) преподаватели могут в процессе обучения, передачи знаний студентам, что происходит практически ежедневно. Сотрудники НИИ могут наблюдать реализацию ценностей в продуктах и результатах своего труда лишь с существенной отсрочкой во времени. По остальным мотивационным субсистемам значимых отличий в данной выборке не установлено.

Качественные характеристики системы МНД в двух группах тоже не отличаются. Значение индекса экспресс $\chi^2 = 0,92$ при $p < 0,01$. Это говорит о практически полном подобии структур МНД у научных сотрудников в вузах и НИИ. Это позволяет считать, что различия в продуктивности обусловлены метасистемными эффектами, которые на уровне структуры системы не нашли своего отражения.

Данные по продуктивности были сопоставлены с данными диагностики МНД с помощью корреляционного анализа Спирмена и представлены на рисунке.

Результаты анализа показывают значимые корреляции небольшой силы между продуктивностью и мотивацией и совпадают с классическими [3, с. 153]. Также в наших исследованиях не обнаружилось зависимости по типу нормального распределения. Это еще раз подтверждает итеративный характер взаимосвязей между продуктивностью и мотивацией, поскольку в ином случае связи имели бы линейный характер и были бы более сильными.

У научных сотрудников вузов субсистемы достижений, внутренней, познавательной, антимотивации и ценностной мотивации имеют положительные корреляционные связи с большинством научных продуктов, (рис.) и, по-видимому, выполняют функцию обеспечения количественной продуктивности. Однако согласно временной логике более вероятно, что создание ученым тех или иных научных продуктов активизирует рост силы перечисленных мотивационных субсистем. Соответственно, не научные продукты являются функцией мотивации, а мотивация в определенной степени является функцией научного продукта.

В группе сотрудников НИИ только внутренняя и познавательная субсистемы положительно коррелирует с показателями продуктивности, но есть отрицательные связи между показателями продуктивности и силой субсистем безопасности и рефлексивной.

Рис. Корреляционные взаимосвязи (при $p < 0,05$) показателей продуктивности научной деятельности и уровня мотивационных субсистем в вузах и научно-исследовательских институтах (НИИ):
 1 – всего трудов; 2 – научные труды за последние 3 года; 3 – статьи в журналах ВАК; 4 – монографии; 5 – патенты; 6 – РИНЦ; 7 – защищенные аспиранты; 8 – участие в конференциях

Получается, что в силу этих мотивационных субсистем происходит снижение роста количественных показателей научной продуктивности. Чем больше ученый опасается за свою научную судьбу, боится рисковать и совершать ошибки, тем он менее продуктивен. В данном исследовании испытуемые с высокой мотивацией безопасности направлены не на результат, а на социальное одобрение, поэтому им сложнее проявлять творческую активность [14, с. 43].

Рефлексивно мотивированный ученый также озабочен проверкой своих выводов, тем, насколько они корректно сделаны, не поторопился ли он, выдавая желаемое за действительное, и не будет ли его работа низкого качества. Таким образом, рефлексивная субсистема работает на обеспечение качественного аспекта продуктивности.

У сотрудников вузов, вероятно, страх ошибки или повышенная критичность к себе больше выражены именно в преподавательской части их работы, а не в научно-исследовательской.

Если бы метасистемный уровень (а именно предметно-деятельностная метасистема) не вносил изменений в функции субсистемного уровня МНД, то вне зависимости от того, в какой группе устанавливали корреляционные связи, они были бы сходные по силе, направленности и содержанию. Принципиальные отличия не только в силе связей, но и в их содержании и направленности заставляют признать, что помимо того, что каждая мотивационная субсистема выполняет в отношении научной деятельности свои функции, метасистемный уровень, взаимодействуя с субсистемным, образует еще и новые функции, сообщающие системе МНД абсолютно иные свойства (в частности, обеспечение не только количественной, но и качественной продуктивности).

Заключение

Таким образом метасистемный уровень, в частности предметно-деятельностная метасистема, проявляет себя через метафункциональные образования: мотивационные субсистемы начинают приобретать или терять свои функции в плане обеспечения научной продуктивности.

В отношении практических рекомендаций по итогам исследования необходимо отметить, что, во-первых, при разработке систем стимулирования в научных организациях следует уста-

новить перечень и характер научных продуктов (количественные и качественные показатели научной продуктивности), а также разработать релевантные методики их оценки; во-вторых, расширить перечень стимулов и, помимо материальных, использовать и другие; в-третьих, в силу итеративности в организации системы МНД рекомендуется осуществлять поощрение сотрудников не только по факту получения результата, но и превентивно; в-четвертых важно учитывать индивидуальные особенности структуры МНД конкретного сотрудника, а также группы сотрудников в конкретных научных организациях, для чего необходимо разрабатывать индивидуальные системы мотивирования (на уровне персонала и научных групп, организаций). Системы стимулирования научной работы в вузах и НИИ должны иметь существенные отличия. В-пятых, поскольку МНД является крайне динамичным образованием, то система стимулирования должна гибко и оперативно перестраиваться, чтобы оставаться эффективной. Подобные системы стимулирования нельзя создать в одночасье, нужна серьезная предварительная диагностическая работа, а впоследствии – сопровождение данной системы. Необходима работа группы специалистов – руководителей структурных подразделений, экономистов, аналитиков, психологов – для создания действительно эффективной системы.

Ссылки

1. Карпов А. В. Психология деятельности: в 5 т. Т. I: Метасистемный подход. М.: РАО, 2015. 546 с.
2. Разина Т. В. Психология мотивации научной деятельности: методология, теория, эмпирические исследования. Сыктывкар: Изд-во СыктГУ, 2014. 296 с.
3. Пельц Д., Эндрюс Ф. Ученые в организациях: об оптимальных условиях для исследований и разработок. М.: Прогресс, 1973. 471 с.
4. Feist G. J. The development of scientific talent in Westinghouse finalists and members of the national academy of sciences // Journal of adult development. 2006. Vol.13, № 1. P. 23–35.
5. Гаврилова Е. В., Ушаков Д. В., Юревич А. В. «Местники» и «космополиты»: к вопросу о продуктивности ученых // Социологические исследования. 2016. № 9. С. 105–116.

6. Публикационная активность и цитируемость ученых: различия научных областей и возрастных когорт / Д. В. Ушаков, А. В. Юревич, Е. В. Гаврилова, Е. А. Гольшева // Социология науки и технологий. 2015. Т. 6, № 1. С. 16–28.
7. Scientific research effectiveness: the organisational dimension / ed. John Hurley. Dordrecht: Kluwer academic publishers, 2003. 219 p.
8. Frigotto M. L., Riccaboni A. A few special cases: scientific creativity and network dynamics in the field of rare diseases // *Scientometrics*. 2011. Vol. 89, Issue 1. P. 397–420.
9. Балаева А. В. Рефлексивная динамика продуктивности профессионально-творческой деятельности: на материале жизнедеятельности и трудов Н. Я. Пэрны: дис. ... канд. психол. наук. М., 2004. 221 с.
10. Ярошевский М. Г. Логика развития науки и научная школа // Школы в науке: сборник трудов / отв. ред. С. Р. Микулинский и др. М.: Наука, 1977. С. 7–97.
11. Мошкова Г. Ю. Личностно-психологические предпосылки научного творчества и их формирование // Грани научного творчества / под ред. А. С. Майданова. М.: ИФ РАН, 1999. С. 134–174.
12. Geller L. Data management in academic settings: an intellectual property perspective // *Science and engineering ethics*. 2010. Vol.16, Issue 4. P. 769–775.
13. Разина Т. В. Субъективные представления руководителей структурных подразделений о критериях продуктивности научного труда / Институт истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова. М.: ИИЕТ РАН, 2016. С. 212–215.
14. Amabile T. M. Motivating creativity in organizations: on doing what you love and loving what you do // *California management review*. 1997. Vol. 40, № 1. P. 39–58

УДК 159.922

Обсуждается состояние исследований по проблеме стилей общения (стилей делового общения). Выделяются двенадцать парадоксов изучения феномена: неопределенность категории «общение», множество несогласованных определений стилей общения, дефицитарность описания детерминант, «элементаризм» в описании и объяснении стилей, триединство компонентов общения и неопределенность состава их стилей, общение как индивидуальная активность и общение вне пространства и времени, статичность описания, общение как акты обмена, «лимит» факторов эффективности, стили общения вне их эволюции.

Ключевые слова: общение; деловое общение; стили; субъекты; взаимодействия; детерминанты; факторы; условия; ресурсы.

The author discusses condition of research related to the problem of business communication styles. He reveals twelve paradoxes of studying the phenomenon: uncertainty of the category of «communication», a lot of uncoordinated definitions of communication styles, lack of determinant's description, «elementarism» in describing and explaining styles, the trinity of communication components and the uncertainty of the styles' composition, communication as individual activity and communication outside space and time, static description, communication as acts of exchange, «limit» of efficiency factors, styles of communication outside it's evolution.

Key words: communication; business communication; styles; subjects; interactions; determinants; factors; conditions; resources.

В. А. Толочек

*Институт психологии РАН
E-mail: tolochek@psychol.ras.ru*

Стили делового общения: парадоксы изучения феномена*

Научная статья

V. A. Tolochek

Institute of psychology RAN

Styles of Business Communication: Paradoxes of Studying the Phenomenon

Scientific article

Введение. Проблема общения как особого вида активности человека в отечественной психологии решительно была обозначена Б. Д. Парыгиным [1], позже была поддержана Б. Г. Ломовым [2] и др. Проблемы *общения, стилей общения (СО) и стилей делового общения (СДО)* активно изучаются с 1970–1980-х годов в разных научных традициях. Для зарубежных исследований СДО характерен организационно-центрированный, личностно-центрированный или культурно-центрированный подходы, в русле которых деловое общение и стили рассматриваются: а) в структуре социальных (деловых) коммуникаций; в) в системе консультативных и психотерапевтических отношений людей; с) в их выраженной детерминации конфессией,

субкультурой, гендером, возрастом и т. п. [3–8 и др.]. Отечественные исследования чаще проводились в русле деятельностно-центрированного и субъект-центрированного подходов. Так, в русле деятельностного подхода проблема стилей нередко разрабатывалась как демонстрация инструментальных возможностей самого подхода [9; 10]; в проблематике стилей – как экспликация концепции индивидуального стиля деятельности на деятельность педагогов: воспитателей, учителей, преподавателей вузов, тренеров (наиболее последовательно – в работах, выполняемых под руководством Б. А. Вяткина и Е. П. Ильина); в педагогике – как условие успешности воспитания [11; 12]; в управленческой деятельности – как обозна-

* Исследование выполнено в рамках Государственного задания ФАНО, тема № 0159-2017-0005 «Ресурсные функции способностей разного уровня: эффекты интеграции и дифференциации в структуре индивидуальности».

чение дополнительных возможностей в управлении персоналом [9; 13].

Феномены общения, стилей общения и стилей делового общения: «состояние вопроса». Даже разделяя исследования проблемы общения в целом и изучение отдельных вопросов (стилей общения) в *зарубежной психологии* и в *отечественной психологии*, нельзя не видеть крайне слабую согласованность эмпирических данных и научных концепций, полученных и разработанных в русле разных научных подходов. Подобные несогласованности можно акцентировать, представляя их как множество методологических и эмпирических парадоксов. Рассмотрим некоторые из них.

Парадокс 1. Неопределенность категории «общение». Так, например, в русле деятельностного подхода оно понимается как *деятельность общения*, тогда как в русле субъектно-деятельностного подхода (а также вариантов его развития – процессуально-субъектного и др.) *общение* трактуется как особенная активность человека (наряду с другими – трудом, учением, игрой, созерцанием). Понимаем ли мы общение как особую активность человека, много определяющую в его поведении, деятельности, онтогенезе и субъектогенезе или же рассматриваем общение как нечто, по необходимости включенное в другие виды активности, как подчиненное им и ими обусловленное? Общение есть причина тех или иных проявлений человека (например, как субъекта) или же оно всего лишь следствие обстоятельств его истории? Вопрос неспральный.

Парадокс 2. Множество несогласованных определений стилей общения. Переходя от уровня категорий ко второму уровню теоретической структуры научного знания, уровню понятий, мы видим ожидаемые следствия – несогласованность между собой определений общения и стилей общения, представленных даже в рамках одного научного подхода.

Парадокс 3. Дефицитарность описания детерминант общения и стилей общения. В зависимости от методологических оснований подхода, научной концепции и практически ориентированных задач исследователями избирается лишь часть возможных детерминант при абстрагировании от тех, которые «не входят в круг понятий». Возможные детерминанты рассматриваются дизъюнктивно: либо они детерминируют, либо не детерминируют общение и стили

общения. Сочетания условий, уровни влияния, вопросы «полутонов» в детерминации стилей, как правило, не обсуждаются

Парадокс 4. «Элементаризм» в описании и объяснении стилей общения. Стили общения (СО), стили делового общения (СДО) представляются как множества связей отдельных параметров деятельности/ поведения и множества с ними коррелирующих биологических, психологических и социально-психологических особенностей человека. Вопросы естественных «единиц» СО и СДО чаще не ставятся. В качестве «единиц анализа» выступают отдельные действия и функции отдельных субъектов. Ни интеграция внешних и «внутренних условий» человека, предвещающая успешные взаимодействия отдельных людей, ни среда проявления их активности традиционно не входят полноценно в предмет исследований.

Парадокс 5. Триединство компонентов общения и неопределенность состава стилей. В отечественной психологии, начиная с работ Б. Д. Парыгина [1], сложилась общность представлений об основных компонентах общения, поддерживаемая ведущими специалистами – Г. М. Андреевой, А. А. Бодалевым, Л. А. Петровской, А. А. Леонтьевым и др. (перцептивные, коммуникативные, интерактивные или когнитивные, эмоциональные, интерактивные компоненты). Но когда речь заходит о стилях общения (т. е. более частном феномене), в работах исследователей утрачивается это общепризнанное единство. Фундаментальная триада компонентов уже не находит места в описании частных случаев [9–11].

Парадокс 6. Общение как индивидуальная активность. Типичным для эмпирических исследований являются анализ и описание общения как индивидуальной активности человека (его поведения или его деятельности как субъекта), вычлененной из социального контекста, ее описания вне условий решения конкретных задач, вне анализа роли активности «другого» т. е. партнера. В эмпирических исследованиях общение не рассматривается как взаимодействие людей, точнее, как функция их совместной активности.

Парадокс 7. Общение вне пространства и времени. Нередко анализ и описания общения представлены вне реального и единого пространства и времени жизнедеятельности человека. Общение крайне редко рассматривается как *система актов преобразования* некоторых условий простран-

ства и времени, как внешних, так и «внутренних условий» (по С. Л. Рубинштейну). Подобная трактовка общения видится ограниченной уже потому, что именно эффекты преобразования внутренних условий человека в процессах общения и совместной деятельности людей отмечаются в разных определениях человека как личности.

Парадокс 8. Статичность описания. Для описания общения (одного из наиболее спонтанных процессов) чаще избираются статичные модели. Объяснение этого можно искать в методологии психологии, в долгой сохранности первых математических приемов, предложенных еще в начале XX ст. для анализа описания проявлений психического. Современная психология крайне инертна и нечувствительна к освоению новых математических подходов (например, в обращении к математическому аппарату синергетики, давно активно используемому в биологии).

Парадокс 9. Диада альтернатив в проявлениях активности человека. В работах С. Л. Рубинштейна, его ближайших учеников и последователей (К. А. Абульхановой–Славской, Л. И. Анциферовой, А. В. Брушлинского и др.), равно как и сторонников деятельностного подхода (см. работы Г. М. Андреевой, А. Г. Асмолова, Ф. Е. Василюка, А. В. Мудрика, А. В. Петровского и др.) представлены и анализируются два типа отношений человека с миром – *приспособление* либо *преобразование* его условий. Такая бинарность мышления явно ограничивает наши возможности в изучении феномена. Есть достаточно оснований, чтобы от исторически первоначального для людей бинарного мышления обратиться к использованию, например, системных триад в описании разных явлений [14].

Парадокс 10. Общение как акты обмена. Анализ и описание общения людей исключительно лишь как *актов обмена* (информацией, энергией, эмоциональными реакциями, действиями, оценками), а не как процессов, в которых и *могут порождаться ресурсы* человека, должно считаться явно ограниченным подходом. Ключевыми вопросами в изучении общения людей должно стать порождение ресурсов в процессах взаимодействия людей [15–17] или разрушение ресурсов [18].

Парадокс 11. «Лимит» факторов эффективности общения. Факторы эффективности процесса и результатов общения людей в конкретных эмпирических исследованиях представляются в сильно

ограниченном диапазоне. Выявление условий, способствующих успешности профессиональной деятельности субъектов или препятствующих, за небольшим исключением [18–20], все еще остается в «прокрустовом ложе» научных традиций, сформированных к середине XX столетия.

Парадокс 12. Стили общения вне их эволюции. Эволюция стилей общения чаще не изучается. Динамика их качественных характеристик как «ответов» системы на изменения внешних и «внутренних условий» взаимодействующих людей чаще не обсуждается. Формирующиеся стили общения описываются вне системы «человек – мир», вне развития человека как активного субъекта своей жизнедеятельности (по К. А. Абульхановой-Славской).

Возможные перспективы изучения стилей делового общения. Эвристичные научные концепции, к слову также развивающиеся независимо друг от друга, все еще не находят области их возможной интеграции с проблематикой стилей общения и стилей делового общения. Среди таких концепций, методологические положения и концептуальные схемы которых могли бы стать весьма плодотворными для обсуждаемых здесь нами вопросов, могли бы выступать: *системогенетический подход* (представленный в работах А. В. Карпова, М. М. Кашапова, Ю. П. Поваренкова, В. Д. Шадрикова и др.); *экологическая психология* (представленная в работах С. Д. Дерябо, В. И. Панова, А. В. Капцова, В. А. Ясвина и др.); концепции *совместной деятельности* (представленные в работах А. Л. Журавлева, А. В. Карпова, В. И. Панова и др.); *ресурсный подход* (представленный в работах Н. Е. Водопьяновой, Е. В. Волковой, Д. А. Леонтьева, С. А. Хазовой и др.).

Намечая контуры возможных подходов к изучению феномена стилей делового общения, выделим несколько ключевых взаимосвязанных аспектов. *Первый* – постановка вопроса о *единстве структурно-функциональной организации, общность свойств и различие форм проявления разных стилей*, в том числе стилей общения и стилей делового общения. *Второй* – перенос акцентов на изучение *процессов взаимодействия системы и метасистемы*, т. е. системы и ее окружения с их взаимным влиянием друг на друга. *Третий* важный аспект – вопрос «единиц» стиля. Как правило, в качестве «единиц анализа» называют отдельные действия и функции отдельных субъектов.

Ни их интеграция, предвещающая успешные взаимодействия отдельных людей, ни среда проявления их активности еще не входили полноценно в предмет исследований. *Четвертый* – факторы времени и пространства в эволюции стилей как психологических систем. *Пятый* – психологические механизмы порождения ресурсов.

Рассмотрим возможности развития методологии изучения феномена СДО. Нами предложены представления о единстве структурно-функциональной организации разных стилей, об общности их свойств при различии форм их проявления [16; 17]. В отношении второго и третьего из выделенных выше аспектов заметим, что конструктивным и продуктивным представляется анализ феномена согласно методологии системогенетического подхода [19–22] с выделением *пяти иерархических уровней* анализа стилей делового общения (СДО): 1) элементарного (отдельных действий субъектов); 2) компонентного (трех подсистем стилей субъектов); 3) субсистемного (СДО отдельных субъектов); 4) системного (диады взаимодействующих субъектов); 5) метасистемного (роли среды в функционировании стилей взаимодействующих субъектов).

Можно предполагать, что в процессах взаимодействия двух и более субъектов общения формируется новая, очень динамичная, целостная социально-психологическая единица – «диада» («триада» и т. п.), становление и функционирование которой может поддерживаться теми или иными ресурсами, потенциально представленными и порождаемыми в *актуализированном пространстве и времени взаимодействия субъектов «диады» («триада» и т. п.)*. Некоторые из факторов пространстве и времени могут преобразовываться и в процессе взаимодействия с ними человека уже выступать в качестве *ресурсов*. В современной психологии ресурсы чаще рассматриваются как наличные данности. Более верным, на наш взгляд, является постановка вопроса об извлечении ресурсов, о процессах их актуализации, *психологических механизмах порождения ресурсов*.

Закключение. В эмпирических исследованиях стилей общения и стилей делового общения неадекватность одних концепций порождает ограниченность других. Так, нечеткость в выделении «единиц» и детерминант ведет к аморфности в описании стилей общения, аморфность – к игнорированию иерархии в организации и функционировании, становлении и развитии стилей,

игнорирование иерархии и моментов развития – к абстрагированию от целостных социальных контекстов жизнедеятельности человека. Наиболее адекватной видится постановка более широкой проблемы *адаптации человека в среде* (не к среде, а именно *в среде*, т. е. как перманентного процесса), отражающей реальные отношения в системе «человек – мир». Эти отношения можно компактно представлять в системной триаде психологических механизмов адаптации: *приспособление – преобразование – актуализация части условий* (выборочная, дифференцированная, приводящая к более полному и полноценному как в плане психофизиологических затрат социальному функционированию человека, так и в плане порождения *ресурсов*, поддерживающих его социальную успешность). Соответственно, и общение может и должно изучаться как важная и необходимая часть, как «клеточка» в целостной *системе «человек – мир»*.

В отечественной психологии созданы «достаточные и необходимые» методологические предпосылки для переформулирования проблемы стилей в психологии, рассмотрения ее в более широком масштабе, чем она была поставлена в свое время в разных научных школах

Ссылки

1. Парыгин Б. Д. Основы социально-психологической теории. М.: Мысль, 1971. 348 с.
2. Ломов Б. Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. М.: Наука, 1984. 226 с.
3. Eagly A. H., Jonson B. Involvement and Persuasion: types, traditions and evidence // Psychological bulletin. 1990. Vol.107. P. 265–283.
4. Feingold A. Gender and differences in personality // Psychological bulletin. 1994. Vol.116. P. 429–456.
5. Eagly A. H., Karau S. J., Makhyani M. G. Gender and effectiveness of leaders: A meta-analytic // Psychological bulletin. 1995. Vol.117. P. 125–145.
6. Feingold A. Gender and differences in personality // Psychological bulletin. 1994. Vol. 116. P. 429–456.
7. Regins B., Sundstrom E. Gender and Power in organizations: A longitudinal Perspective // Psychological bulletin. 1989. Vol.105. P. 51–88.
8. Roberts T. Gender and influence of evaluations on self-assessments in achievement setting // Psychological bulletin. 1991. Vol.109. P. 297–308.

9. Казаринова Н. В. Межличностная коммуникация: социально-конструкционистский анализ. СПб.: Питер, 2006. 147 с.
10. Творогова Н. Д. Системный подход к психологическому исследованию структуры деятельности общения личности // Комплексное исследование человека и формирование всесторонне развитой личности. М., 1975. С. 38–45.
11. Лабунская В. А., Менджерицкая Ю. А., Бреус Е. В. Психология затрудненного общения. М., 2001. 288 с.
12. Мудрик А. В. Общение как фактор воспитания школьников. М.: Педагогика, 1984. 111 с.
13. Савченко Т. Н., Головина Г. М. Факторы успешной деятельности и субъективное качество жизни: подходы, методы оценки, прикладные исследования. М.: Институт психологии РАН, 2006. 170 с.
14. Баранцев Р. Г. Синергетика в современном естествознании. М.: Едиториал УРСС, 2003. 144 с.
15. Толочек В. А. Интерсубъектные, интрасубъектные и внесубъектные ресурсы профессиональной успешности // Вестник университета (Государственный университет управления). 2008. № 2 (40). С. 155–161.
16. Толочек В. А. Проблема стилей в психологии: историко-теоретический анализ. М.: Институт психологии РАН, 2013. 320 с.
17. Толочек В. А. Стили деятельности: ресурсный подход. М.: Институт психологии РАН, 2015. 366 с.
18. Поддяков А. Н. Комплитологии: создание развивающих, диагностирующих и деструктивных трудностей. М.: ВШЭ, 2014. 284 с.
19. Карпов А. В. Рефлексивная детерминация деятельности и личности. М.: РАО, 2012. 476 с.
20. Кашапов М. М. Стадии творческого мышления профессионала. Ярославль: Ремдер, 2009. 380 с.
21. Поваренков Ю. П. Психология профессионального становления личности. Саратов: СГПУ, 2013. 319 с.
22. Шадриков В. Д. Психология деятельности человека. М.: Институт психологии РАН, 2013. 464 с.

УДК 372.2.01

Статья посвящена исследованию психологического благополучия и копинг-поведения в процессе профессионализации педагогов. Установлено, что существует связь между копинг-стратегиями «отвлечение», «избегание» и занимаемой должностью, уровнем образования, а также выявлена связь между надситуативным уровнем проблемности при решении педагогических проблемных ситуаций и показателями «занимаемая должность», «уровень образования», «стаж работы». Доказано влияние различных компонентов профессиональной деятельности на копинг-поведение, а также установлена его зависимость от психологического благополучия личности. Обосновано, что в процессе профессионализации происходит становление стрессоустойчивости, а не только достижение вершин в профессиональном развитии.

Ключевые слова: профессионализация; педагог; самореализация; копинг-поведение; психологическое благополучие; уровень проблемности.

The article is devoted to the study of psychological well-being and coping behavior in the process of professionalization of teachers. It is determined that there is a connection between coping strategies «distraction», «avoidance» and the position held, the level of education; also revealed a link between the suprasituational level of problems in solving pedagogical problem situations and the indicators «occupied position», «level of education», «work experience». The influence of various components of professional activity on coping behavior was proved, and the dependence of coping behavior on the psychological well-being of the individual is revealed. The authors justify that in the process of professionalization the subject becomes a stress-resistant, positive-minded person, not limited to achieving peaks in professional development.

Keywords: professionalization; teacher; self-realization; coping behavior; psychological well-being; problem level.

М. М. Кашапов

E-mail: smk007@bk.ru

Ю. О. Иванова

E-mail: juliya3@mail.ru

Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова

Взаимосвязь психологического благополучия и копинг-поведения в процессе профессионализации педагогов*

Научная статья

М. М. Kashapov

J. O. Ivanova

P. G. Demidov Yaroslavl State University

Interrelation Between Psychological Well-being and Coping Behavior in the Process of Teachers' Professionalization

Scientific article

Успешная профессионализация характеризуется социальной и профессиональной активностью субъекта, направленной на достижение психологического благополучия. Существенный теоретический вклад в понимание психологического благополучия внесли N. Bradburn [1], E. Diener [2; 3], R. M. Ryan, E. L. Deci [4], C. D. Ryff [5; 6], A. S. Waterman [7].

Ментальные ресурсы личности, обеспечивающие психологическое благополучие, описаны в работах Д. Канемана [8], R. S. Lazarus [9], S. Folkman [10], J. Loewinger [11], К. Роджерса [12], В. Франкла [13], Э. Фромма [14], S. E. Hobfoll [15], А. Маслоу [17], А. В. Bakker, E. Demerouti [18]. Ресурсный подход к саморегуляции психических состояний основан, по мнению J. B. Morton,

* Работа выполнена при поддержке РРГНФ (Проект № 16-06-00196а).

© Кашапов М. М., 2017

© Иванова Ю. О., 2017

F. W. Ezekiel, A. Heather, на понимании когнитивного контроля как механизма учёта и распределения ограниченных когнитивных ресурсов [18]. Нарушение нормального функционирования, ухудшение здоровья и другие негативные последствия стресса связываются, утверждает S. Folkman, с недостаточностью ресурсов и недостаточной эффективностью реализации стратегий копинга [19].

В. Д. Шадриков подчеркивает, что отношение к препятствию, возникающему на пути достижения психологического благополучия, выливается в действие, требующее соответствующей мобилизации ресурсов личности. Волевые качества усиливают мотивацию достижений, мобилизуя ресурсы индивида: энергетические, интеллектуальные, эмоциональные, духовные, активизируя процессы осознания деятельности и условий ее успешного выполнения [20]. В качестве одного из таких условий выступает когнитивный контроль, который рассматривается М. А. Холодной и А. А. Алексапольским как совокупность познавательных процессов, функционирующих с целью умственного моделирования решаемой проблемной ситуации. В процессе решения происходит нейтрализация астенических эмоций. При этом интеллектуальные способности отражают готовность психики субъекта к переработке информации, а когнитивный контроль является механизмом управления данным процессом. Производными от когнитивного контроля становятся аффективная и волевая регуляции познавательной деятельности [21].

Г. В. Ожиганова обращает внимание на то, что именно духовные способности позволяют человеку актуализировать, активизировать и мобилизовать ресурсные возможности, а «сами духовные способности могут выступать мощным ресурсом совладания, саморазвития и благополучия» [22, с. 200]. В диссертационном исследовании С. А. Хазовой доказано, что ментальные ресурсы повышают эффективность деятельности, в том числе и совладающего поведения, улучшают адаптацию, минимизируют риски развития, способствуют повышению уверенности в собственных силах, поддержанию позитивной Я-концепции и чувства субъективного благополучия [23, с. 10].

Самореализация личности, ее психологическое благополучие и особенности реагирования

на стресс играют важную роль в процессе профессионализации. Проблема становления профессионала, развитие его личности, по мнению В. Н. Дружинина, основывается на двух ключевых понятиях: «профессионализация субъекта труда» и «профессионал» [24]. В проведенных исследованиях показано, что на разных этапах профессионализации проявляются соответствующие компетентности и компетенции [25; 26]. Среди таких аспектов – надситуативное мышление как средство реализации ментального ресурса личности профессионала. В работе Ю. В. Пошехоновой обосновано, что обнаружение надситуативной проблемности может выступать регулятором развития профессионала, она взаимосвязана с эффективностью педагогической деятельности [27]. Т. В. Огородовой показано, что надситуативная проблемность может также выступать в качестве регулятора позитивного функционирования человека как субъекта деятельности [28]. М. М. Кашаповым рассмотрено, каким образом педагогическое мышление пронизывает основное содержание профессиональной деятельности учителя [29].

В целом такие качества, как ситуативность – надситуативность являются родовыми характеристиками педагогического мышления [30]. Исходя из этого можно предположить, что проявление видовых признаков обусловлено в основном особенностями ситуационного контекста педагогической деятельности, включающего как психологическое благополучие, так и копинг-поведение учителя.

Описание исследования

Цель: исследование взаимосвязи психологического благополучия и копинг-поведения в процессе профессионализации педагогов.

Задачи:

1. Установить связь между уровнем саморазвития в профессионально-педагогической деятельности, стажем работы, должностью и уровнем образования педагогов;

2. Выявить связи между совладающим поведением и психологическим благополучием педагогов.

Выборка исследования. В исследовании приняли участие 98 человек в возрасте от 19 лет до 61 года. Как отдельный показатель нами фиксировалась должность каждого испытуемого,

то есть показатель «должность» представлен в нескольких вариациях, где вариант 1 – это студент; вариант 2 – педагог дополнительного образования, педагог-психолог, педагог-организатор, воспитатель детского сада; вариант 3 – методист, заместитель директора, руководитель. Рост показателя «должность» в данном случае можно считать пропорциональным развитию уровня профессионализации. Также в исследовании учитывались такие показатели, как стаж работы и уровень образования. Показатель «уровень образования» имел два варианта: 1 – высшее, 2 – среднее.

Методология исследования

Применялись следующие методики: «Копинг-поведение в стрессовых ситуациях» (адаптация Т. Л. Крюковой); «Опросник на определение доминирующего уровня проблемности при решении педагогических проблемных ситуаций» (М. М. Кашапов, Ю. Н. Жихарева); тест «Рефлексия на саморазвитие» (Л. Н. Бережнова); шкала

психологического благополучия К. Рифф (адаптация Н. Н. Лепешинского).

В исследовании использовались методы статистической обработки эмпирических данных, такие как коэффициент ранговой корреляции Ч. Спирмена для анализа тесноты связей между перечисленными выше показателями и множественный регрессионный анализ для уточнения полученных результатов и выявления взаимовлияний интересующих нас показателей.

Результаты исследования

В нашем исследовании установлено, что существует **связь** между копинг-стратегиями «отвлечение», «избегание» и занимаемой должностью, а также уровнем образования. Также выявлена **связь** между надситуативным уровнем проблемности при решении педагогических проблемных ситуаций и показателями «занимаемая должность», «уровень образования», «стаж работы» (таблица 1).

Таблица 1

Корреляции между показателями профессионализации и показателями копинг-поведения (N = 98)

Копинг-поведение		Профессиональная деятельность		
		Должность	Образование	Стаж
Копинг-стратегии	Отвлечение	R = -0,308 (при p = 0,001)	R = 0,326 (при p = 0,001)	R = -0,306 (при p = 0,002)
	Избегание	R = -0,295 (при p = 0,003)	R = 0,293 (при p = 0,003)	R = -0,316 (при p = 0,001)
Надситуативный уровень проблемности		R = 0,297 (при p = 0,002)	R = -0,230 (при p = 0,022)	R = 0,314 (при p = 0,001)

Применение множественного регрессионного анализа позволило установить, что, помимо связи, существуют также и значимые показатели, характеризующие **влияния** различных аспектов профессиональной деятельности на копинг-поведение:

– влияние *занимаемой должности* на копинг-стратегии «отвлечение» (B = -0,298, при p = 0,002), «избегание» (B = -0,29, при p = 0,003) и на *надситуативный уровень проблемности* при решении педагогических проблемных ситуаций (B = 0,314, при p = 0,001);

– влияние *уровня образования* на «отвлечение» (B = 0,317, при p = 0,001), «избегание» (B = 0,288, при p = 0,003) и на *надситуативный уровень проблемности* при решении педагогических проблемных ситуаций (B = -0,256, при p = 0,01);

– влияние *стажа работы* на *надситуативный уровень проблемности* при решении педагогических проблемных ситуаций (B = 0,255, при p = 0,01).

Указанные выше аспекты личности как субъекта профессиональной деятельности («занимаемая должность», «уровень образования», «стаж работы») взаимосвязаны не только с копинг-поведением, но и с психологическим благополучием личности. Об этом свидетельствует выявленная с помощью коэффициента корреляции Спирмена **связь** следующих показателей:

– между *занимаемой должностью* и показателем психологического благополучия личности «управление окружением» (R=0,234, при p=0,01);

– между *уровнем образования* и показателем «личностный рост» (R = -0,258, при p = 0,01);

– между *стажем работы* и показателем психологического благополучия «*самопринятие*» ($R = 0,215$, при $p = 0,03$), а также показателем рефлексии на саморазвитие «*самооценка личностных качеств*» ($R = -0,243$, при $p = 0,01$).

При этом с помощью множественного регрессионного анализа установлены следующие **взаимовлияния** показателей:

– показатель «*занимаемая должность*» оказывает влияние на показатель психологического благополучия личности «*управление окружением*» ($B = 0,216$, при $p = 0,03$);

– имеющийся *уровень образования* влияет на показатель «*личностный рост*» ($B = -0,269$, при $p = 0,007$);

– *стаж работы* оказывает влияние на показатель «*самопринятие*» ($B = 0,224$, при $p = 0,026$), а также показатель «*самооценка личностных качеств*» ($B = -0,265$, при $p = 0,008$).

В контексте взаимосвязи характеристик личности как субъекта профессиональной деятельности («*должность*», «*уровень образования*», «*стаж работы*») и аспектов психологического благополучия личности обнаружена определенная закономерность. Помимо связи между профессиональными качествами личности и копинг-поведением, а также профессиональными качествами и психологическим благополучием личности, обнаружена **связь** психологического благополучия и копинг-поведением личности (таблица 2).

Таблица 2

Значимые корреляции между показателями психологического благополучия личности и показателями копинг-поведения (N = 98)

Саморазвитие/ психологическое благополучие		Стремление к саморазвитию	Самооценка личностных качеств	Управление окружением	Самопринятие	Общ. балл психологического благополучия
Копинг-поведение						
Копинг-стратегии	Решение задач	$R = 0,203$ (при $p = 0,044$)	$R = 0,225$ (при $p = 0,025$)	$R = 0,353$ (при $p = 0,0003$)	$R = 0,263$ (при $p = 0,008$)	
	Эмоциональное реагирование		$R = -0,30$ (при $p = 0,002$)	$R = -0,289$ (при $p = 0,003$)	$R = -0,307$ (при $p = 0,002$)	$R = -0,252$ (при $p = 0,01$)
	Отвлечение			$R = -0,224$ (при $p = 0,026$)	$R = -0,278$ (при $p = 0,005$)	$R = -0,257$ (при $p = 0,01$)
	Надситуативный уровень проблемности			$R = 0,310$ (при $p = 0,001$)		

Применение множественного регрессионного анализа позволило установить **взаимовлияние** перечисленных в таблице 2 параметров:

– показатель восприятия собственного развития «*стремление к саморазвитию*» оказывает влияние на копинг-поведение, направленное на *решение задач* ($B = 0,254$, при $p = 0,01$);

– показатель восприятия собственного развития «*самооценка личностных качеств*» влияет на копинг-поведение, направленное на *решение задач* ($B = 0,220$, при $p = 0,029$) и *эмоциональное реагирование* ($B = -0,305$, при $p = 0,002$);

– показатель психологического благополучия «*управление окружением*» оказывает влияние на копинг-поведение, направленное на *решение задач* ($B = 0,371$, при $p = 0,0001$), *эмоциональное реагирование* ($B = -0,264$, при $p = 0,008$), *отвлечение*

($B = -0,277$, при $p = 0,005$) и *надситуативный уровень проблемности* при решении педагогических проблемных ситуаций ($B = 0,320$, при $p = 0,001$);

– показатель психологического благополучия «*самопринятие*» влияет на копинг-поведение, направленное на *решение задач* ($B = 0,305$, при $p = 0,002$), *эмоциональное реагирование* ($B = -0,301$, при $p = 0,002$) и *отвлечение* ($B = -0,345$, при $p = 0,0004$);

– показатель «*общий балл психологического благополучия*» влияет на копинг-поведение, направленное на *эмоциональное реагирование* ($B = -0,26$, при $p = 0,009$) и *отвлечение* ($B = -0,347$, при $p = 0,0004$).

Интерпретация результатов исследования

Исследование сотрудников общеобразовательных учреждений и будущих специалистов данной

сферы показало, что, во-первых, высокий уровень занимаемой должности (вариант 3, то есть руководитель/ методист/ заместитель директора) снижает вероятность выбора копинг-поведения, ориентированного на отвлечение, избегание; при этом решение педагогических проблемных ситуаций осуществляется на надситуативном уровне проблемности.

Во-вторых, установлено, что уровень образования, а именно отсутствие высшего образования, оказывает прямое влияние на выбор копинг-стратегий «отвлечение» и «избегание». Также при отсутствии высшего образования уменьшается выбор надситуативного уровня проблемности при решении педагогических проблемных ситуаций. А с увеличением стажа работы, наоборот, происходит преобладание надситуативного уровня проблемности при решении педагогических проблемных ситуаций.

Следовательно, можем утверждать о преобладании у сотрудников руководящих должностей с большим стажем и высшим образованием более продуктивного копинг-поведения.

В-третьих, выявлено, что у сотрудников руководящих должностей преобладает более высокий показатель такого компонента психологического благополучия личности, как «управление окружением». А отсутствие высшего образования снижает показатель психологического благополучия «личностный рост». При этом увеличение стажа работы у сотрудников образовательной сферы положительно влияет на такой аспект психологического благополучия, как «самопринятие», и негативно влияет на параметр восприятия собственного развития «самооценка личностных качеств».

В-четвертых, сотрудники педагогической сферы с высокими показателями психологического благополучия и положительным мнением о саморазвитии в профессиональной деятельности склонны к более продуктивному реагированию при возникновении проблемных ситуаций. Так, выявлено, что высокие показатели «управление окружением» и «самопринятие», а также высокие показатели параметров рефлексии на саморазвитие – «стремление к саморазвитию», «самооценка личностных качеств» – увеличивают вероятность выбора продуктивного копинг-поведения, направленного на «решение задач» и надситуативного уровня проблемности при решении педагогических проблемных ситуаций.

Выводы

1. Установлено существование связи между уровнем саморазвития в профессионально-педагогической деятельности, стажем работы, должностью и уровнем образования.
2. Выявлено наличие связи между совладающим поведением и психологическим благополучием в профессиональной сфере.
3. Доказано проявление определенной закономерности в процессах взаимовлияния копинг-поведения, психологического благополучия и профессиональной деятельности. Такие параметры профессионального становления, как должность, уровень образования, стаж, представление о саморазвитии в профессиональной сфере, оказывают влияние на копинг-поведение и психологическое благополучие личности. Следует отметить, что психологическое благополучие, в свою очередь, влияет на копинг-поведение.

Ссылки

1. Bradburn N. The Structure of Psychological Well-Being. Chicago: Aldine Pub. Co., 1969. 320 p.
2. Diener E. Cross-cultural correlates of life satisfaction and self-esteem // Journal of Personality and Social Psychology. 1995. № 68. P. 653–663.
3. Diener E. Subjective well-being // Psychological Bulletin. 1984. № 95. P. 542–575.
4. Ryan R. M., Deci E. L. Self-determination theory and the facilitation of intrinsic motivation, social development, and well-being // American Psychology. 2000. № 55. P. 68–78.
5. Ryff C. D. Happiness is everything, or is it? Explorations on the meaning of psychological well-being // Journal of Personality and Social Psychology. 1989. № 57. P. 1069–1081.
6. Ryff C. D. Psychological well-being in adult life // Current Directions in Psychological Science. 1995. № 4. P. 99–104.
7. Waterman A. S. Two conceptions of happiness: contrasts of personal expressiveness (eudaimonia) and hedonic enjoyment // Journal of Personality and Social Psychol. 1993. № 64. P. 678–691.
8. Канеман Д. Внимание и усилие. М.: Смысл, 2006. 288 с.
9. Lazarus R. S. Emotions and interpersonal relationships: toward a person-centered conceptualization of emotions and coping // Journ. of Personality. 2006. Vol. 74 (1). P. 9–46.

10. Lazarus R. S. Transactional theory and research on emotion and coping / R. S. Lazarus, S. Folkman // *Eur. J. Pers.* 1987. Vol. 1. P.141–169.
11. Loevinger J. Ego development: Questions of method and theory. *Psychological Inquiry*. 1993. Vol. 4, P. 56–63.
12. Роджерс К. Р. Взгляд на психотерапию. Становление человека. М.: Прогресс, Универс, 1994. 480 с.
13. Франкл В. Человек в поисках смысла. М., 1990. 368 с.
14. Фромм Э. Человеческая ситуация. М.: Смысл, 1995. 238 с.
15. Hobfoll S. E. Resource loss, resource gain, and emotional outcomes among inner city women / S. E. Hobfoll, R. J. Johnson, N. Ennis, A. P. Jackson // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2003. Vol. 84. P. 632–643.
16. Маслоу А. По направлению к психологии бытия. М.: Эксмо, 2002. 272 с.
17. Bakker A. B., Demerouti E. The Job Demands-Resources model: state of the art // *Journal of Managerial Psychology*. 2007. Vol. 22, № 3. P. 309–328.
18. Morton J. B., Ezekiel Fredrick Wilk, Heather A. Cognitive Control: Easy to Identify But Hard to Define // *Topics in Cognitive Science*. 2011. Vol. 3(2). P. 212–216.
19. Folkman S. Holistic approaches to coping: Appealing but unwieldy. *Commentaries on Sommerfield* // *Journal of Health Psychology*. 1997. Vol. 2. P. 155–156.
20. Шадриков В. Д. Ментальное развитие человека. М.: Аспект-Пресс, 2007. 327 с.
21. Холодная М. А., Алексапольский А. А. Интеллектуальные способности и стратегии совладания // *Психологический журнал*. 2010. Т. 31, № 4. С. 59–68.
22. Ожиганова Г. В. Духовные способности как ресурс жизнедеятельности. М.: Институт психологии РАН, 2016. 282 с.
23. Хазова С. А. Ментальные ресурсы субъекта в разные возрастные периоды: дис. ... д-ра психол. наук. Кострома, 2014. 423 с.
24. Психология: учебник для гуманитарных вузов. 2-е изд. / под общ. ред. В. Н. Дружинина. СПб.: Питер, 2009. 656 с.
25. Кашапов М. М., Киселева Т. Г., Коточикова Е. В. Компетентность: понятие, виды, основные подходы к диагностике компетентности психолога // *ЧФ: Социальный психолог*. 2003. Вып. № 1 (5). С. 39–44.
26. Креативность как ключевая компетентность педагога: монография / под ред. М. М. Кашапова, Т. Г. Киселевой, Т. В. Огородовой. Ярославль: Индиго, 2013. 392 с.
27. Пошехонова Ю. В. Профессиональная субъектность и возможная роль метапознания в ее становлении на этапе профессионального обучения // *Когнитивно-акмеологические основы профессионального становления субъекта: монография*. Ярославль: Индиго, 2013. С. 80–94.
28. Огородова Т. В. К вопросу о творческом мышлении экономистов // *Творческая деятельность профессионала в контексте когнитивного и метакогнитивного подходов* / под науч. ред. М. М. Кашапова, Ю. В. Пошехоновой. Ярославль, 2012. С. 245–256.
29. Кашапов М. М. Теоретические основы исследования и формирования педагогического мышления // *Вестник Российского гуманитарного научного фонда*. 2001. № 1. С. 121–131.
30. Кашапов М. М. Психология творческого мышления: учеб. пособие М.: ИНФРА-М, 2017. 436 с.

УДК 159.9.07

В статье описаны результаты исследования особенностей «неустановленных отношений» в организациях сферы среднего образования. Сравнивались между собой группы, включающие испытуемых с различным интеллектуальным статусом, в частности со смешанными специфическими расстройствами психологического (психического) развития. С помощью математических процедур показано, что учебные коллективы, где обучаются подростки и лица юношеского возраста, имеющие нарушения интеллектуального развития, по выраженности и структуре буллинга существенно не отличаются от обычных классов и групп.

Ключевые слова: «неустановленные отношения»; буллинг; инклюзивное образование; смешанные специфические расстройства психологического развития.

The article describes the results of empirical studies of bullying in the organizations of secondary education. A comparison was made of groups of subjects with different intellectual status, in particular, with mixed specific disorders of psychological (mental) development. With the help of mathematical procedures it was shown that the intensity and structure of bullying in study groups which include teenagers and young people with intellectual disabilities do not differ significantly from regular classes and groups.

Keywords: harassment relations; bullying; inclusive education; mixed specific disorders of psychological development.

Е. В. Конева

E-mail: ev-kon@yandex.ru

В. К. Солондаев

E-mail: solond@yandex.ru

Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова

А. А. Пелевина

E-mail: antonina-pelevina@mail.ru

УМВД России по Ярославской области

«Неустановленные отношения» в учебных коллективах*

Научная статья

Е. В. Конева

В. К. Солондаев

P. G. Demidov Yaroslavl State University

А. А. Пелевина

Department of internal Affairs of Russia Yaroslavl region

Harassment Relations in Student Groups

Scientific article

Идея инклюзивного образования продолжает быть актуальной, несмотря на проблемы, сопровождающие ее претворение в жизнь. Они связаны как с собственно образовательным процессом, так и с социально-психологической атмосферой, которая складывается в инклюзивных учебных кол-

лективах. Первая группа проблем вызвана сложностью преподнесения учебного материала людям с различным интеллектуальным статусом, когда в школьный класс или учебную группу входят как обучающиеся с интеллектуальными нарушениями, так и с обычными умственными способностями.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект № 15-06-10643.

© Конева Е. В., 2017

© Солондаев В. К., 2017

© Пелевина А. А., 2017

(Как правило, инклюзия распространяется именно на лиц с особым интеллектуальным статусом; обучение в обычном классе слабослышащих, слабовидящих или людей с серьезными нарушениями опорно-двигательного аппарата относительно редко).

Группа проблем социально-психологического характера связана с тем, что лица с умственной отсталостью, а также дети и подростки, имеющие смешанные специфические расстройства психологического (психического) развития, обладают психологическими особенностями, которые могут вызвать напряженность в отношениях и между самими носителями особого интеллектуального статуса, и в ходе их контактов с педагогами и другими детьми. Кроме того, на характер общения в инклюзивных образовательных коллективах, разумеется, влияет отношение обучающихся без отклонений в развитии к одноклассникам, имеющим таковые.

В этой связи целесообразно рассмотрение феномена «неуставных отношений» (системы официально недекларируемых форм физического и психического насилия, обеспечивающих доминирующее положение старших по нерегламентированному статусу в группе над младшими) в коллективах инклюзивного образования. (Применительно к образовательным структурам данный феномен получил название буллинга.) Однако перед таким исследованием встают серьезные организационные трудности.

Во-первых, большинство образовательных учреждений предпочитают объединять обучающихся с особым интеллектуальным статусом в отдельные классы или группы. Во-вторых, даже формально будучи инклюзивным, образовательный коллектив зачастую по сути не является таковым. Стремясь достичь, насколько это возможно, оптимальных условий работы педагогического коллектива, администрация образовательных учреждений «уравнивает» обучающихся в классе или группе по их интеллектуальному уровню. Другими словами, в коллектив, где обучаются лица с особым интеллектуальным статусом, включаются дети или подростки, не имеющие клинического диагноза, но отличающиеся низким уровнем интеллектуального развития.

Тем не менее важно понять, имеются ли особенности буллинга, и если да, то какие именно, в учебных коллективах, объединяющих лиц со смешанными специфическими расстройствами психологического (психического) развития. Такое иссле-

дование целесообразно, в числе прочего, и с точки зрения перспективы инклюзии, касающейся детей и подростков с соответствующими нарушениями.

Шаги в этом направлении были предприняты в работе сербских ученых N. Glumbic и V. Zunic Pavlovic. Испытуемыми были подростки, как юноши, так и девушки, с легкой степенью умственной отсталости. Большинство не показало никаких склонностей к агрессивному поведению, вероятность буллинга с их стороны не диагностирована, так же как и склонность к виктимизации. (Приводится по: Козлова О. В. Феномен психологического риска в образовании в некоторых зарубежных исследованиях начала XXI века // Современная зарубежная психология. 2013. № 3. С. 93–103). Таким образом, укоренившееся представление, что лица с интеллектуальными отклонениями в большей степени подвержены буллингу по сравнению с обычными школьниками, не нашло подтверждения.

Нами использовалась методика, выявляющая «неуставные отношения» в образовательных учреждениях и в организациях различных форм собственности (разработка А. А. Пелевиной [1]).

Методика предполагает диагностику представлений испытуемых о наличии в организации или учебном коллективе отдельных проявлений неуставных отношений. Перечислим их варианты.

Внутригрупповая поляризация – социально-психологический феномен, который является результатом систематического обмена мнениями между участниками совместной деятельности и порождает микрогруппы с полярными позициями.

Социальная регуляция поведения в группе – система специфических этапов вхождения в группу и пребывания в ней. Соблюдение правил на каждом этапе обуславливает процесс перехода из аутгруппы в ингруппу.

Дискриминация членов аутгруппы – когнитивное, эмоциональное и поведенческое предпочтение партнеров по общению, если они являются членами ингруппы, и соответствующее ущемление членов аутгруппы.

Принуждение к погашению фактического или мнимого долга – систематическое нерегламентированное извлечение выгоды субъектами «неуставных отношений» посредством эксплуатации ресурсов членов аутгруппы.

Внутригрупповая иерархия – иерархическое разделение членов группы в соответствии со

специфическими показателями их принадлежности к той или иной микрогруппе.

Землячество – образование микрогрупп по территориальному принципу, который связан с местом проживания до прибытия в учреждение. Микрогруппы являются внутренне закрытыми, и в них отсутствуют элементы «неустановленных отношений».

Испытуемые. Выборка исследования включала 113 юношей и 53 девушки в возрасте от 13 до 19 лет и состояла из 7 групп:

группа 1 – обучающиеся профессионального колледжа, не имеющие клинически выраженных нарушений интеллектуального развития, – 32 человека: 16 юношей и 16 девушек, медиана возраста 17 лет;

группа 2 – обучающиеся колледжа со смешанными специфическими расстройствами психологического развития – 22 человека: 13 юношей и 9 девушек, медиана возраста 15 лет;

группа 3 – воспитанники интерната со смешанными специфическими расстройствами психологического развития – 16 человек: 15 юношей и 1 девушка, медиана возраста 16 лет;

группа 4 – слабоуспевающие школьники, не имеющие клинического диагноза, – 16 человек: 13 юношей и 3 девушки, медиана возраста 14 лет;

группа 5 – школьники со смешанными специфическими расстройствами психологического развития – 49 человек: 32 юноши и 17 девушек, медиана возраста 14,5 лет;

группа 6 – школьники, не имеющие клинических психических расстройств, не имеющие специфических особенностей успеваемости, – 46 человек: 30 юношей и 16 девушек, медиана возраста 16 лет. Данная группа рассматривалась как контрольная по отношению к испытуемым с интеллектуальными нарушениями или нарушениями успеваемости.

Каждая группа, за исключением контрольной, представляла собой отдельный школьный класс или учебный коллектив колледжа.

Использовался анализ значимости различий, кластерный анализ, дисперсионный анализ.

Результаты и их интерпретация. В основном группы незначимо отличаются друг от друга по среднему баллу, полученному по методике. Суммарный балл у испытуемых, имеющих расстройство развития и не имеющих такового, не различается статистически значимо: $W=4383,5$, $p\text{-value} = 0,48$. То же самое касается всех

дескрипторов за исключением «землячества», которое значимо выше в группе испытуемых с расстройством развития: $W = 5131$, $p\text{-value} = 0,03$.

При этом внутри групп наблюдается значительный разброс оценок. Это вызвало необходимость применения процедуры кластеризации всей выборки (табл.1), в результате чего выделились отчетливые совокупности испытуемых с высокой, средней и низкой выраженностью изучаемого феномена (рис.1).

Таблица 1

Данные кластеризации

	Кластер 1		Кластер 2		Кластер 3	
	среднее	станд. откл.	среднее	станд. откл.	среднее	станд. откл.
Сумма НУ	63,00	4,37	74,28	2,40	85,22	4,55
Внутригрупповая поляризация	5,59	1,48	6,81	1,65	7,86	1,31
Социальная регуляция	10,97	2,06	11,91	2,43	13,47	1,89
Дискриминация аутгруппы	14,31	2,78	16,78	2,76	19,16	3,04
Долги	17,17	2,85	19,81	2,73	22,43	2,30
Нерегламентированная иерархия	8,93	2,14	12,12	2,46	13,82	1,37
Землячество	6,03	2,29	6,84	2,48	8,47	2,56

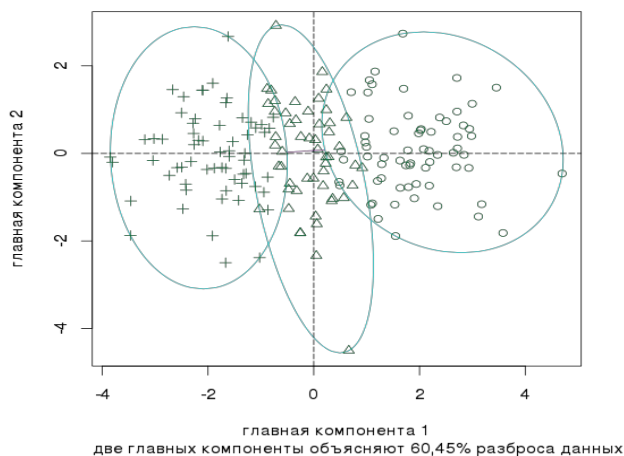

Рис. 1. Результаты кластеризации генеральной совокупности

Заметим, что в целом выраженность «неустановленных отношений» в образовательных учреждениях невысока (согласно нормам используемой методики, имеющей обратную шкалу, уровень изучаемого

феномена ниже 60 баллов является высоким; 61–75 баллов – средним; 76 и выше баллов – низким). Эти данные в определенном смысле согласуются с результатами, полученными в исследовании В. С. Собкина [2], согласно которым около 40 % старшеклассников (исследование проводилось в Москве и Риге) никогда не сталкивались с психическим или физическим насилием в школе; примерно половина остальных опрошенных эпизодически становились жертвами психического насилия. При этом причины невысокой выраженности буллинга в упомянутой работе и в нашем исследовании объясняются, с нашей точки зрения, разными причинами. В работе В. С. Собкина исследователи задавали испытуемым прямые вопросы: «Приходилось ли Вам испытывать на себе насмешки, издевательства или игнорирование со стороны одноклассников?»; «Приходилось ли Вам становиться жертвой избиения, нанесения вреда имуществу или принуждения к совершению поступков, которые Вы не хотели делать (например, отдавать деньги, завтраки и т. п.), со стороны одноклассников?» – и часть испытуемых, вероятно, избегали обнародовать факты буллинга, несмотря на его наличие. Утверждения, составившие нашу методику, касались более широкого диапазона проявления «неустановленных отношений», в том числе таких внешне обыденных феноменов, как, например, разделение членов группы на микрогруппы, и наши испытуемые относились к этим явлениям как к естественным, нормальным для функционирования группы, соответственно присваивая им низкие значения.

Результаты таблицы 2 позволяют рассмотреть количественную представленность испытуемых с различной степенью принятия неустановленных отношений в разных исследуемых группах.

Таблица 2

Частота встречаемости испытуемых, относящихся к отдельным кластерам, в исследуемых группах

№ группы	Высокая выраженность феномена	Средняя выраженность феномена	Низкая выраженность феномена
1 (колледж)	15 (47 %)	12 (37 %)	5 (16 %)
2 (колледж, ЗПР)	10 (45 %)	6 (26,5 %)	6 (26,5 %)
3 (интернат, ЗПР)	12 (75 %)	3 (19 %)	1 (6 %)
4 (школьники, низкая успеваемость)	8 (47 %)	5 (29 %)	4 (24 %)
5 (школьники, ЗПР)	11 (22 %)	18 (37 %)	20 (41 %)
6 (школьники, «контрольная группа»)	10 (22 %)	9 (20 %)	27 (58 %)

В результате кластерного анализа исследуемые группы объединились в две совокупности: в одну вошли группы 1, 2, 3, 4, во вторую – группы 5 и 6. Каждую совокупность составили группы, сходные по представленности в них испытуемых с высокой, средней и низкой выраженностью принятия буллинга. Сравнение полученных совокупностей показало, что различия между ними значимы ($X^2 = 21.206$, $df = 2$, $p\text{-value} = 2.484e-05$). В частности, статистически значимо различается суммарный балл по методике: в первой совокупности он составил 69.1, во второй 77.5 ($W = 2211.5$, $p\text{-value} = 4.4e-70$), из чего следует, что уровень буллинга в первом объединении учебных групп выше, чем во втором, и по нормам методики относится к высоким показателям. Также с преобладанием выраженности феноменов в первом массиве групп различаются все дескрипторы, за исключением социальной регуляции поведения в группе.

Таким образом, школьники со смешанными специфическими особенностями развития более сходны по «неустановленным» проявлениям с контрольной группой, чем с подростками и юношами, обучающимися в колледже и находящимися в условиях интерната, имеющими аналогичное нарушение развития. В то же время слабоуспевающие школьники (группа 4) аналогичны по выраженности буллинга группам образовательных учреждений, объединяющим учащихся с расстройством развития.

Из приведенных результатов следует, что обучающиеся со смешанными специфическими расстройствами психологического развития представляют собой неустойчивый в отношении буллинга контингент, способный проявлять как характеристики относительно свободной от данного явления группы, так и группы с противоположной направленностью. Не менее важно, что по параметру «неустановленных отношений» школа, по-видимому, относительно более благоприятная, менее психологически опасная среда для обучающихся с расстройствами развития, чем колледж и интернат.

Таким образом, выраженность буллинга в группе лиц со смешанными специфическими расстройствами психологического развития существенно не отличается от таковой у группы испытуемых, не имеющих отклонений. Это дает основания для предположения, что даже в усло-

виях смешанной группы (то есть в учебном коллективе, включающем как детей или подростков с некоторыми интеллектуальными отклонениями, так и обычных обучающихся) проявления «неуставных отношений» ни количественно, ни качественно не отличаются от соответствующих феноменов в обычных, неинклюзивированных классах или группах. Еще один аргумент в пользу такого предположения – высокая способность лиц со смешанными специфическими расстройствами психологического развития выполнять функции асоциального лидерства, объединять людей для выполнения социально неодобряемой деятельности, пользуясь главным образом механизмом заражения. Более того, само расстройство в силу сниженного волевого контроля, а возможно, отчасти стигматизации предрасполагает к этому, ограничивая возможности позитивной социальной адаптации и продуцируя соответствующие компенсаторные формы поведения. Еще раз отметим, что эти обучающиеся обычно включены в коллектив, где вместе с ними учатся лица, не обладающие высоким интеллектуальным и личностным потенциалом. Кроме того, сама по себе выборка испытуемых со смешанными специфическими расстройствами развития разнородна как по степени проявления этого расстройства, так и по «мозаике» особенностей, составляющих эту выборку. Всё это обуславливает достаточно успешную социально-психологическую адаптацию лиц со смешанными специфическими расстройствами в учебных коллективах,

что и делает эти коллективы в основном не отличающимися от обычных классов и групп. Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы.

1. Смешанные специфические расстройства развития сами по себе не оказывают влияния на степень и структуру проявлений «неуставных отношений» (буллинга) в учебных коллективах. Микросоциальные условия (в нашем случае – условия обучения) – более сильная детерминанта «неуставных отношений» (буллинга), нежели интеллектуальный статус обучающихся.

2. Отдельные проявления буллинга в разной степени присутствуют в учебных группах, то есть обладают разной степенью специфичности в отношении отдельных групп. В частности, «принуждение к погашению фактического или мнимого долга», а также «нерегламентированная внутригрупповая иерархия» наиболее отчетливо отличает группы друг от друга.

Ссылки

1. Пелевина А. А. «Неуставные отношения» как социально-психологический феномен: дис. ... канд. психол. наук. Ярославль, 2014. 244 с.
2. Собкин В. С. Булинг в стенах школы: влияние социокультурного контекста (по материалам кросскультурного исследования) // Социальная психология и общество. 2014. № 2. С. 73–84.

УДК 159.95

Работа посвящена исследованию влияния эмоционального состояния человека на процесс решения инсайтных задач. Проверяется гипотеза о том, что ключевым этапом решения, на который эмоция влияет в большей степени, является этап инкубации, как наиболее связанный с неосознаваемой переработкой информации. Полученные результаты позволяют говорить о двойственном характере влияния эмоционального состояния: ингибции протекания когнитивных процессов, предположительно связанной с отвлекающим воздействием эмоциогенной стимуляции, и мотивационном влиянии эмоции на стремление к достижению результата. Неоднозначность полученных результатов и расхождение их с гипотезами показывают необходимость дальнейшей разработки модели воздействия эмоций на процесс решения и совершенствования исследовательских процедур.

К л ю ч е в ы е с л о в а : инсайт; эмоции; мыслительная задача; процесс решения; инкубация.

The paper deals with the influence of emotional state on the insight problem solving. The hypothesis that a key stage of problem solving which is mostly affected by emotions is incubation stage as mostly associated with unconscious information processing. The results obtained allow us to speak about the dual nature of the emotional state, inhibition of cognitive processes presumably related to the distracting influence of emotional stimulation, and motivation influence of emotions on a wishing to achieve results. The ambiguity of the results and their discrepancy with the hypotheses suggest the need for further development of the model of emotion influence on the problem solving and improving research procedures.

К e y w o r d s : insight; emotion; cognitive task; problem solving; incubation.

И. Ю. Владимиров

E-mail: kein17@mail.ru

А. В. Штыкина

E-mail: rbnikova@uniyar.ac.ru

Ярославский государственный университет имени П. Г. Демидова

Динамический аспект влияния эмоционального состояния решателя на процесс решения инсайтных задач*

Научная статья

I. Yu. Vladimirov

A.V.Shtykina

P. G. Demidov Yaroslavl State University

The Dynamic Aspect of the Emotional State Influence on the Insight Problem Solving

Scientific article

Влияние эмоций на процесс решения мыслительных задачи не вызывает сомнения. Также несомненной является связь феномена инсайта с эмоциональной сферой. Однако до сих пор остается открытым вопрос о природе и механизмах такой связи. Спор идет как о фактах, так и о гипотетических механизмах. В контексте спора о фактах можно упомянуть, например, противоречивые

данные, полученные, с одной стороны, Э. Айзен и коллегами (эмоциональный фон с положительной валентностью способствует решению инсайтных задач) [1], с другой — Г. Кауфманом и С. Восбург (успешному решению инсайтных задач способствуют негативные эмоции) [2]. Подробнее дискуссия отражена в обзоре Д. В. Люсина [3]. В случае с дискуссией о механизмах влия-

* Исследование выполнено при поддержке РГНФ, проект № 16-06-00954.

ния эмоций всё обстоит еще сложнее. Эмоциональное влияние может иметь несколько аспектов. Д. В. Люсин предлагает анализировать две группы такого влияния. Во-первых, когнитивные механизмы. Эмоция может влиять на изменение параметров переработки информации (изменение широты фокуса внимания или актуализация информации, семантически или событийно связанной с соответствующим эмоциональным состоянием [3]). Также эмоция может выступать в роли метакогнитивного компонента процесса (сигнализировать о нахождении решения [4] или близости к нему [5]). Во-вторых, мотивационные механизмы. Эмоция может активизировать выбор той или иной стратегии анализа информации. Так, например, Г. Кауфман и С. Восбург пишут о «стратегии удовлетворения» и «стратегии оптимизации» [2]. Первая чаще всего активизируется положительным эмоциональным фоном и ведет к быстрому нахождению единственного варианта, в какой-либо степени соотносимого с требованиями к ответу. Испытуемый решает задачу быстро, но не всегда корректно. Вторая обычно активизируется негативными эмоциями и заключается в поиске всех или большинства возможных решений. Испытуемый решает задачу медленно, но с большей вероятностью корректного ответа. В зависимости от типа задач и их формулировки могут быть эффективны как одна, так и другая стратегии. Рассматриваются и другие аспекты мотивационного воздействия эмоций. Например, гедонистическая теория Е. Хирта, Е. Дэверс и Ш. МакКреа [6] предполагает стремление решателя к поддержанию положительного настроения и большей внимательности к возможным ошибкам при нахождении в подобном состоянии. Упомянутые модели показывают системность воздействия эмоций на творческое решение, но не учитывают еще одного, на наш взгляд, не менее важного аспекта. Большинство упомянутых теорий говорит о заданиях на креативность, а не о процессе решения творческих задач, то есть в моделях не учитывается процессуальный аспект. Вместе с тем процесс инсайтного решения неоднороден и поиск функционального решения на стадии инкубации требует иных стратегий работы с информацией по сравнению со стадией проверки и поиска реализуемого решения. Учитывая предсказания моделей, предполагающих неосознаваемую переработку информации

на этапе инкубации [7, 8], и ориентируясь преимущественно на когнитивные аспекты влияния эмоций, мы предлагаем следующую теоретическую модель воздействия эмоций на процесс инсайтного решения. Во-первых, в большей степени чувствительной к эмоциональному воздействию должна быть стадия инкубации, хронологически расположенная в середине решения. Во-вторых, наиболее эффективным будет положительное эмоциональное воздействие на стадии инкубации, как расширяющее фокус внимания и способствующее генерации отдаленных ассоциаций. В-третьих, на стадии поиска реализуемого решения (последняя часть решения) определенную эффективность может иметь негативное эмоциональное воздействие, как сужающее фокус внимания и активизирующее стратегию оптимизации. В-четвертых, для решения задач, где в малой степени задействованы неосознаваемые процессы переработки информации (рутинные, алгоритмируемые, неинсайтные задачи) не будет наблюдаться этапной специфики влияния эмоций на решения.

Таким образом, основной целью нашего исследования является изучение динамических аспектов влияния актуального эмоционального состояния на процесс решения творческих мыслительных задач.

Главная гипотеза работы: актуальное эмоциональное состояние оказывает различное влияние на отдельные этапы решения инсайтных и неинсайтных задач. Наиболее существенное влияние эмоциональное состояние оказывает на инкубационный период решения инсайтной задачи.

Частные гипотезы:

1. Позитивное эмоциональное состояние при воздействии на этап инкубации оказывает влияние на решение инсайтных задач – эффективность решения инсайтных задач увеличивается;
2. Негативное эмоциональное состояние при воздействии на этап инкубации оказывает влияние на решение инсайтных задач – эффективность решения инсайтных задач снижается;
3. Негативное эмоциональное состояние при воздействии на этап поиска реализуемого решения (последний этап) оказывает влияние на решение инсайтных задач – эффективность решения инсайтных задач увеличивается;
4. Эмоциональное состояние решателя существенно не влияет на эффективность решения неинсайтных задач.

Выборка: в исследовании приняли участие 48 испытуемых: 24 – женского пола, 24 – мужского; в возрасте от 16 до 25 лет, средний возраст составил 20 лет.

Для решения испытуемыми отобрано шесть текстовых задач, использовавшихся в предыдущих исследованиях. Выбрано три задачи инсайтного типа и три задачи неинсайтного типа. Время решения задач в среднем равно трёмстам секундам. В качестве контрольной задачи используется неинсайтная задача, среднее время решения которой равняется трёмстам секундам. Каждому испытуемому требуется решить все семь задач в определенном исследователем порядке. Первая задача подаётся как контрольная.

Эмоциональное воздействие на различные этапы решения задается следующим образом: время решения каждой отдельной задачи делится на три равных этапа длительностью сто секунд каждый. Мы предполагаем, что воздействие на второй этап решения (101–200 секунды) с большой вероятностью должно совпасть со стадией инкубации, а третий этап (с 201 секунды до конца решения) – со стадией поиска реализуемого решения. На каждом этапе происходит воздействие стимула (эмоционально-окрашенный, нейтральный). Использовались два типа условий, которые варьировались в процессе распределения на группы – позитивный и негативный эмоциональный стимул. Таким образом, мы получаем три группы относительно порядка использования эмоционального стимула.

В качестве эмоционального стимула отобраны семь аудиофайлов: три положительных, один нейтральный, три отрицательных. Эмоциогенность данных стимулов проверена с помощью субъективных оценок эмоционального состояния испытуемыми до и после прослушивания данных стимулов. Эмоциональный стимул подаётся испытуемому во время решения задачи в течение всего исследования через наушники.

Статистическая обработка происходит в программе STATISTICA 10. В качестве аппарата проверки статистических гипотез был использован дисперсионный анализ.

Результаты и их обсуждение. Сравним вначале время решения задачи в контрольных условиях с различными вариациями переменных (тип задачи и тип воздействия). Тип задачи в целом не оказывает влияния на время решения. Резуль-

тат сопоставления трех условий предполагает вероятность ошибки выше конвенциональной нормы (хотя и на границе с ней) и низкий размер эффекта ($F(2, 333) = 2,97, p = 0,053, \eta^2 = 0,02$). Результаты парных сравнений с учетом поправки Холма-Бонферрони также не дают значимых различий, что позволяет предположить, что материал инсайтных и неинсайтных задач был успешно уравнен нами по степени трудности. Что касается сопоставления с контрольными условиями задач, решаемых с эмоциональным фоном, можно сказать, что влияние эмоций на эффективность решения существенна. Общее воздействие оценивается как значимое с низкой вероятностью воздействия, хоть и с невысоким размером эффекта ($F(2, 33) = 6,17, p = 0,002, \eta^2 = 0,04$).

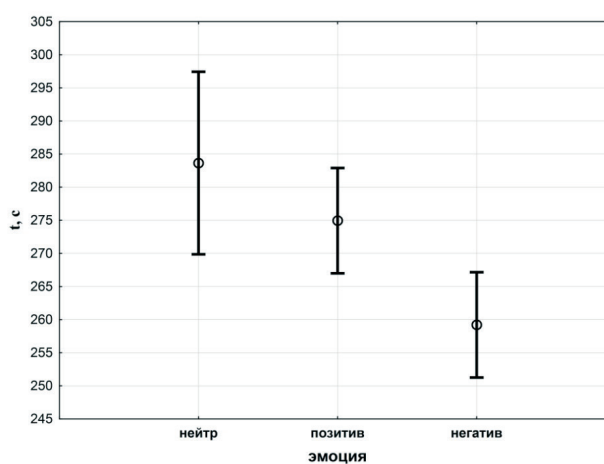

Рис. 1. Зависимость эффективности (времени решения) от наличия и типа эмоционального воздействия

Парные сравнения показывают, что эффективность решения задач при негативном воздействии существенно выше, чем в нейтральных условиях и при позитивном; оба результата проходят проверку поправкой Холма-Бонферрони. Эти данные расходятся с нашими предположениями и свидетельствуют о том, что эмоциогенное воздействие важно для любого типа задачи и не зависит от этапа воздействия. Такие результаты говорят скорее в пользу модели стратегий Г. Кауфмана и С. Восбург [2]. Негативная эмоция индуцирует стратегию оптимизации, которая, в свою очередь, предполагает активный и внимательный осознанный контроль за выполнением операций с информацией. Это важно как для неинсайтных, вычислительных задач, так и для того варианта предъявления инсайтных задач, который мы осуществляли (задачи как и Г. Кауфмана и С. Восбург

были вербальными и предъявлялись в текстовой, а не в наглядно-действенной форме, что усложняло получение обратной связи от испытуемых).

Рассмотрим, однако, эффекты воздействия на отдельные этапы решения, начав с влияния позитивных эмоций. На рис. 2 представлена общая картина такого воздействия.

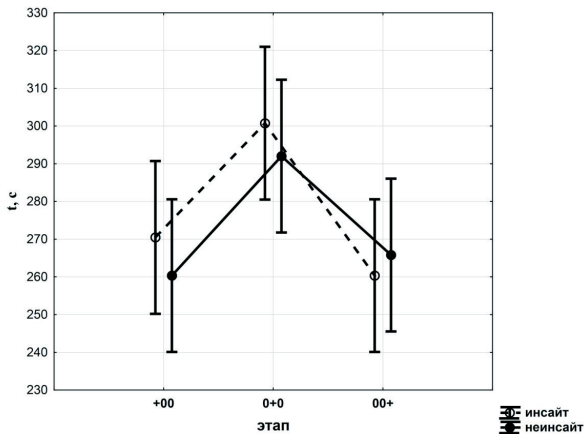

Рис.2. Зависимость эффективности (времени решения) от этапа, на котором осуществлялась индукция позитивного эмоционального состояния

Время решения при инсайтной и неинсайтной задаче не зависит от условия решения. Наблюдается только влияние этапа решения, правда, при небольшой величине эффекта ($F(2, 138) = 6,59, p = 0,002, \eta^2 = 0,09$). Инсайтные и неинсайтные задачи решаются дольше при условии «0 + 0». Время решения задач инсайтного и неинсайтного типа при воздействии эмоционально-окрашенного стимула на разных этапах решения статистически не различается. Данный результат в случае неинсайтных задач может объясняться расширением фокуса внимания при воздействии позитивного стимула на период инкубации решения, когда в неинсайтной задаче он мешает сосредоточиться на решении задачи, в результате чего время при воздействии на этот этап увеличивается [см. 3]. В случае инсайтных задач данный результат неясен, мы предполагали обратный эффект. Возможно, данные объясняются тем, что в случае инсайтной задачи влияние эмоционально окрашенного стимула попадало не на стадию инкубации решения, а на другую стадию, так как деление на стадии было проведено нами условно. Например, если воздействие происходила на стадию нахождения решения, на которой необходимо сужение контроля, то этот результат становится

объяснимым, так как при воздействии положительного эмоционально окрашенного стимула, напротив, происходит расширение внимания и снижение уровня сознательного контроля.

Рассмотрим эффекты, наблюдаемые при индукции негативной эмоции. На рис. 3 представлена структура данных по этой переменной.

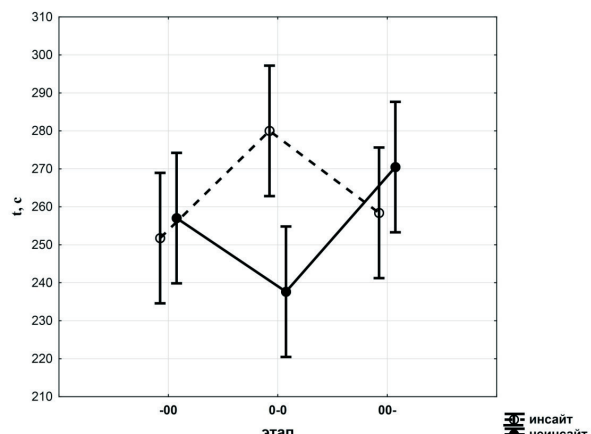

Рис. 3. Зависимость эффективности (времени решения) от этапа, на котором осуществлялась индукция негативного эмоционального состояния

Наблюдается совместное влияние этапа и типа задачи при низкой величине эффекта ($F(2,138) = 5,82, p = 0,004, \eta^2 = 0,08$). Для инсайтных задач наблюдается структура данных, аналогичная воздействию позитивных эмоций. Динамика (операционализировалась этапом, на который осуществляется воздействие), впрочем, значимо не выражена ($F(2, 69) = 2,82, p = ,07, \eta^2 = 0,08$). Для неинсайтных наблюдается ускорение решения при воздействии на средний этап решения ($F(2, 69) = 3,7, p = 0,03, \eta^2 = 0,1$). При воздействии на этот средний этап время решения инсайтных и неинсайтных задач максимально расходится: неинсайтные решаются значимо быстрее ($F(1, 46) = 11,14, p = ,001 \eta^2 = 0,19$).

Результаты также расходятся с гипотезами исследования. Если попытаться дать содержательную интерпретацию результатам, можно предположить следующие эффекты воздействия эмоций на решение. Во-первых, воздействие на центральный этап решения эмоции любой валентности вызывает затруднение инсайтного решения. В целом кривая изменения эффективности решения инсайтных задач в зависимости от воздействия негативных эмоций соотносится с базовой моделью (затруднение при воздействии

на период инкубации и улучшение при воздействии на периоды, требующие осознанных вычислений). Совпадает, однако, только структура данных при отсутствии значимого эффекта ($F(2, 69) = 2,82, p = ,07, \eta^2 = 0,08$). Кроме того, что более важно, структура данных соответствует данным о воздействии положительных эмоций, что вовсе не предполагалось. Сопоставляя результаты воздействия эмоций различной валентности на инсайтное решение, можно предположить, что воздействие здесь может оказывать не валентность эмоции, а ее интенсивность или содержание перерабатываемой информации. Требуется анализ комплексного фактора, который воздействует на решение, и экспериментальная проверка построенных на основании этого анализа моделей. До тех пор сложно давать корректную не спекулятивную интерпретацию полученному эффекту. Во-вторых, наблюдается выраженный эффект воздействия эмоций на инсайтное решение. Негативные эмоции ускоряют процесс при воздействии на средний этап решения. Позитивное воздействие негативной эмоции может объясняться как мотивационным аспектом (стремление избавиться от воздействия и/или актуализация стратегии оптимизации [2]), так и когнитивным аспектом (расширение фокуса внимания) [9]. Эффект воздействия именно на центральный этап вызван наибольшей загруженностью вычислительной системы именно в этот момент решения. Эти частные эффекты, однако, требуют обобщенного рассмотрения, к которому мы и переходим.

Анализируя результаты в совокупности мы должны учесть два важных момента – проанализировать возможные ошибки и рассогласования и рассмотреть содержательные объяснения полученных эффектов.

Что касается первого, то наибольший вопрос вызывает выделение этапов по фиксированному времени. Соотношение центральный этап решения – инкубация более чем ненадежно. Кроме того, задачи решались дольше запланированных 3 минут (в среднем 4–6 мин), что удлиняло последний этап и с большой долей вероятности переводило процесс инкубации именно на него. Возможным решением подробной методической трудности может быть использование «субъективной» разметки решения. Возможно использование стратегии, когда испытуемый каким-либо

образом сигнализирует экспериментатору о том, что зашел в тупик, как это было реализовано в работе Дж. Мосса, К. Котовски и Дж. Кагана [10]. Еще одним фактором, который мог оказать влияние, является способ индукции эмоционального состояния. Вероятно, в дальнейшем надо использовать, как минимум, два различных способа индукции. И, наконец, важным является методическая проблема, связанная с инертностью эмоционального состояния: прекращение воздействующего стимула не приводит к мгновенному исчезновению эмоции. На данный момент у нас нет предложений по решению данной проблемы, но мы считаем, что ее необходимо обозначить в данном обсуждении.

Относительно содержательного аспекта анализа необходимо сказать следующее. Безусловно, механизмы воздействия эмоции на решение инсайтных задач сложнее, чем предложенная нами модель. Во-первых, в дальнейшем нам следует учитывать не только влияние эмоций на когнитивные процессы, но и мотивационные влияния. Анализ результатов показал, что такие влияния могут существенно сказываться на картине данных. Во-вторых, необходимо учитывать не только валентность воздействующей эмоции, но и ее интенсивность. Таким образом, предложенная теоретическая модель нуждается в существенной переработке.

Резюмируя, отметим следующие основные из выявленных нами закономерностей:

1. Эмоциональное воздействие на ход решения задач существует, носит комплексный характер и меняется в зависимости от этапа решения;

2. Наиболее чувствительными к эмоциональному воздействию являются центральные этапы решения, в случае решения инсайтных задач соотносимые с этапом инкубации;

3. Такое воздействие имеет двойственный характер. Суммируя данные, мы можем указать следующие тенденции:

а) ингибицию протекания когнитивных процессов, предположительно связанную с отвлекающим воздействием эмоциогенной стимуляции;

б) мотивационное влияние эмоции на стремление к достижению результата.

Ссылки

1. The influence of positive affect on the unusualness of word associations / A. M. Isen, M. M. S. Joh-

- nson, E. Mertz, G. F. Robinson // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1985. Vol. 48. P. 1–14.
2. Kaufmann G., Vosburg S. K. «Paradoxical» Mood Effects on Creative Problem-solving // *Cognition and Emotion*. 1997. Vol. 11. № 2. P. 151–170.
3. Люсин Д. В. Влияние эмоций на креативность // *Творчество: от биологических оснований к социальным и культурным феноменам* / под ред. Д. В. Ушакова. М.: Институт психологии РАН, 2011. С. 372–389.
4. Валуева Е. А. Сигнальная модель инсайта: основные положения и соотношение с научными взглядами Я. А. Пономарева // *Психологический журнал*. 2015. Т. 36, № 6. С. 35–44.
5. Metcalfe J., Wiebe D. Intuition in insight and noninsight problem solving // *Memory & Cognition*. 1987. Vol. 15, № 3. P. 238–246.
6. Hirt E. R., Devers E. E., McCrea S. M. I want to be creative: exploring the role of hedonic contingency theory in the positive mood-cognitive flexibility link // *Journal of personality and social psychology*. 2008. Т. 94, № 2. P. 214–230.
7. Дункер К. Психология продуктивного (творческого) мышления // *Психология мышления*. М.: Прогресс, 1965. С. 86–234.
8. Пономарев Я. А. Психология творчества. М.: Наука, 1976. 303 с.
9. Martindale C. Personality, situation, and creativity // *Handbook of creativity*. N.-Y.: Springer US, 1989. P. 211–232.
10. Moss J., Kotovsky K., Cagan J. The effect of incidental hints when problems are suspended before, during, or after an impasse // *Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory, and Cognition*. 2011. Vol. 37, № 1. P. 140–148.

УДК 159.955

Статья посвящена вопросу влияния категориальной структуры творческих задач на процесс и скорость их решения. В предыдущем исследовании нами было установлено, что подсказки к творческим задачам, сформулированные в семантических категориях различной частотности, оказывают значимое влияние на время решения. При этом наиболее частотные подсказки помогают решить задачу успешнее всего. В настоящем исследовании сами задачи были сформулированы в семантических категориях разной частотности: базовых – наиболее употребляемых, средней частотности и редких словах. Выяснилось, что частотность семантических категорий, в которых сформулирована задача, не влияет на решение.

Ключевые слова: решение задач; творческое мышление; семантические категории; базовая категория; частотность употребления слов.

The article is focused on the influence of creative problem's categorical structure on the process and speed of problem solving. In a previous research we have found that different lexical frequency of hints significantly influences the problem solving time. The most frequent word hints help to find solution more successfully. In this study we have formulated the problems in semantic categories with different frequency: natural (frequent) categories, average categories and rare words. We have found that frequency of semantic categories in problem doesn't influence the problem solving.

Keywords: problem solving; creative thinking; semantic categories; natural category; frequency of words using.

Е. Н. Морозова

E-mail: musspelheim@mail.ru

С. Ю. Коровкин

E-mail: korovkin_su@list.ru

Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова

Влияние категориальной структуры задачи на процесс решения*

Научная статья

Е. Н. Морозова

С. Ю. Коровкин

P. G. Demidov Yaroslavl State University

The Influence of Categorical Structure of Problem on Problem Solving Process

Scientific article

Мышление в экспериментальной психологии зачастую определяется как решение задач. Иногда можно выделить определённый алгоритм решения, выстроить схему и определить последовательность действий, например, для большинства математических задач. Решение творческих задач подчиняется гораздо более скрытым от сознательных процессов механизмам. Существуют разные взгляды на то, как устроено творческое мышление. Одна из популярных моделей творческих процессов – коннекционизм [1, 2], кото-

рый предполагает, что решение задачи связано с поиском ответа внутри некоторых семантических сетей [1]. Соответственно, чем ближе по смыслу ответ и формулировка задачи, тем скорее отыскивается ответ. Однако распространение активации по семантической сети сложно и нелинейно [3]. Каким законам в таком случае подчиняется поиск верного ответа? Какие условия способствуют или препятствуют нахождению решения?

Семантические категории – понятия, в которых сформулирована задача – можно рассматривать

* Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РФФИ № 15-06-07899, а также гранта Президента МК-722.2017.6.

© Морозова Е. Н., 2017

© Коровкин С. Ю., 2017

в качестве узлов переработки информации. Э. Рош утверждает, что семантические категории организованы сложнее, чем в простой иерархической таксономии [4]. Есть категории базовые, они являются наиболее употребляемыми, идентифицируются быстрее остальных и употребляются в нейтральном контексте. Для использования категорий более абстрактных и более конкретных, по сравнению с базовыми, необходим специальный контекст, они дольше обрабатываются, и частотность их использования в языке ниже. У категорий различается также значимость сигнала – сумма значимостей всех признаков, ассоциируемых с категорией. Понятия базового уровня обладают высшей значимостью сигнала. Категории более конкретного и специфичного нижестоящего уровня имеют низкую значимость сигнала, так как такие понятия имеют много общих признаков с предметами других категорий. Категориальная значимость сигнала слабее и для вышестоящих, более абстрактных категорий, поскольку они имеют малое количество или не имеют общих признаков [5].

В предыдущем исследовании мы изучали вклад текстовой подсказки в решение творческих задач. Феномен действия подсказки (ключа) заключается в том, что после безуспешных попыток решить задачу человек оставляет ее, но через какое-то время сталкивается с ключом, после чего достаточно легко приходит к решению [6]. Для этого необходимо соблюсти особую последовательность предъявления задач (основная задача – подсказка – основная задача): подсказка действительна только в том случае, если перед ее решением было предпринято достаточно много попыток решить основную задачу. Важно также, чтобы таких попыток не было слишком много, чтобы интерес к ней не утратился. Кроме того, способ, которым решается задача-подсказка, не должен быть автоматизирован, а сама подсказка должна содержать принцип решения, но не прямой ответ.

Нами была проверена гипотеза о том, что подсказки к задаче, удаленные от верного ответа на различные расстояния, распределены по своему вкладу в решение неравномерно. В качестве подсказок нами были выбраны ассоциации людей с верным ответом, которые в дальнейшем были разделены на пять уровней «близости» к ответу, то есть обладали различной частотностью выбора ассоциации. Используемая нами база ассоциаций и несуществующих слов были использованы

для анаграмм, предъявляемых испытуемым после нескольких безуспешных попыток решения. После решения анаграмм следовал этап решения задачи до конца. Было выявлено, что подсказки, удаленные от верного ответа на различные расстояния, неравномерно влияют на скорость решения. Наиболее близкие к ответу частотные категории являются лучшими подсказками. Однако категории среднего диапазона частотности могут подсказывать хуже, чем низкочастотные категории, даже порой затруднять решение [7].

В настоящем исследовании мы пытались воспроизвести подобный эффект неравномерного вклада разноуровневых категорий в решение при изменении ключевых понятий внутри структуры задачи.

Общая гипотеза исследования: уровень категориальной структуры задачи влияет на успешность её решения. Мы предположили, что задачи, сформулированные в понятиях высокой частотности, базовых категориях, решаются быстрее, чем задачи с категориями средней и низкой частотности. В свою очередь, задачи с категориями средней частотности решаются хуже, чем задачи с категориями низкой частотности. Для исследования были отобраны девять задач из базы вопросов «Что? Где? Когда?» [8], в которых были выделены ключевые элементы. Эти элементы задачи варьировались по трем уровням частотности, которая определялась с помощью словаря частотности русского языка [9]. Исследование проводилось в три этапа: 1. Выбор задач и выделение ключевых элементов в задаче; 2. Подбор синонимов и вариация ключевых элементов задачи по трем группам частотности употребления в русском языке: условно высокая, средняя и низкая; 3. Решение задач и обработка полученных результатов. Модификация задач проводилась с помощью экспертного отбора ключевых элементов, необходимых для решения, и их варьирования по частотностям с помощью словаря частотности русского языка.

В приведенном примере курсивом выделены варьируемые ключевые элементы задачи, в круглых скобках приведена частотность слова в соответствии со словарем частотности, в квадратных скобках указана основная часть задачи.

Высокая частотность: Однажды американский изобретатель взял кусочек *металла* (57,5) и за *три* (586,7) *часа* [создал ЭТО. Однако ЭТО] в русском языке связывается с другой англоязычной страной. [Что это за изобретение?]

Средняя частотность: Однажды американский изобретатель взял кусочек *стали* (16,3) и за *пару* (152,7) часов [создал ЭТО. Однако ЭТО] в русском языке связывается с другой англоязычной страной. [Что это за изобретение?]

Низкая частотность: Однажды американский изобретатель взял кусочек *железки* (4,5) и за *пол-часа* (37,9) [создал ЭТО. Однако ЭТО] в русском языке связывается с другой англоязычной страной. [Что это за изобретение?]

Численность выборки – 54 человека в возрасте от 17 до 35 лет. Выборка уравнена по половой принадлежности. С учетом специфики задач к участию в эксперименте приглашались лица с высшим образованием или получающие его (студенты-специалисты и бакалавры).

Для решения задач было установлено временное ограничение – 360 секунд. Данные по нерешенным задачам не включались в статистическую обработку результатов и были использованы для качественного анализа результатов. Перед тем как начать решение, испытуемым предлагалось прочесть задачу вслух. После этого начинался отсчет времени. В случае затруднения на начальных этапах решения предлагалась некоторая общая стимулирующая и организующая помощь: «Каждое слово в задаче важно».

Порядок предъявления задач испытуемым был определен таким образом, что каждый испытуемый получал три разные задачи разного уровня частотности. Так, чтобы в итоге каждый вариант задач оказался решенным по шесть раз. В итоге были получены данные по 162 экспериментальным ситуациям, каждая из которых соответствовала одной решенной задаче. Оценивались время решения задачи, количество озвученных вариантов, качественные показатели.

Количественная обработка результатов проводилась с помощью однофакторного и двухфакторного дисперсионного анализа и t-критерия Стьюдента. Двухфакторный дисперсионный анализ показал, что на скорость решения значимо влияет фактор задачи ($F(16, 122) = 1.75, p = .047, \eta_p^2 = .17$), выявлено взаимодействие факторов частотности и задачи ($F(8, 122) = 7.13, p < .001, \eta_p^2 = .32$). Фактор частотности на время решения задач не оказывает влияния ($F(2, 122) = 1.5, p = .22, \eta_p^2 = .025$). С помощью t-критерия выявлено, что время решения задач с различными уровнями частотности не имеет значимых

различий. Результаты не выявили различий между высокой и средней частотностью ($t(106) = -.83, p = .93$), высокой и низкой частотностью ($t(106) = -1.05, p = .3$), средней и низкой частотностью ($t(106) = -1.02, p = .31$).

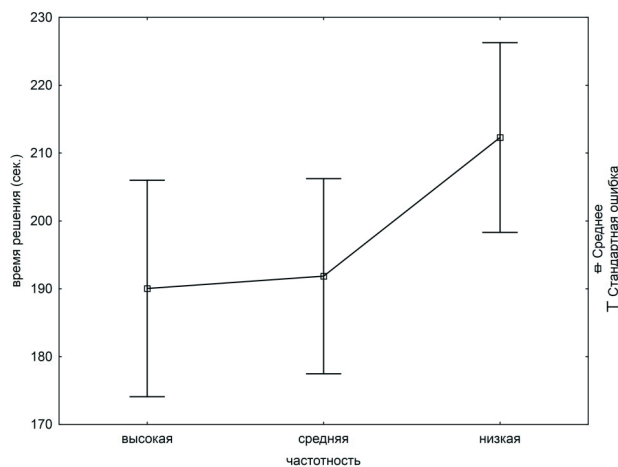

Рис. Изменение времени решения задачи (в секундах) в зависимости от частотности слов в структуре задачи

Таким образом, выдвинутые гипотезы не получили подтверждения. Уровень частотности категориальной структуры задачи не влияет на успешность её решения.

Подобные результаты косвенно свидетельствуют о различных механизмах обработки семантических категорий, являющихся подсказками или входящих в состав задачи. Возможно, категории, используемые в формулировке задачи, преобразуются при построении ментальной репрезентации, в результате чего конкретное слово для обозначения некоторого понятия не имеет существенного значения. Полученные данные скорее говорят о значительной роли абстрагированной от конкретного текста ментальной модели, необходимой для понимания задачи [см. обзор в 10].

Кроме того, не исключается влияние артефактов исследования: возможно, различия речи письменной (с помощью которой мы варьировали частотность) и устной (в терминах которой решалась задача испытуемыми) повлияли на результаты. Стоит учитывать, что фактор задачи оказал значимое влияние на успешность решения. Возможно, стоило проводить подбор задач, уравненных не только по степени сложности, но и идентичных по способу решения. Творческие задачи зачастую требуют разных меха-

низмов поиска ответа, что могло снизить эффект от варьирования частотности ключевых элементов задачи. Полученные результаты являются свидетельством сложности и вариабельности механизмов мышления.

Ссылки

1. Валуева Е. А. Интеллект, креативность и процессы активации семантической цепи: автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2007. 24 с.
2. Martindale С. Personality, situation, and creativity // *Hand of creativity*. N.-Y.: Plenum, 1989. P. 211–232.
3. Collins А. М., Loftus Е. F. A Spreading Activation Theory of Semantic Processing // *Psychological Review*. 1975. Vol .82, N. 6. P. 407–428.
4. Rosch Е. Universals and cultural specifics inhuman categorization // *Cross-cultural perspectives on learning*. N.-Y: Halsted Press, 1975. P. 26–48.
5. Лакофф Дж. Женщины, огонь и опасные вещи: Что категории языка говорят нам о мышлении. Книга 1: Разум вне машины. М.: Гнозис, 2011. 792 с.
6. Demystification of cognitive insight: opportunistic assimilation and the prepared-mind perspective / С. М. Seifert [et all] // *The Nature of Insight*. Cambridge, MA: MIT Press, 1995. P. 65–124.
7. Морозова Е. Н. Когда мышление слепнет: проверка модели активации семантических сетей // Шестая международная конференция по когнитивной науке: тез. докл.: в 2 т. Калининград, 2014. Т. 2. С. 437–438.
8. База вопросов «Что? Где? Когда?». URL: <http://db.chgk.info/> (дата обращения: 30.12.2016).
9. Ляшевская О. Н., Шаров С. А. Частотный словарь современного русского языка (на материалах Национального корпуса русского языка). М.: Азбуковник, 2009. 1112 с.
10. Коровкин С. Ю., Морозов И. М. Проблема понимания при передаче опыта // Технологии сохранения и воспроизведения когнитивного опыта. М.: ИП РАН, 2016. С. 116–143.

УДК 159.92

В статье представлены теоретические подходы к рассмотрению проблемы творческого потенциала. Дается определение понятия «творческий потенциал» студента педагогического вуза в контексте каждого подхода. Автором предложена модель творческого потенциала, включающая ценностный, мотивационный, операциональный компоненты и различные показатели этих компонентов, называются факторы развития творческого потенциала студентов педагогического вуза. Представлены изменения в составе творческого потенциала, которые произошли в ходе экспериментального исследования.

Ключевые слова: потенциал; творческий потенциал; ценностный, мотивационный, операциональный компоненты творческого потенциала; факторы развития; модель творческого потенциала.

The article presents theoretical approaches to consider the problems of creativity potential. The author gives definition of creativity potential of the students of pedagogic institutions in the context of each of the above approaches. The author presents a model of creativity potential which includes values, motivational, and operational components and various indicators within these components. The factors to develop creativity potential of the students taking programmes in pedagogical institutions and the relevant changes in its composition occurred during the pilot study are also suggested by the author.

Keywords: potential; creativity potential; value, motivational, and operational components of creativity; development factors; creativity potential model.

З. Х. Кайтукова

Московский государственный университет дизайна и технологии

E-mail: ikaitukova@mail.ru

Структура и факторы развития творческого потенциала студентов педагогического вуза

Научная статья

Z. H. Kaytukova

Moscow State University of Design and Technology

Structure and Factors of Students' of Pedagogic Institutes Creativity Potential Development

Scientific article

Реализация цели устойчивого социально-экономического развития страны в условиях общей для всех цивилизованных социумов нестабильности жизни требует эффективного использования всех человеческих ресурсов, включая ресурсы профессиональные, в структуре которых особую роль играет творческий потенциал. В психологической и педагогической научной литературе понятие «потенциал» употребляется как синоним слова «возможность» или как термин, включающий и реальное, и потенциальное, и реализованное, и нереализованное, и высокоразвитое, и слаборазвитое в личности и деятельности [1]. В контексте данного подхода дадим широкое, недифференцированное определение понятия

«творческий потенциал» – это совокупность психических свойств и способностей, обеспечивающих возможность выхода за рамки достигнутого во внешней деятельности и саморазвитии [2, 3].

Узкому, более точному определению творческого потенциала личности студента педагогического вуза будет соответствовать следующая формулировка: совокупность психических свойств и способностей, обеспечивающих возможность выхода за рамки достигнутого, которые у него сформированы, но не реализуются в деятельности; те из них, которые полностью реализуются, но еще слабо развиты и требуют дальнейшего развития; свойства личности и способности, необходимые для успешной творческой профессиональ-

ной активности студента, но в данный момент времени отсутствующие. В данном определении мы применили понятие деятельность, представляющее собой активность, детерминированную конкретной целью, с которой реализация творческого потенциала связана косвенно. Напрямую она связана со стохастическим побочным продуктом деятельности [4, 5]. Можно видеть, что узко понимаемое определение творческого потенциала апафатическое, так как основано на отрицании актуализирующихся, в полной мере сформированных, а также до определенной степени развитых психических свойств и способностей.

Нами были выделены составляющие творческого потенциала и раскрыто их содержание. Теоретическая модель творческого потенциала студента, соответствующая его узкому определению, представлена на рис. 1. В его структуру наряду с операциональным (дивергентное, надситуативное мышление, качества креативной личности, абнотивность) и мотивационным (стремление к преодолению привычных представлений, стереотипных способов решения проблем, к творческой активности, перфекционизм)

ской активности, перфекционизм) компонентами входит ценностно-ориентационный компонент (аксиологическая компетентность, направленность на творчество и самореализацию). В плане формирования и развития данные составляющие творческого потенциала являются взаимосвязанными. Их зависимость друг от друга проявляется в том, что высокий уровень развития одного из компонентов, мотивационного например, положительно влияет на развитие остальных. Отсюда следует, что формирование и развитие каждой из составляющих психолого-педагогического потенциала студента педагогического вуза должно благоприятно сказываться на формировании и развитии других его компонентов. При этом следует иметь в виду, что педагогическое творчество возможно в различных формах. Поэтому творческий потенциал студента педагогического вуза – это потенциал будущего учителя, воспитателя, потенциал автора учебной программы, потенциал руководителя образовательного учреждения, потенциал организатора образовательной среды и т. д.

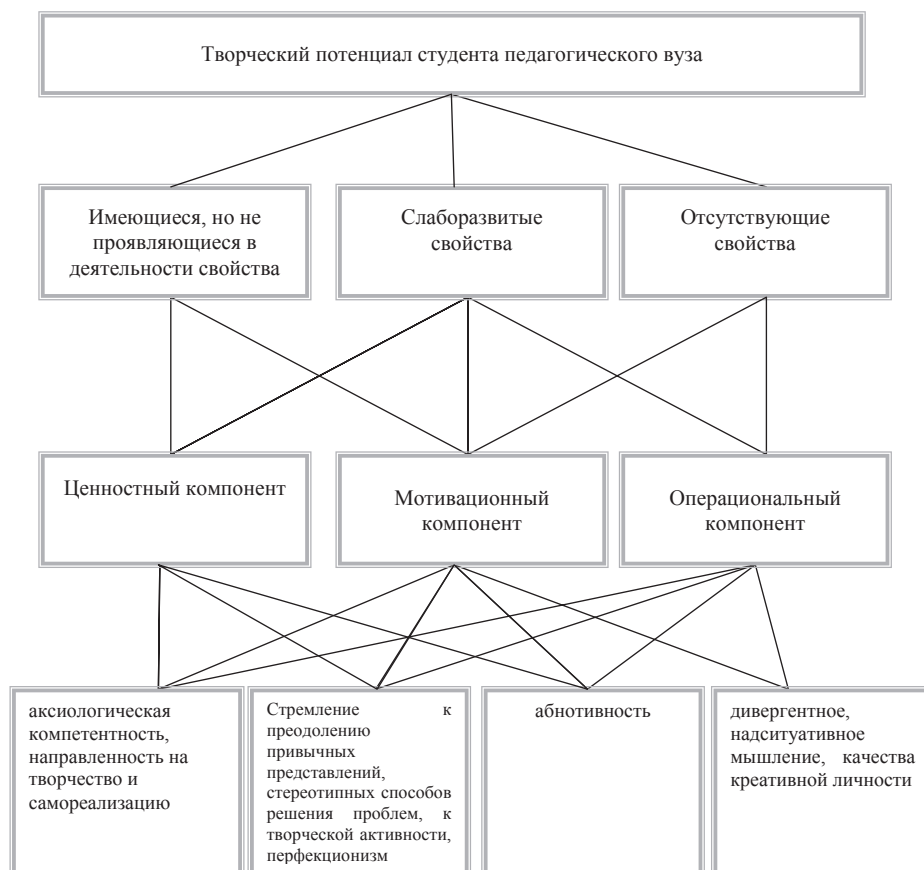

Рис. 1. Теоретическая модель творческого потенциала студента педагогического вуза

Система развития творческого потенциала студентов педагогического вуза предполагает следующую последовательность в её реализации: I этап – эмпирико-коммуникативный, цель – развитие мотивационного и операционального компонентов творческого потенциала; II этап – рефлексивный, цель – осмысление опыта прохождения I этапа, формирование ценностно-ориентационного компонента (аксиологической компетентности, направленности на творчество и самореализацию); III этап – творческая самореализация, цель – развитие операциональной составляющей творческого потенциала.

Долгосрочное с несколькими психодиагностическими срезами опытно-экспериментальное исследование по проверке эффективности предложенной модели и концепции развития творческого потенциала студентов, будущих педагогов, а также связанных с ней гипотез проходило в Северо-Осетинском государственном педагогическом институте. Всего исследованием было охвачено 126 студентов 3-го и 5-го курсов, обучающихся на психолого-педагогическом и лингвистическом факультетах. В исследовании принимали участие юноши и девушки от 17 до 22 лет. Анализ данных, полученных в ходе эксперимента показал, что в экспериментальной выборке произошли значимые изменения по следующим показателям: творческой мотивации (мотивационный компонент тп), абнотивности, надситуативному педагогическому мышлению, оригинальности, любознательности, воображению, творческому мышлению, творческому отношению к профессии (операциональный компонент тп), аксиологической компетентности, направленности на творчество и самореализацию (ценностно-ориентационный компонент тп) в направлении повышения доли лиц с высоким и средним уровнями перечисленных показателей и снижения доли лиц с низким показателями. За время проведения нами экспериментального воздействия в контрольной группе по данным характеристикам компонентов творческого потенциала значимых изменений зарегистрировано не было. Значимость полученных результатов была подтверждена в ходе статистической обработки по критерию Знаков и критерию Фишера.

Описанные выше позитивные изменения, связанные с развитием творческого потенциала студентов, будущих учителей, требуют интерпре-

тации, Эта интерпретация в обобщенной форме представлена в таблице.

Таблица

Факторы развития творческого потенциала студентов педагогического вуза и соответствующие им изменения в составляющих творческого потенциала

№	<i>Факторы, обеспечивающие позитивные изменения психолого-педагогического потенциала будущих учителей начальных классов</i>	<i>Изменения творческого потенциала, соответствующие этим факторам</i>
1.	Блок тренинговых занятий, ориентированных на развитие креативности, надситуативного мышления	Развитие качеств творческой личности, характеристик творческого мышления (инструментальная составляющая творческого потенциала); Обучение студентов эффективным приемам дивергентного мышления при решении профессиональных задач; Повышение уровня творческой мотивации
2.	Инновационные формы и методы работы со студентами	Развитие творческого подхода к решению профессиональных педагогических и психологических задач (мотивационная и инструментальная составляющие психолого-педагогического потенциала)
3.	Организация внеаудиторной работы (круглые столы, встречи с участием творчески самореализующихся профессионалов)	Развитие и укрепление творческой мотивации, саморазвитие качеств воспринятой ролевой модели творческой личности, осознание ценности творчества, саморазвития, аксиологической компетентности
4.	Специальная организация педагогической практики, ориентированной на реализацию творческого потенциала студентов и подразумевающей создание авторских программ и игр	Развитие инструментальной составляющей творческого потенциала, включая соответствующие избранной профессии педагогические и психологические компетенции, абнотивности.
5.	Лекционные, семинарские и практические занятия по курсам «Основы самопознания и творческого саморазвития», «Психологическая культура и духовная жизнь человека», «Педагогическая психология», «Психология», дополненным тематическим содержанием, связанным с творческим потенциалом	Получение психологических знаний, касающихся сущности, структуры, диагностики, формирования, развития и использования в практике творческого потенциала, знаний о смысловой, ценностной составляющей творчества; Оценка студентами собственного творческого потенциала, уровня его актуального развития и перспектив совершенствования

Окончание табл.

6.	Усложнение содержания учебной деятельности за счет углубления и обобщения предлагаемого материала; паритет учебных заданий дивергентного и конвергентного типов; организация учебной деятельности студентов с максимально возможным учетом их познавательных профессиональных потребностей; расширение круга интересов студентов; ориентация на интеллектуальную инициативу студентов	Развитие креативности и других компонентов ценностной и инструментальной составляющих психолого-педагогического потенциала будущих педагогов
7.	Игровые методы, анализ педагогических ситуаций, диспуты, изучение профессиональной деятельности педагогов и творчески самореализующихся профессионалов, моделирование педагогических ситуаций	Формирование и развитие инструментальной составляющей творческого потенциала будущих учителей, включая разнообразные педагогические и психологические компетенции.

В таблице представлены основные изменения, произошедшие за счет указанных факторов. Воздействие каждого из них на практике имело

комплексный, системный характер и проявилось в формировании и развитии у студентов как будущих специалистов многих составляющих психолого-педагогического потенциала.

Ссылки

1. Романова М. А. Психолого-педагогический потенциал личности учителя: теоретические основы и модель // *European Social Science Journal* («Европейский журнал социальных наук»). 2011. № 10 (13). С. 103–111.
2. Богоявленская Д. Б. Исследование творчества и одаренности в традициях процессуально-деятельностной парадигмы // *Современные концепции одаренности и творчества* / под ред. Д. Б. Богоявленской. М.: Молодая гвардия, 1997.
3. Лебедев С. А. *Философия науки: словарь основных терминов*. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Академический Проект, 2006. 320 с.
4. *Психология творчества* / под ред. Я. А. Пономарева. М.: Наука, 1990. 224 с.
5. Савенков А. И. Психология творчества // *Вестник Московского городского педагогического университета. Сер. Педагогика и психология*. 2007. № 2 (8). С. 46–64.

УДК 159.922

В статье описаны различия в стилях делового общения (СДО) сотрудников рекламной компании и сотрудников колонии-поселения. Приводятся статистические данные (t-сравнение), которые подтверждают выявленные особенности в стилях работников коммерческого и государственного учреждений. Различия интерпретируются спецификой деятельности респондентов, условиями макро-, мезо- и микросреды.

Ключевые слова: субъекты; стили делового общения; менеджеры; сотрудники уголовно-исполнительной системы.

This article describes the differences between styles of business communication (SBC) of employees of an advertising company and employees of a colony-settlement. The comparative data proves peculiarities of employees' styles of the commercial company and of the government organization. The differences are interpreted by specifics of respondent's labor, conditions of the macro, meso and micro environment.

Keywords: subjects; styles of business communication; managers; employees of penitentiary system.

В. В. Вильчес-Ногерол (Белик)

E-mail: Belikveronika@gmail.com

О. В. Рютина

E-mail: Rrutina.o@mail.ru

*Научно-исследовательский институт технической эстетики
Московского технологического университета*

**Корпоративная культура и организация труда
в детерминации стилей делового общения субъектов
(на примере деятельности менеджеров
и сотрудников уголовно-исполнительной системы)***

Научная статья

V. V. Vilches-Nogerol (Belik)

O. V. Rrutina

Scientific Research Institute of Technical Aesthetics of Moscow Technological University

**Corporate Culture and Organization of Labor in the Determination
of Styles of Business Communication (by an example of managers
and employees of penitentiary system)**

Scientific article

Введение. Феномен «стили делового общения» (СДО) стал предметом исследования много позже других стиливых проявлений [3; 5; 9]. Однако нет должных оснований говорить об активной интеграции опыта изучения стилей в отечественной и зарубежной психологии [3–6]. В изучении

СДО разнообразие подходов и научных традиций, пожалуй, еще более широкое, чем в изучении других стилей. Опыт последовательной реализации методологии изучения стилей, сложившейся и складывающейся в отечественной психологии в изучении СДО представляется важным

* Исследования поддержаны грантом ОГОН РФФИ № 17-06-00200 «Стили делового общения: пространство и ресурсы взаимодействия субъектов».

© Вильчес-Ногерол (Белик) В. В., 2017

© Рютина О. В., 2017

и в какой-то степени даже самооценным [2; 3; 5; 9]. Как и в изучении других стилей, менее других рассматривались связи особенностей стилей и условий окружения – условий социальной макро-, мезо-, микросреды, роли активности и стилей партнеров (коллег, руководителей, клиентов), связи особенностей стилей и полового диморфизма, возраста, стажа работы [1–4; 6–12 и др.].

Цель, предмет и методы исследования. Цель исследования: описание условий социальной среды как детерминант стилей делового общения. **Предмет** – стили делового общения субъектов (успешных профессионалов). **Гипотеза:** стили делового общения субъектов подвержены выраженному влиянию условий социальной макро-, мезо-, микросреды (особенностей корпоративной культуры организаций, норм рабочих групп, организации труда). **Методы исследования:** опрос экспертов, психодиагностика (тест-опросники «Копинг-поведение в стрессовых ситуациях» и «Опросник способов совладания» Т. Л. Крюковой, тест-опросники 16-PF Р. Б. Кеттелла, опросник «Уровень субъективного контроля»), исследовательская методика – опросник «Стили делового общения» (СДО) В. А. Толочка. Методика включает 35 пунктов, описывающих предпочтения человеком «субъективно-удобных условий деятельности» (СУУД) – первого иерархического уровня организации стиля, определяющих выбор им удобных для него условий среды, режимов деятельности; предпочтения компонентов «операциональной системы» (ОС) – второго иерархического уровня стиля, то есть конкретных когнитивных, эмоциональных и предметных действий («действий общения»), опосредующих взаимодействия субъектов; «идеальные регуляторы/тип организации деятельности» (ИР/ТОД), понимаемые как третий, высший иерархический уровень стиля – функции общения и стратегии поведения [12]. Для оценки выраженности компонентов СДО респондентам предлагалась в 5-балльная шкала (от 0 до 4 баллов). Стили делового общения изучались на моделях двух видов деятельности: менеджерах коммерческой компании «Пронто Медиа Холдинг» – 85 чел. и сотрудниках ФКУ колонии-поселения № 2 – 32 чел. Для анализа данных использовались описательные статистики, корреляционный и факторный анализ, t-сравнение для независимых групп (пакет статистических программ SPSS 10).

Результаты исследования. Выборки были сопоставимы по социально-демографическим характеристикам респондентов. Все анализируемые переменные имели нормальное распределение, асимметрия и эксцесс по большей части переменных не выходили за пределы [1,00]. При проведении факторного анализа (методом Varimax) выделялись 10–12 факторов с собственным значением больше 1,00. Во всех трех выборках первые шесть факторов объясняли 62–68 % дисперсии, что считается удовлетворительным результатом. При проведении t-сравнения получены убедительные подтверждения в пользу нашей рабочей гипотезы (в настоящей статье рассматриваются только результаты t-сравнения). По большей части переменных средние были выше 2,00 балла (при 0 – минимальном значении и 4 – максимальном), т. е. выше более 67 % диапазона шкалы для 34 % анализируемых компонентов (табл. 2).

Согласно рабочим гипотезам и задачам исследования сопоставлялись эмпирические данные двух выборок специалистов, содержание деятельности, организация труда и особенности корпоративной культуры у которых сильно разнятся. Условия деятельности менеджеров коммерческой компании (КК) характеризуются очень короткими временными циклами (частыми сменами работы, коротким стажем работы в организации, в должности и др.), сдельной оплатой труда, постоянно повышающимися требованиями со стороны начальства, жесткой конкуренцией между сотрудниками. На этом рабочем фоне явно «проигрывает» самореализация в семье – поздние браки, небольшой стаж семейной жизни, чаще – один ребенок.

Условия деятельности сотрудников уголовно-исполнительной системы (УИС) фактически противоположные: государственные служащие имеют более стабильную работу, чем сотрудники КК; продолжительные временные циклы работы в одной организации; льготы за выслугу лет и другие льготы при выходе на пенсию. Большинство сотрудников состоят в браке, имеют долгий семейный стаж и более одного ребенка в семье. Вышеупомянутое сравнение трудовых условий, безусловно, не исключает более высокий риск в деятельности сотрудников УИС, работающих с осужденными, что накладывает отпечаток на их профессиональном становлении и развитии.

Выявленные социально-демографические и служебно-должностные характеристики

подтвердили разницу двух исследуемых групп (табл. 1). Статистически значимые различия ($p \leq 0,05$) наблюдаются по следующим показателям: возрасту, стажу работы в компании, стажу в должности, стажу управления, семейному стажу, количеству детей. Это подтверждает гипотезу о том, что представители разных социальных групп подвержены средовому влиянию корпоративной культуры.

Различия в условиях деятельности менеджеров КК и сотрудников УИС ожидаемо нашли отражение в особенностях их стилей делового общения (СДО). При проведении t-сравнения выявлены интересующие нас различия. Так, при сопоставлении особенностей СДО менеджеров КК и сотрудников УИС статистически значимые различия наблюдаются по 5 составляющим стиля (табл. 2), а именно: по умеренной динамике развития процесса; использованию невербальных средств; угрозам, санкциям, наказаниям; использованию четких критериев; переговорам по телефону.

Обсуждение результатов исследования. Причины выявленных различий можно интерпретировать особенностями корпоративной культуры, условиями труда, типичной профессиональной биографией, спецификой деятельности, особенностями отношений в коллективе и др. Очевидно, что представители социономических профессий, менеджеры и сотрудники УИС, трудятся в достаточно непростых условиях, но характер данных условий разный. Работа с осужденными приравнивается к трудовой деятельности в особых условиях, что нельзя сказать о работе сотрудников КК.

У исследуемой группы менеджеров наблюдается постоянное ужесточение требований о повышении продаж со стороны начальства. Тем самым создается ситуация постоянной конкуренции между сотрудниками. Высокая текучесть кадров и угроза сокращения штата также провоцирует конкурентные и недоверительные отношения в коллективе. Конфликтное взаимодействие с клиентами и коллегами, возможно, приводит к эмоциональным проявлениям и срывам. Работа менеджеров происходит в офисе типа open-space, при этом коммуникация между сотрудниками сведена к минимуму, осуществляется по большей части посредством телефона и деловой переписке по Skype. «Живое общение» происходит в основном на совещаниях отделов, в условиях ограниченного времени. Ненормированный рабочий день

и нестабильность на работе сказываются на более поздних браках у менеджеров. В связи с высокой текучестью кадров в компании работают преимущественно молодые сотрудники, непродолжительное время занимающие свои должности.

Сотрудники государственного учреждения имеют другую специфику работы. Трудовая деятельность сотрудников УИС регламентирована четкими правовыми нормами и уставом и имеет высокую ответственность. Работа в учреждении закрытого типа предполагает ограниченный круг взаимодействий. Главной целью сотрудников, работающих с осужденными, является контроль над исправлением заключенных, т. е. стремление к изменению поведения людей. Как правило, в государственных организациях подобного типа люди работают достаточно долго, некоторые – до достижения пенсионного возраста, соответственно, имеют большой стаж занимаемой должности.

Выводы:

1. Важными условиями становления и закрепления стилей делового общения (СДО) сотрудников современной организации являются условия социальной мезо- и микросреды (особенности рабочих групп, декларируемые и латентные особенности корпоративной культуры организации, закреплённые традиции в построении отношений, транслирование руководителями типичного для организации стиля руководства);

2. СДО представителей социономических профессий (менеджеров корпоративной компании и сотрудников государственного учреждения) характеризуются высокой выраженностью разных компонентов стиля. Различия в основном затрагивают высший уровень стиля, а именно идеальные регуляторы/типы организации деятельности, куда входят функции общения и стратегий поведения;

3. Вышеизложенный краткий анализ статистических данных (t-сравнение) демонстрирует различия в социально-демографических и служебно-должностных характеристиках, а также некоторых компонентах стиля менеджеров и сотрудников УИС, которые объясняются спецификой деятельности респондентов, особенностями корпоративной культуры компании и др.;

4. Выявленные различия нашли свое отражение и в результатах факторного анализа, что еще раз подтверждает гипотезу настоящего исследования;

5. Дальнейшие исследования СДО видятся в сопоставлении различий представителей других социномических профессий, что будет способствовать более глубокому изучению собственно стилевой структуры.

Таблица 1

Статистики социально-демографических и служебно-должностных характеристик выборок менеджеров и сотрудников УИС (фрагмент)

	<i>Менеджеры/сотрудники УИС</i>		
	<i>Среднее значение</i>	<i>Стандартное отклонение</i>	<i>Различия</i>
Пол	0,34	0,477	0,117
	0,50	0,508	0,131
Возраст	30,05	5,918	0,000
	36,84	10,439	0,001
Стаж работы	10,16	5,853	0,013
	14,08	10,680	0,057
Стаж работы в компании	3,01	2,929	0,000
	9,50	7,899	0,000
Стаж должности	2,76	2,681	0,000
	6,17	5,496	0,002
Стаж управления	2,30	3,027	0,599
	2,66	3,669	0,631
Должность	3,20	2,034	0,230
	3,69	1,693	0,194
Брак	0,45	0,500	0,088
	0,63	0,492	0,088
Семейный стаж	3,61	5,713	0,000
	11,53	12,318	0,001
Дети	0,36	0,687	0,000
	1,03	0,967	0,001

Примечание: здесь и ниже жирным шрифтом выделены статистически значимые различия при двусторонней значимости (F-критерий).

Таблица 2

Статистики стилей делового общения выборок менеджеров и сотрудников УИС (фрагмент)

<i>Элементы стиля делового общения</i>	<i>Менеджеры/сотрудники УИС</i>		
	<i>Среднее значение</i>	<i>Стандартное отклонение</i>	<i>Различия</i>
Коммуникативная функция	3,36	0,574	0,517
	3,28	0,729	0,563
Стратегия компромисса	2,73	0,762	0,059
	2,41	0,946	0,090
Умеренная динамика процесса	2,19	0,981	0,001
	2,84	0,677	0,000

Демонстрация силы	1,46	1,368	0,007
	0,75	0,880	0,001
Аргументация	3,19	0,957	0,876
	3,22	0,906	0,874
Использование невербальных средств	2,63	0,954	0,000
	1,72	0,888	0,000
Угрозы, санкции, наказания	2,19	0,906	0,000
	0,78	0,832	0,000
Дальняя психологическая дистанция	1,93	0,910	0,784
	1,88	1,070	0,800
Использование четких критериев решения задачи	3,08	0,517	0,000
	2,59	0,837	0,004
Использование деловых писем	2,34	0,880	0,023
	1,91	0,995	0,035
Функция эмоциональной взаимосвязи	2,20	0,814	0,266
	2,00	0,984	0,310
Стратегия соперничества	3,25	0,722	0,168
	3,03	0,822	0,197
Демонстрация твердой позиции	2,74	0,804	0,614
	2,66	0,827	0,620
Фиксация времени проведения переговоров	2,40	0,902	0,007
	1,88	0,942	0,009
Стратегия содействия	3,05	0,722	0,011
	2,66	0,745	0,014
Функция управления взаимодействиями	2,45	0,764	0,009
	2,00	0,916	0,018
Стратегия сотрудничества	2,87	0,737	0,220
	2,66	1,066	0,301
Высокий темп взаимодействий	2,90	0,688	0,010
	2,50	0,880	0,023
Просьба, обращение за поддержкой к партнеру	2,00	1,123	0,072
	2,41	0,946	0,054
Поощрение	2,66	0,780	0,408
	2,53	0,621	0,361
Постановка конкретных целей	3,20	0,708	0,004
	2,72	0,958	0,013
Функция саморазвития	2,56	0,919	0,608
	2,47	0,842	0,594
Условие высокой активности	2,96	0,698	0,130
	2,72	0,958	0,192
Привлечение других людей	1,34	1,268	0,511
	1,50	0,803	0,424
Доверительная беседа	2,89	0,787	0,243
	2,69	0,998	0,297
Переговоры по телефону	2,78	0,807	0,000
	1,97	0,782	0,000

Ссылки

1. Гуцыкова С. В. Взаимосвязь интегральных профессионально важных качеств и личностных характеристик специалистов с разной эффективностью деятельности: автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2012. С. 24–30.
2. Казаринова Н. В. Межличностная коммуникация: социально-конструкционистский анализ. СПб.: Питер, 2006.
3. Карпов А. В., Маркова Е. В. Стилиевые особенности процесса принятия управленческих решений // Вестник Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова. Серия Гуманитарные науки. 2016. № 3 (37), с. 80–86.
4. Кашапов М. М. Стадии творческого мышления профессионала: монография. Ярославль: ЯрГУ, 2006. 380 с.
5. Маркова Е. В. Динамика стилиевых особенностей управленческой деятельности в карьере руководителя // Вестник Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова. Серия Гуманитарные науки. 2016. № 4 (38). С. 112–114.
6. Толочек В. А., Краюшенко Н. Г. Психологические факторы специализации и успешности в видах охранной деятельности // Вестник МГУ. Сер. 14. Психология. 1998. № 3. С. 52–63.
7. Толочек В. А. Интрасубъектные, интрасубъектные и внесубъектные ресурсы профессиональной успешности // Вестник университета (Государственный университет управления). 2008. № 2 (40). С. 155–161.
8. Толочек В. А., Тимашкова Н. А., Денисова В. Г. Профессиональное становление субъектов педагогической деятельности: позитивные и негативные изменения // Вестник МГУ. Сер. 14. Психология. 2014. № 1. С. 16–32.
9. Толочек В. А. Стили деятельности: ресурсный подход. М.: Институт психологии РАН, 2015. 366 с.
10. Eagly A. H., Crowley M. Gender and helping behavior: A meta-analytic review of the social psychological literature // Psychological bulletin. 1986. Vol.100. P. 283–308.
11. Eagly A. H., Jonson B. Involvement and Persuasion: types, traditions and evidence // Psychological bulletin. 1990. Vol.107. P. 265–283.
12. Feingold A. Gender and differences in personality // Psychological bulletin. 1994. Vol.116. P. 429–456.

Дополнительные сведения об авторах

- Денисова Татьяна Сергеевна* — кандидат исторических наук
- Спиридонова Елена Владиславовна* — кандидат исторических наук, доцент
- Мильто Анна Валентиновна* — кандидат исторических наук, доцент
- Добрынин Дмитрий Алексеевич* — аспирант
- Смирнова Юлия Борисовна* — кандидат исторических наук, доцент
- Данилов Евгений Сергеевич* — кандидат исторических наук, доцент
- Уткин Денис Евгеньевич* — аспирант
- Мазалецкая Елена Николаевна* — аспирант
- Аграшин Анатолий Владимирович* — аспирант
- Лушников Андрей Михайлович* — доктор юридических наук, доктор исторических наук, профессор
- Кириллова Лариса Сергеевна* — кандидат юридических наук, ст. преподаватель
- Смирнов Дмитрий Александрович* — кандидат юридических наук, доцент
- Тарусина Надежда Николаевна* — кандидат юридических наук, профессор
- Исаева Елена Александровна* — кандидат юридических наук, доцент
- Иванчин Артем Владимирович* — доктор юридических наук, профессор
- Степанов Артем Андреевич* — аспирант
- Карнов Анатолий Викторович* — член-корреспондент РАО, доктор психологических наук, профессор
- Разина Татьяна Валерьевна* — доктор психологических наук, доцент
- Толочек Владимир Алексеевич* — доктор психологических наук, профессор
- Кашапов Мергалис Мергалимович* — доктор психологических наук, профессор
- Иванова Юлия Олеговна* — аспирант
- Конева Елена Витальевна* — доктор психологических наук
- Солондаев Владимир Константинович* — кандидат психологических наук, доцент
- Пелевина Антонина Александровна* — кандидат психологических наук
- Владимиров Илья Юрьевич* — доктор психологических наук, доцент
- Штыхина Анастасия Вячеславовна* — магистрант
- Коровкин Сергей Юрьевич* — кандидат психологических наук, доцент
- Морозова Екатерина Николаевна* — аспирант
- Кайтукова Захира Хазметовна* — аспирант
- Вильчес-Ногерол (Белик) Вероника Валерьевна* — аспирант
- Рютина Ольга Владимировна* — аспирант

Contributors

- Denisova Tatyana Sergueevna* — Candidate of Historical Sciences
- Spiridonova Elena Vladislavovna* — Candidate of Historical Sciences, Associate Professor
- Milto Anna Valentinovna* — Candidate of Historical Sciences, Associate Professor
- Dobrynin Dmitry Alekseevich* — Postgraduate student
- Smirnova Yulia Borisovna* — Candidate of Historical Sciences, Associate Professor
- Danilov Evgueniy Sergueevich* — Candidate of Historical Sciences, Associate Professor
- Utkin Denis Evgenyevich* — Postgraduate student
- Mazaletskaya Elena Nikolaevna* — Postgraduate student
- Agrashin Anatoly Vladimirovich* — Postgraduate student
- Lushnikov Andrei Mikhailovich* — Doctor of Juridical Sciences, Doctor of Historical Sciences, Professor
- Kirillova Larisa Sergeevna* — Candidate of Juridical Sciences, Senior Lecturer
- Smirnov Dmitry Alexandrovich* — Candidate of Juridical Sciences, Professor
- Tarusina Nadezhda Nikolaevna* — Candidate of Juridical Sciences, Professor
- Isaeva Elena Alexandrovna* — Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor
- Ivanchin Artem Vladimirovich* — Doctor of Juridical Sciences, Professor
- Stepanov Artem Andreevich* — Postgraduate student
- Karpov Anatoliy Viktorovich* — Correspondent member of the Russian Academy of Education, Doctor of Psychological Sciences, Professor
- Razina Tatiana Valeryevna* — Doctor of Psychological Sciences, Associate Professor
- Tolochek Vladimir Alekseyevich* — Doctor of Psychological Sciences, Professor
- Kashapov Mergalyas Mergalimovich* — Doctor of Psychological Sciences, Professor
- Ivanova Yulia Olegovna* — Postgraduate student
- Koneva Elena Vitalievna* — Doctor of Psychological Sciences
- Solondaev Vladimir Konstantinovich* — Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor
- Pelevina Antonina Aleksandrovna* — Candidate of Psychological Sciences
- Vladimirov Ilya Yuryevich* — Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor
- Shtykhina Anastasiya Vyacheslavovna* — Student for Master's degree
- Korovkin Sergei Yuryevich* — Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor
- Morozova Ekaterina Nikolaevna* — Postgraduate student
- Kaytukova Zakhira Hazmetovna* — Postgraduate student
- Vilches-Nogerol (Belik) Veronika Valeryevna* — Postgraduate student
- Ryutina Olga Vladimirovna* — Postgraduate student